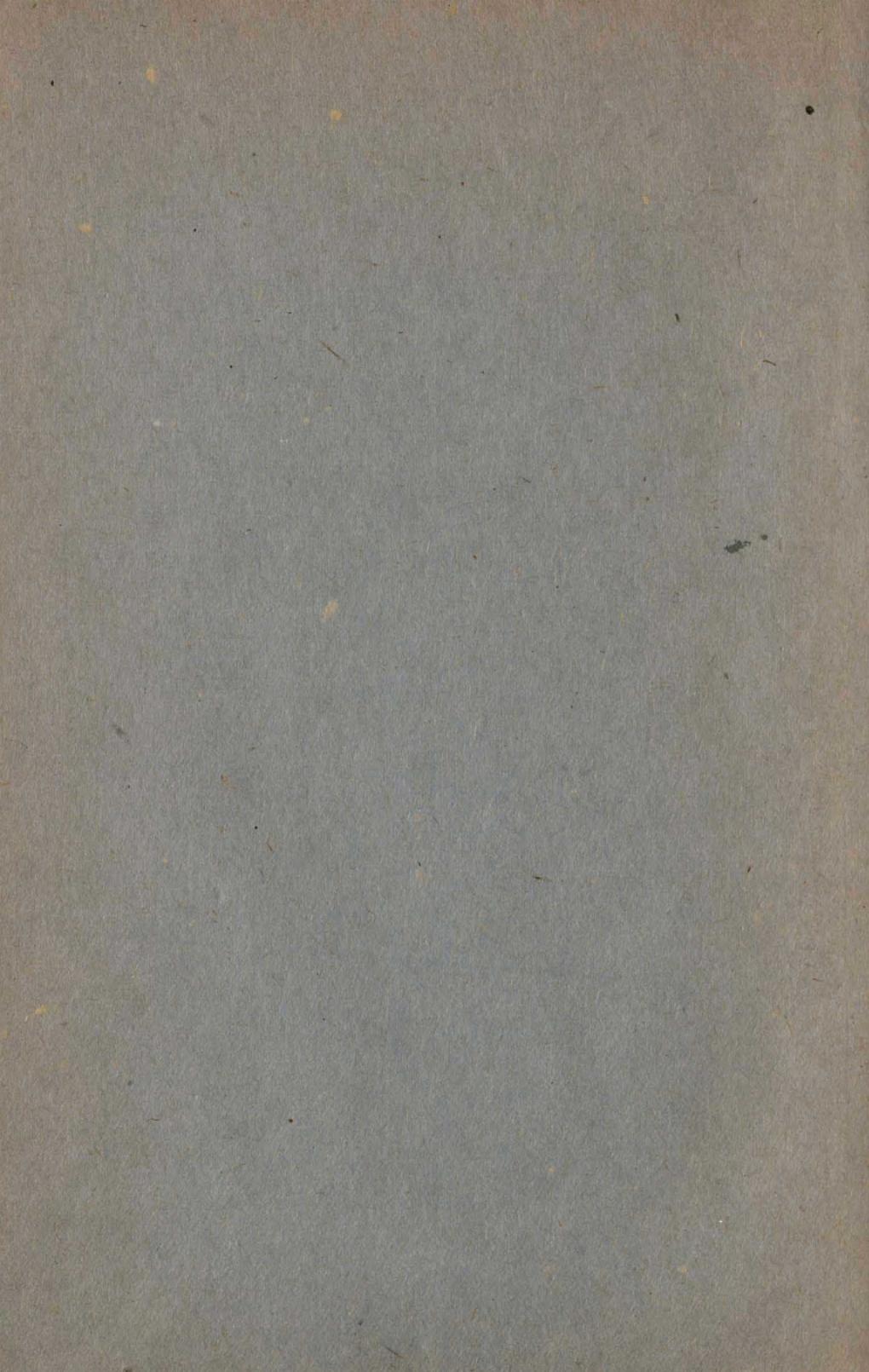

259'05-48

T $\frac{81}{68}$

46/8137

Рисунокъ обложки и заглавной страницы исполненъ
художникомъ Д. И. МИТРОХИНЫМЪ.

T 81
—
68

9

ОГНИ

ПОВѢСТИ. РАЗСКАЗЫ.

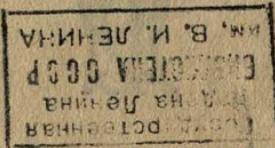
4

ВЯЧШИШКОВЪ
СИБИРСКІЙ
СКАЗЪ

ИЗДАВО
„ОГНИ“
ПЕТРОГРАДЪ
1916

Петроградъ. Дозволено военной цензурой. 10 сентября 1916 г.

36992-46

2015188335

Типо-лит. Агц. О-ва „Просвѣщеніе“. П-дъ, Забалканскій пр., д. 75.

ПОСВЯЩАЕТСЯ
ГРИГОРИЮ НИКОЛАЕВИЧУ
ПОТАНИНУ.

СИБИРСКІЙ СКАЗЪ.

КОЛДОВСКОЙ ЦВѢТОКЪ.

I.

Дѣдушка Изотъ — настоящій таежный охотникъ, медвѣжатникъ. Вдолъ и поперекъ, на тысячу верстъ тайгу исходилъ: бѣлковать ли, медвѣдей ли бить, первый мастакъ. А соболь попадеть — срѣжетъ за милюю душу и соболя. И чего-чего онъ только не видаль въ тайгѣ:

— Ты думаешь, эту проську люди вели? Нѣть... Это ураганъ саданулъ, ишь, какую широкую дорогу сдѣлалъ... А меня, парень, почитай на сотню сажень отмахнуло вихремъ-то, сколь безъ памяти лежалъ... А молодой еще тогда быль, самосильный...

Изотъ и лѣшихъ сколько разъ въ тайгѣ видаль:

— Онъ хозяинъ здѣсь... Только что хрешеному человѣку онъ не душевреденъ... Иду какъ-то я съ Лыской, а онъ, падло, нагнулъ рябину, да и жретъ прямо ртомъ...

Онъ и тунгусовъ, и шамановъ ихъ, самыхъ страшныхъ, самыхъ могучихъ, видывалъ:

— Тунгусовъ здѣсь, въ тайгѣ, много. Ухъ, и шаманы же у нихъ въ старину были: посмотришь на него разъ, умирать будешь — и то вспомянешь...

Бродить мнѣ по тайгѣ съ Изотомъ весело. Заговорить-заговорить — знай слушай.

Да и тайга зимой красоты небывалой. Вся опущенная бѣлымъ снѣгомъ, густая и непролазная, она кажется какой-то завороженной сказкой, какимъ-то волшебнымъ полусномъ.

Мы съ дѣдомъ еле тащимъ ноги, направляясь на ярко-золотой отблескъ вечерней зари.

Жучка, высунувъ языкъ, чернымъ пятномъ ныряетъ по сугробамъ и устало тякаетъ, когда сорвавшаяся съ сосны шишка обнаружитъ притаившагося на вершинѣ звѣрька.

До нашего зимовья, крохотной лачуги, добрыхъ версты двѣ. Сумракъ все настойчивѣй выползаетъ изъ берлогъ и падей, заря гаснетъ, въ небѣ одна за другой вспыхиваютъ звѣзды.

— Ну-ка, паря, приналяжемъ, — кряхтить дѣдъ и надбавляетъ шагу.

А вотъ и зимовье.

Маленькое, пять шаговъ въ длину, пять въ ширину, наскоро срубленное и кой-какъ протыканное мхомъ, оно намъ съ дѣдомъ милѣе каменныхъ палатъ.

Жучка хозяйственно обѣжала избушку и, полаявъ на всѣ четыре стороны, первая шмыгнула въ полуоткрытую дверь.

II.

Лишь только запылали въ каменкъ лиственичныя дрова, мы съ дѣдомъ повалились на холодный земляной полъ и, посматривая на веселый огонекъ, плакали отъ Ѣдкаго дыма, сразу наполнившаго всю избенку.

— Дѣдъ, открой, пожалуйста, дверь.

— Пошто?.. Этакъ, братъ, намъ и хаты не со-г҃рѣть. Уткнись, коли такъ, рыломъ-то въ шубу... Онъ чичасъ къ потолку подымется... Отъ-та-а-къ...

Дѣдъ подбросилъ еще охапку мелко наколотыхъ дровъ, огонь заболталь о чемъ-то, затараторилъ по-своему, и воздухъ сталъ быстро нагрѣваться.

— Ну, садись, — скомандовалъ дѣдъ раскатистымъ своимъ басомъ, — а я дыру открою, надо дымъ на волю выпустить. — И, весь окутанный облаками дыма, полѣзъ на нары, чтобы открыть подъ самымъ потолкомъ задвинутую доской продушину.

Черезъ полчаса мы, усѣвшись на разбросанныя по земль хвои, пили съ ржаными сухарями чай, а надъ нашими головами колеблющимся голубоватымъ пологомъ плавалъ дымъ.

— Да-а-а... — тянетъ дѣдъ, настораживая къ костру котелокъ съ оленымъ мясомъ — ты говоришь: тайга... Тайга, братъ, охо-хо-о-о-о... И народъ въ ней другой, особый, прямо тебѣ скажу, дикий народъ.

Дѣдъ у костра стоитъ вдвое перегнувшись и, опаски ради, придерживаетъ лѣвой рукой огромную свою сивую бородищу.

— Да и вправду молвить, ну, кто округъ нась есть живой? Медзѣдъ да тунгусъ, вотъ и свѣтъ весь... Куда ни кинься — тайга... Лѣсъ, лѣсъ да дыра въ небо... И никакой къ намъ пути-дороги... А все жъ таки...

Дѣдъ набилъ трубку, вытащилъ изъ костра голо-вешку, закуриль.

— А и промежъ нась инымъ часомъ бываетъ... Нѣтъ, нѣтъ да и... Тыфу! чтобъ те пятнало, окаяннаго! — вдругъ плонулъ дѣдъ, — гляди, каку дыру прожогъ, — и, зажавъ дымящійся подоль рубахи, принялся сердито ворошить палкой прогоравшія дрова.

— Что жъ промежъ васъ бываетъ-то?

— А какъ тебѣ сказать... Ну, быдто сумлѣнне въ голову вступить, куда-то поманить человѣка, душа вродѣ какъ скучить начнетъ... Вотъ взвился бы птицей, да улетѣль бы къ самому небушку... Да-а-а... А то тайга, тайга, никакого тебѣ взыху нѣть... Скушно... Да вотъ погоди ужо, я те разскажу, какой случай могъ произойти съ однимъ человѣкомъ, прямо будемъ говорить, съ моимъ родителемъ.

Поужинавъ и разомлѣвъ въ теплѣ, мы стали свѣжевать съ дѣдомъ бѣлокъ: обдирали съ нихъ пушистые шкурки и связывали ихъ хвостами вмѣстѣ по двѣнадцати штукъ, въ бунты.

Жучка, нажравшись до отвала бѣлокъ, подсѣла къ огоньку и вскочѣ, подремывая, стала клевать своимъ острымъ носомъ.

Дѣдъ притащилъ еще охапку дровъ и сказалъ:

— Ну, паря, давай укладываться спать.
 — А случай-то?..
 — А ты ложись, знай: ночь долгая... Поди, намаялся день-то деньской...

III.

Мы лежимъ съ дѣдушкой Изотомъ на прикрытыхъ олѣнными шкурами хвояхъ. Костеръ въ углу на каменкѣ ярко горить.

Черные, покрытые густой сажей, потолокъ и стѣны тихо колышатся въ лучахъ костра, а за крохотнымъ надъ скамьею оконцемъ, сквозь вставленную прозрачную льдинку, мерещится голубая таежная ночь.

Дѣдъ укрылся щубой, а голыя ноги подставилъ близехонько къ костру.

— Ну, вотъ, теперича, коли такъ, слушай...

Покряхтѣль, поскребъ обѣими руками лохматую голову, сладко зѣвнуль и старательно закрестиль ротъ.

— Ну, дакъ вотъ, я и говорю. На моихъ памятяхъ это дѣло-то приключилось, а я въ та-поры мальцемъ былъ. Да. И вдругъ, братецъ ты мой, начали мы съ матерью замѣчать, что съ тятей чего-то неладное до-спѣлось, чего-то тосковать тятя началъ. А жили мы, надо тебя упредить, справно. Сядеть, бывало, тятя подъ окошко, подшибется рукой, да и сидѣть, какъ статуй, молча. — «Ты чего-й-то, Терентій?» — мамынька

окликнетъ. — «Такъ, ничего». Мамынька на рѣку сбѣгаешь, баню протопить, придетъ, а онъ все еще, подшибившись, сидитъ. — «Да ты бы хоть поѣль, на-ка щербы покушай». — «Нѣть, не надо». — «Не брюхоли у тебя схватило?» А отецъ этакъ срыва отвѣтить: «Вотъ тутъ у меня болитъ... вотъ тутъ, понимаешь?» — А самъ по сердцу ладонью стукаетъ. «Ну-къ иди, не-то, въ баньку, похвощись». — «Дура!» — крикнеть отецъ, вскочитъ сорветъ съ гвоздя картузъ, да маршъ вонъ. А мамынька — выть. Ужъ ночью придетъ батя домой, къ пѣтухамъ, почитай. Вотъ день, вотъ другой, вотъ третій... Батя все не въ себѣ. Потомъ оклемается — опять за работу... Недѣли двѣ такъ продюжить, а потомъ опять къ нему лихо причепится. Ахъ, ты, Господи. А то пить учнетъ. И пить, и пить, фу ты, пропасть. Такъ вотъ и маял-ся. — «Да чего это съ тобой, Терентій, сдѣлалось?» — мамынька спросить. — «Тоскливо мнѣ... Тоска... Понимаешь, тоска»... а у самого слезы. — «Дыкъ, дай я тебя натру, благословясь, сорокаприотошникомъ, отъ сорока притокъ, сорока болѣзней способствуетъ», — «Молчи, дура баба», — и весь сказъ. И вотъ, братецъ ты мой, теперича слушай, кака оказія стряслась. Спиши, нѣть?

— Я слушаю.

— То-то. Ну, вотъ... Заходить къ намъ въ этако-то время бродяжка, такъ, мозглякъ какой-то, ночевать просится. Ну, что жъ, ночевать, такъ ночевать, мѣста не жалко. Накормили его, значитъ, напоили. — «Откуда Богъ несетъ?» — «По хрещеному хожу, питаюсь. А вотъ, говоритъ, верстахъ въ десяти отъ васъ — чудо». — «Какое чудо?!» — отецъ обра-

довался. «Да, говорить, по Нижней Тунгузкѣ изъ Енисейска города на Лену въ каторгу преступниковъ въ лодкѣ бичевой тянуть, а средь ихъ, говоритъ, знаменитый разбойникъ Горкинъ съ полюбовницей». — «А чѣмъ же онъ знаменитый?» — «Да его, говоритъ, никакія цѣпи, никакіе остроги не держутъ... Слово такое знаетъ, сколь разъ убѣгалъ... Самъ убѣжть, да еще человѣкъ съ двадцать уведеть съ собою». У тятъки и глаза загорѣлись, ажъ задрожаль весь. — «Изотъ! — кричть мнѣ тятя. — «Оболакайся живчикомъ, пойдемъ глядѣть». Ну, одначе мамынька умомила тятю, не потрогаль меня, одинъ ушелъ. Вотъ ждать мы тятеньку, ждать, нѣту. Опосля того, этакъ черезъ недѣлю времени, брякъ въ окно: «Эй, отворитесь-ка». А ночь была глухая. «Ну, говоритъ, Акулина, вотъ чудо, даکъ чудо видаль я», — и за чаемъ началь намъ, значитъ, все по порядку, что и какъ.

До самаго утра я, разиня ротъ, слушалъ.

«Вотъ, прихожу, говоритъ, я на Ерёмину Луку, а тамъ, дѣйствительно, костеръ горитъ, а возлѣ костра люди. А туманъ такой стояль, что страсть. Вотъ по-привѣтствовалъ я, говоритъ, народъ. Гляжу, все чужie. И вижу, у костра сидить женщина, краснымъ плащомъ повязана. Какъ уперлась она въ меня глазищами, я такъ назадъ и подался: «Чего, говоритъ, испужался», — а сама возьми да улыбнись. Ну, такой женщины сроду, говоритъ, не видаль, ну, до чего у ней, говоритъ, глаза удивительные, какъ стрѣлой разить, вотъ какъ. Ну, изъ себя тоже шибко хороша. Да. «А главная-то рыбина въ лодкѣ, въ щитикѣ», — говорять мнѣ. Я туда. Сидить мужчище, вродѣ цыгана, нось горбатый, борода черная, цѣпями весь окованъ.

Какъ взглянуль я на него, сробълъ, жуть на меня напала, плонульн я, вѣкъ, моль, тебя не видѣть. Вотъ началь народъ суетиться у лодокъ, время плыть, коней начали въ постромки вчаливать. А женщина встала, отряхнулась, бровью повела, ну, прямо королева: «Дозвольте мнѣ, говоритъ, на эту гору подняться. Лодку я догоною». А рѣка тутъ быстро бѣжитъ, лодку супротивъ воды тянуть трудно, лодка огромадная-шитикъ. Старшій ей говоритъ: «Ну, ладно, иди, никуда ты въ тайгѣ не скроешься». Вдругорядь улыбнулась женщина, подобрала юбчинку, да айда на гору, а шитикъ тѣмъ временемъ съ разбойникомъ ввѣрхъ повели. А я стою, говоритъ мой родитель, покойна головушка, ожидаюсь ее, прямо ну, вотъ, скажи на милость, все бы на нее глядѣль, ну, пдямо околдовала, дьяволъ. Долго ли, коротко ли, говоритъ, ждалъ ну, только гляжу: спускается съ горы, маячитъ сквозь туманъ, сама въ веселыхъ мысляхъ и какой-то цвѣтокъ въ рукѣ держитъ, травинку: «вотъ, говоритъ, мужичокъ: сколь времени я такой цвѣтъ искала, нигдѣ не могла найти, опричь этого мѣста. Бѣги, говоритъ, мужичокъ, къ лодкѣ, а я съ этимъ цвѣткомъ подъ водой пойду, я васъ наздогоню». И не успѣла, батюшка ты мой, вымолвить, подбѣжала къ крутому берегу да чебурахъ въ воду, только гуль пошелъ. Я: «ай-ай! караулъ!» да ну, по кустамъ вдоль берега тесать, быдто заяцъ... А туманъ страшенный: сколь разовъ, говоритъ, я подъ берегъ кубаремъ леталь. Ну, кой-какъ догонилъ шитикъ: «Стой, кричу, стой. Женщина утопла!» Шитикъ къ берегу, я вскочилъ, говоритъ, туда, началь все чередомъ обскazyвать, такъ, моль, и такъ, и вдругъ въ это самое времячко, какъ взыграетъ вода

подъ кормой, какъ вынырнетъ наша красавица-то: «Ну, вотъ и я!» а сама сухохонька, будто и въ водѣ не бывала. Мы всѣ такъ и осатанѣли. Шапчонки сдернули, окстились. А она улыбается. А туманъ того гуще сталъ, все какъ въ молокѣ, вся округа. Народъ перепугался, шопоткомъ разговоры ведутъ, боятся, какъ бы она, колдовка-то, какого худа не сдѣлала: какъ махнетъ цѣѣткомъ, да оборотитъ всѣхъ медвѣдями, али гадиной какой. А она, братецъ мой, ровно бы угадала. «Вы меня не пужайтесь». Ну, мы ничего, оправились.

Мой родитель съ недѣлю съ ними плавалъ, она еще разовъ пятокъ этакимъ же побытомъ подъ водой ходила. Да ...

— Ну, теперича, паря, давай курнѣмъ.

IV.

Накурившись всласть, дѣдъ приподнялся, задвинулъ дымовую продушину, огладилъ Жучку и снова легъ.

— Ну, дакъ вотъ, парень ... На чемъ, бишь, я остановился-то ... Да-а-а ... Этово, какъ ево ... Да-а-а ...

Наконецъ, собравшись съ мыслями, дѣдъ началъ:

— И съ этого самаго времени родитель мой, покойна головушка, въ отдѣлку загрустиль, окончательно умомъ тряхнулся. Самое лѣто наступило, пора сѣно-

косная, тутъ только давай-давай. А онъ какъ-то утревчкомъ: «Ну, прощай, баба... прощай, сынокъ... А я пойду»... — «Куда ты, что ты?»... — «Пойду счастье пытать». — «Очнись, одумайся»... А онъ свое. Такъ, братецъ ты мой, и скрылся. Плакали мы съ мамынькой, плакали: какъ быть, куда дѣваться? Объявили міру, стали у міра помочи просить. Вотъ всей деревней съ недѣлю по тайгѣ шарились, да развѣ сыщешь: тайга энъ кака, конца краю ей нѣту...

А тутъ пошелъ это я съ ружышкомъ линныхъ утокъ пострѣлять въ Еремѣй рѣкѣ, вотъ, братецъ ты мой, подхожу, это, я къ берегу, слышу: склонило что-то по водѣ. Я испужался, склонился за сосну, высматриваю. Опосля гляжу: человѣкъ посередь рѣки вынырнулъ, да къ берегу по саженкамъ чешетъ. Глядѣть-глядѣть, Господи, Царь Небесный, да вѣдь это тятя. Я къ нему: «тятенька, кричу, тятенька!» Подбѣжалъ, повисъ у него на шѣй, да ну ревѣть въ голосъ. «Ты что же это, тятенька, задумалъ?» — «А я, сынокъ, цвѣтки пытаю всякие... Мнѣ колдовскій цвѣтокъ обязательно надо отыскать... Пойдемъ-ка». И повель меня въ кусты. Шалашикъ у него тамъ сдѣланъ, а кусты густущіе, вѣкъ не найти бы... Возлѣ шалаша на козлинахъ жердочка строганая, а на ней всякия нанизаны травы: «Вотъ эти всѣ перепробовалъ, вѣ нихъ силы нѣту настоящей». — «Тятенька, мамынька меня за тобой послала... Пойдемъ». — «Обожди, сынокъ. Айда къ рѣчкѣ!» Вотъ повель меня къ рѣчкѣ. Разулся опять, разоболокся, взяль изъ кучи одинъ цвѣтокъ бѣлый, зажалъ въ горстъ, разбѣжался, да бултыхъ въ рѣчку, на самое дно. Ну, я стою, разиня ротъ, дивлюсь. Опять тятя ныркъ наверхъ по-

середь рѣчки, фырчитъ, отдувается, ажъ захлебался весь. «Не тотъ, — кричить, не тотъ!.. Дай-ко-сь си-ненькій». Да такъ до самаго вечера и ныряль все съ разными цвѣтками.

Ну, одначе, сговорилъ я его. Пошли мы съ нимъ домой. Какъ вошли въ тайгу, сѣли подъ елочку, я ему и говорю: «Зачѣмъ же тебѣ, тятя, такой цвѣтокъ?» Онъ похлопалъ, это, меня по плечу, вотъ какъ сейчасъ помню, да таково ли ласково вымолвиль: «Ахъ, сынокъ, сынокъ... Еще молодой ты, чего знаешь... Скусно человѣку, сынокъ... Вотъ какъ скучно... Ты слыхаль, говорить, сказку, какъ Иванъ-царской сынъ золотыхъ кудрей, на колдовскомъ конѣ за тридевять земель ъздиль, али про Жарь-птицу, али про коверъ самолетъ... Вотъ то-то и есть, сынокъ. Да кабы мнѣ такой цвѣтокъ-то колдовской найти... Ха! Да я бы сквозь всѣ земли прошелъ, я бы все небушко надзвѣздное вольной птахой выпорхаль... Ухъ, ты, Господи!..» Обняль это онъ меня, да таково ли страшно задышалъ... Я уставился на тятю, а у него слезы такъ ручьемъ и хлещутъ...

Дѣдъ пофыркаль носомъ и незамѣтно смахнуль набѣжавшую слезу. Подъ нарами тихо взлаивала во снѣ Жучка. А въ кострѣ попискивали и о чёмъ-то шептались золотые угольки.

— Ну, какъ ты думаешь, чѣмъ же эта вся побывальщина окончилась? — спросиль дѣдъ, повернувшись на бокъ, ко мнѣ лицомъ.

— Не знаю.

— А окончилась она такъ, милый... Вернулся отецъ и все намъ съ мамынькой по хозяйству спрашивъ. Впередъ всѣхъ съ поля убрались. Да. И вотъ,

въ позднюю пору, ужъ когда деревья начали призадумываться, а въ лѣсу красный листъ обозначился, опять тоска къ отцу подкатилась. Онъ мамынькѣ, царство ей небесное, ни-гу-гу, а все со мной больше разговоръ имѣль. Какъ-то разъ и говоритъ: «Я теперича, Изотъ, по другому надумалъ цвѣты пытать». Не прошло и трехъ днѣй, хватъ-похватъ, тятыкинъ и слѣдъ простыль. Ну, тутъ опять и началось у насъ съ мамынькой. Она и къ попу-то ъздила, и захарокъ-то выпытывала, и шамана-то отъ тунгусовъ принимала, нѣтъ. Прямо, какъ кануло.

Ужъ ко Здвиженію дѣло подходило, на хребты снѣгъ паль. Сидимъ мы какъ-то съ матерью, сумерничаемъ... Приходитъ въ избу сусѣдъ нашъ, Онисимъ. Покрестился на святы, «здраво, говорить, живете», а самъ топчется. У насъ съ матерью такъ сердце и захолонуло. «Охъ, не съ добромъ ты, я вижу, Онисимъ, — мамынька молвила, а онъ: «Такъ что Терентій вашъ нашелся». — «Гдѣ?!» — «Извѣстно, въ тайгѣ». — «Ну?!» — «Звѣрь его, видно, зашибъ, медвѣдь». Матерь моя такъ съ лавки и покатилась. А онъ: «Ѣхали мы, говорить, изъ кедровника съ орѣховъ, глядимъ, что за оказія! изъ-подъ хворосту ноги торчатъ. Раскидали хворость, а тамъ Терентій внизъ лицомъ лежитъ, а въ горсткѣ у него цвѣтокъ желтень-кій зажатъ быдто».

Дѣдъ, помолчавъ, прибавилъ:

— Вотъ те и все. И весь сказъ мой. Вотъ я и мекаю: однако онъ, родитель-то мой, покойна голозвушка, медвѣдя цвѣткомъ-то покорить хотѣль, да въ поднебесье летѣть на немъ, навродѣ Сивки-Бурки... А?

Дѣдъ замолкъ и долго лежалъ, тяжело вздыхая,

Костеръ прогоралъ, въ зимовъѣ стоялъ колеблющійся сумракъ, а голубой сногъ, лившійся черезъ ледяное оконце, нащупывалъ что-то подъ нарами, шарилъ въ темномъ углу, кого-то выслѣживая и карауля.

Возлѣ зимовья вдругъ послышался скрипъ снѣга, будто грузный человѣкъ взадъ впередъ ходить, и тихій надвигающійся изъ тайги разговоръ. Жучка, заблестѣвъ глазами, сторожко подняла голову и, потянувъ ноздрями воздухъ, октависто заворчала.

— Дѣдушка, чуешь?

— Стой-ко, ужо...

Мы приподнялись, сидимъ, опершись руками въ землю, и чутко прислушиваемся. Да, голоса... Говорятъ медленно, тихимъ распѣвомъ, много голосовъ. Все ближе, ближе...

— Ахъ, окая-а-нныи, а?.. — испуганно шепчетъ дѣдъ, крестится и тянется тихонько за ружьемъ. А голоса громче, шумнѣй...

Жучка, вся ощетинившись и рыча, подступаетъ къ двери. Кто-то за дверью стоитъ, торопливо шарится, скобку ищетъ...

— Стой, держи... Хватай ружье!..

И ужъ не разобрать, что творится тамъ, за стѣной: все смѣшалось въ еще далекомъ, но быстро расстущемъ воѣ.

— Жучка, узы!..

И вдругъ тутъ, среди насть, застонало, завыло, загайкало, дверь рванули — гайгага-а-а!.. — дверь настежь:

— Святъ, святъ!..

Ворвалось, ввалилось что-то безликое, все въ бѣ-

ломъ, крутануло, плонуло, разметало весь костеръ, холodomъ глаза залѣпило, заухало...

— Аминь, аминь!.. — взревѣлъ дѣдъ и грянулъ изъ ружья...

— Сгинь, нечистая сила, сгинь!.. — и все смолкло.

Я, не попадая зубъ на зубъ, стояль возлѣ дѣда въ глубокой тымъ. Жучка жалась къ ногамъ и испуганно повизгивала. Дѣдъ трясущимися руками черкнуль спичку, лучину зажегъ. Весь поль, нары и мы сами были запорошены снѣгомъ, а дверь — плотно закрыта.

Дѣдъ перекрестился: — Ну-ко, благослови Христосъ, — и какъ-то по особому, съ хитринкой улыбаясь; стала разводить костеръ.

— Вотъ они, нечистики-то... Чуешь?.. Ишь, какъ я его изъ ружья-то ожогъ подходяще.

Въ двери зияла пробитая пулей дыра.

— Это ураганъ... — замѣтилъ я.

Дѣдъ круто обернулся ко мнѣ, выпрямился, ударившись головой о потолокъ, и зло крикнулъ:

— Ураганъ?! . Какъ не ураганъ... Много ты слышь... Вотъ пойдемъ-ка по дрова.

Мы вышли. Тайга не шелохнется. Полный мѣсяцъ въ мутно-блѣломъ кругу высоко стояль надъ тайгою. Снѣгъ на полянкѣ переливался алмазами, и кругомъ была жуткая тишина.

— Ну, гдѣ жъ тебѣ ураганъ? А?.. — подступалъ ко мнѣ дѣдъ.

— А видишь, какъ запорошило тропу...

— Тропу-у-у?! . Толкий слѣпой съ подлѣкаремъ... Вотъ те и тропу... Тащи дрова-то... Умникъ!

Вновь засіяль костеръ. Мы вымели набившійся въ зимовье снѣгъ и стали укладываться спать.

— Это оттого, что я маху даль, забыль дверь окстить.

И дѣдушка Изотъ залѣзъ на нары, закрестилъ торжественно дымовую продушину, потомъ сталъ крестить дверь, шепча какія-то тайныя слова и сплевывая чрезъ лѣвое плечо.

Была глухая полночь. Меня одолѣвала дрема. Я засыпалъ подъ раскатисто-плавный голосъ дѣда:

— Вотъ такъ же легъ я, не поблагословившись, въ зимовъѣ одномъ, а тамъ, будто, блазнило, значитъ, по ночамъ рахало... Да-а-а...

Всю ночь мучили меня страшные сны: то я филиномъ леталь надъ тайгою, то боролся съ медвѣдемъ, то нырялъ на дно рѣки за колдовскимъ цвѣткомъ.

1915. Январь.

ЧУЙСКІЯ БЫЛИ.

Эхъ, да какъ стегнула по Алтаю Чуя, священная рѣка. Бѣлыя стоять на горизонтѣ горы, всѣ въ вѣчныхъ снѣгахъ, Чуйскія Альпы, земли надгробіе. Въ нихъ рождается Чуя, священная рѣка.

Сначала степью течеть она, высокой, горной, Чуйской степью безжизненной: ни лѣсу здѣсь нѣтъ, ни сочныхъ травъ. Зато отсюда ближе небо, ярче звѣзды, чище, прозрачнѣй воздухъ.

Вся степь, во времена минувшія, до самыхъ горныхъ маковокъ была водой залита: вѣка вѣковъ пле-скалось здѣсь озеро голубой волной. И стерегли это озеро, каменные витязи, Чуйскія Альпы, богатыри алтайскіе, плечо въ плечо стояли каменной стѣной.

Но не удозорили, не усмотрѣли: обмануло ихъ озеро, убаюкала ихъ зыбунъ волна, уснули крѣпко. А вода прорвала себѣ ходъ, проточила горы и хлынула.

Рокотъ пошелъ по Алтаю, земля затряслась, осыпались камни. Широко волна хлещетъ, опрокидывается скалы, грохочетъ и стонетъ, и мчится вдаль бѣщеніемъ потокомъ.

Это Чуя, рожденная въ снѣгахъ, горами плѣненная, вырвалась на волю и понеслась межъ разступившихся въ страхъ Алтайскихъ горъ.

А озеро обсохло, и дно его превратилось въ песчаную Чуйскую степь.

Такъ стародревняя быль говоритьъ.

* * *

На Чуйской степи есть маленький русскій поселокъ Кошъ-Агачъ. Такой маленькой, что съ горъ, обнявшихъ степь каменнымъ кольцомъ, его и не примѣтить.

Чрезъ Кошъ-Агачъ Чуйскій трактъ идетъ. Узкой тропой соединилъ онъ сибирскій городъ Бійскъ съ монгольскимъ — Кобдо.

Весь бы этотъ трактъ серебромъ можно вымостить да золотомъ, что загребли-захапали русскіе купцы у алтайцевъ и монголь.

Весь бы трактъ можно слезами залить, что сочились изъ узкихъ глазъ полудикихъ, съ чистой душой, кочевниковъ: такой большой обидой и горемъ надѣлилъ ихъ русскій, неистовый, алчный хищникъ.

Такъ говоритьъ про купцовъ недавняя быль.

Клянетъ ихъ Алтай, клянетъ духъ Алтая — грозный Курмышъ, и будетъ клясть изъ рода въ родъ зату великую неправду, что грязнымъ пятномъ пала на бѣлое темя Алтая.

* * *

Бурнымъ шумомъ шумить, шорохомъ шоковымъ... Эй, подожди, Чуя, вода холодная! Куда бѣжишь, куда по камнямъ вскачь мчишься? Стой, Чуя, стой! Расскажи намъ вчерашнія и сегодняшнія были свои.

I.

ЗЕРКАЛЬЦЕ.

Зеркальце, какъ зеркальце. Маленькое, круглое, цѣна ему — пятакъ.

Купецъ ихъ съ дюжину привезъ въ степь.

Думаетъ купецъ:

— Надо калмыкамъ продать, надо калмыковъ на-
грѣть. Грѣха тутъ нѣту: калмыкъ не человѣкъ, —
звѣрь, и душа у него, какъ у пса, парь. Звѣрь и звѣрь.

Ѣдетъ купецъ въ гости къ своему другу, калмыку
Аргамаю, котораго не разъ надувалъ.

Вечеромъ прихаль, къ огоньку. Аргамай въ юртѣ
сидитъ, толстый, сильный. Одинъ у камелька сидитъ,
баранью кость гложетъ и мурлычетъ пѣсню о томъ,
какъ онъ завтра на зарѣ будетъ кочеватъ къ снѣгамъ,
гдѣ такія вкусныя и сочныя травы — сласть скоту.

— Эзень! — поздоровался купецъ.

— Эзень, эзень! — откликнулся Аргамай, всматри-
ваясь въ пришедшаго.

— А-а-а... Эвонъ кто! Другъ!.. — радостно
вскрикнулъ и уступилъ гостю свое мѣсто.

У костра засуетился, — огонь ярче вспыхнулъ, —
полбрана положилъ въ котель, чай по-калмыцки го-

товить началь: съ молокомъ, жаренымъ ячменемъ и солью.

— Бабъ нѣту... Одинъ больной, другой въ гости укатиль къ отцу.

— Нѣть ли арачки?

— Бар, бар... — и подаль въ турсукъ самодѣльную изъ молока водку.

Сидятъ, бесѣдуютъ. Огонекъ весело горитъ. Арачка вкусная, теплая, по жиламъ загуляла, въ мозгъ ударила, дала волю языку.

Калмыкъ смѣется и купецъ смѣется, по плечу Аргамая похлопываетъ, лѣстивыя рѣчи говоритьъ:

— Ни у кого такихъ хорошихъ коней нѣть, какъ у тебя. Самые лучшіе быки у тебя. Самые жирные бараны у тебя. Ты богатый. Жена у тебя красава.

Говорить, арачку пить, баранину Ѣсть.

Аргамаю любо, слушаетъ, смѣется и, чтобъ не оставаться въ долгу, говорить гостю:

— Ты самый хороший есть... Самый вѣрный...
Другъ...

Вспомнилъ купецъ про зеркальце.

Думаетъ:

«Надо подарить. Убытокъ небольшой — пятакъ».

Достать, показываетъ:

— На-ка, поглядись.

Смотритъ пристально. Приковало его зеркало.

— Это кто?

— Да ты...

— Какъ я?!... Это шайтанъ!...

— Такъ ты...

Молчитъ, еще пристальнѣй всматривается, недовѣрчиво на купца смотрить, говорить ему:

— Чего, врешь?!... Нѣту!... Шуба-то моя, а рожу сроду не видалъ, не знаю!...

Купецъ блаженно улыбается, а калмыкъ отъ не терпѣнья заерзаль по войлоку, руки дрожать, крѣпко уцѣпились за волшебное стекло.

— Да ты надѣнь шапку-то... Видишь?... Ты!

Смотрить калмыкъ — его шапка въ зеркалѣ, косу смотрить — его коса, съ ленточкой, бородавка на носу его, — ущупаль...

— Ха-ха-ха!... Продай... Дѣлай милость, продай!

А купецъ совсѣмъ обмякъ, радость другу своему доставить хочетъ, говорить:

— Да я тебѣ его...

— Дѣлай милость, продай... Сколь хочешь возьми!...

И вдругъ купеческая душа къ канавѣ покатилась...

— Нельзя... — чуть дрогнувъ голосомъ, сказалъ купецъ.

— Возьми быка... Ребятамъ, бабамъ казать буду... Хаха-ха... Пусть смотрять рожамъ...

— Нѣть, нельзя... — твердо купецъ сказалъ и легонько зеркальце къ себѣ тянетъ.

Аргамай не даетъ.

— Два быка, три быка!... хорошихъ!...

Душа купца въ канаву ляпнулась, захлюпалась въ черной жижѣ.

— Что ты, я самъ дороже заплатилъ... Въ Москвѣ добылъ... Знаешь, слыхалъ?

Чуть не плачетъ Аргамай, большой ребенокъ:

— Возьми четыре быка... Пожалуйста, возьми, другъ!...

— Пойдемъ быковъ ловить, — жадно сказалъ купецъ.

Аргамай смеется плутовато, зеркальце подальше прячетъ, на купца съ опаской смотритъ, не продешевилъ ли тотъ, не отобраль бы...

Ласково ему говорить тонкимъ своимъ голосомъ:

— Ты самый хороший есть... Самый вѣрный...
Другъ...

Поздно ночью возвращался къ себѣ въ станъ пьяный купецъ. И, выписывая въ сѣдлѣ опьянѣвшимъ туловищемъ мыслете, весело вслухъ думалъ:

— Онъ на то и калмыкъ, чтобы его учить... На то онъ и татарская лопатка...

II.

ЧАСЫ.

Жиль-быль ласковый торгашъ съ мышиными глазами. Онъ былъ такой хитрый, что любого шайтана могъ трижды перехитрить.

Плутъ.

Прѣзжаетъ къ нему старый киргизъ, Юсупъ.

Посидѣль, покалякалъ, кой-что купилъ.

А торгашъ только что свѣжій товаръ изъ города, изъ Руси получиль.

— Купи часы...

Взяль киргизъ въ руки часы, полюбовался ими, языкомъ прищелкнулъ!

— Живой... Стукать...

— Купи!...

Вздохнулъ Юсупъ. Надо бы купить, не себѣ, а сыну, доброму джигиту. Эхъ, надо бы купить.

— Я бы купилъ... Денегъ нѣтъ..., Вотъ будуть, куплю...

Не любиль Юсупъ въ долги залѣзть.

Водкой купецъ угостилъ его, цѣлый стаканъ подалъ:

— Пей...

Магометанская вѣра строгая: водку запрещаетъ

пить. Однако Юсупъ съ хорошимъ человѣкомъ маленько выпить можетъ, грѣха таить нечего.

А водка злая, крѣпкая, ротъ обожгла, веселымъ туманомъ обложила сердце.

Еще стаканъ подалъ.

— Пей, на здоровье...

Очень ласковый торгашъ.

Попрощался Юсупъ, сѣль на своего верблюда, поѣхалъ:

Степью ѿхалъ. Тихо было въ степи. Лишь кузнечики неумолчно въ травѣ трещали. Небо блѣдное, въ блѣдныхъ звѣздахъ — бѣлыхъ лебедяхъ. Изъ-за снѣговыхъ хребтовъ подымалась луна.

Ѣдетъ старый Юсупъ, улыбается, съ верблюдомъ разговоръ ведетъ и, пьяненький, начинаетъ напѣвать:

— Вотъ мѣсяцъ смотритъ... Алла-Алла... Круглый, зоркій, какъ глазъ великаго Аллаха... Свѣтить мнѣ, свѣтить верблюду.

Дальше ѕдетъ... Тихо въ степи... Кто-то на встрѣчу скачеть... Свой...

Прокакаль джигитъ. На ходу кричитъ что-то, но Юсупъ не слышитъ. Въ небо глядитъ, мѣсяцу слезящимися глазами подмигиваетъ. Мѣсяцъ шурится и ярче освѣщаетъ степь.

Поетъ Юсупъ:

— Мѣсяцъ, мѣсяцъ... Золотой мой мѣсяцъ... Мнѣ хорошо, я богатый... Я старый, какъ въ рѣкѣ черный камень... Вотъ куплю часы... Урусь часы привезъ... Я ихъ куплю... Часы, часы... Гей, часы... Живые...

И онъ громко разсмѣялся.

И зароились въ его головѣ серебряныя мысли, какъ

тѣ круглые, маленькие блестящіе часы, которые онъ видѣлъ у торговаго. Ихъ много, не пять, не десять, много. Онъ всѣ ихъ купитъ, всѣ часы купитъ, онъ всѣмъ раздаритъ. Старой своей женѣ, середней женѣ, своей молодой женѣ... Сыну, джигиту трое часовъ повѣсить, себѣ цѣлый десятокъ... Ха-ха... Пусть тикаютъ, пусть вертятъ стрѣлками. Это должно хорошо... Онъ верблюду часы подарить, онъ быку подарить... Пусть и быкъ при часахъ ходить... Хе-хе...

Вдругъ слышитъ: застонала степь. Дробный топотъ по степи звучитъ, отчетливый и быстрый. То кони скачутъ, бьются копытомъ землю, гудить земля.

«Ага, свои...» — думаетъ Юсупъ.

Весело Юсупу. Огонькомъ вино по жиламъ бродить.

— Остановиться надо. Потолковать надо...

Нагоняютъ. Купецъ. Съ нимъ люди...

— У меня, другъ, часы пропали... Которые ты въ рукахъ держаль...

Пропали, такъ пропали... Ха-ха... Эка штука. При чемъ же тутъ Юсупъ.

— Я не бралъ... — говорить онъ, улыбаясь старымъ своимъ бронзовымъ лицомъ. — Пусть Аллахъ меня съ коня столкнетъ, когда я надѣй пропастю поѣду... Я не бралъ...

Ласково торгашъ отвѣчаетъ:

— Да мы знаемъ, что не бралъ. Вотъ я съ понятыми ѿду, всѣхъ обыскиваемъ... Васъ много въ лавѣ было...

— Ищи. Пожалуйста, ищи!...

Верблюду посохомъ по ногамъ слегка ударили, опустился верблюдъ на колѣни. Юсупъ слѣзъ и съ готов-

ностью подошелъ къ купцу, раскарячивая по-пьяному ноги. Глаза черные, лучистые открыто на купца глядѣть. Лицо добродушное, довѣрчивое, бороденка хохолкомъ — дрожитъ.

— Пожалуйста, ищи... Не браль...

Стали обыскивать. Халать разстегнули... И вдругъ...

— Ой, Алла, Алла!... — За пазухой часы.

У киргиза глаза широкіе, ротъ открылся, замеръ киргизъ... И, схватившись за голову, закричалъ упавшимъ, рвущимся голосомъ:

— Вой, вой, вой!... Не браль!...

Торгашъ на всю степь взревѣль:

— Ребята, вяжи!... Въ тюрьму его!!.

Вмигъ мѣсяцъ колесомъ по небу завертѣлся и упалъ, серебряными нитками осыпались звѣзды, небо почернѣло, всколыхнулась подъ ногами степь.

Бросился Юсупъ на колѣни, скривилъ свой старый ротъ и заскулилъ жалобно. И не зналъ, не видѣль изъ-за слезъ, куда ползти, кого молить, гдѣ торгашъ, ласковый его другъ:

— Ой, не надо тюрьма... Ради Бога не дѣлай...

Ради Бога... Чего хочешь, проси...

Взяль купецъ верблюда, велѣль пригнать на зарѣ трехъ лучшихъ игреневыхъ жеребцовъ. И съ честью возвратился во-свояси.

III.

ЖИВЫЕ МѢШКИ.

Еще недавно городъ Кобдо китайскимъ быль. Китайцы большую торговлю вели съ монголами, больши магазины имѣли въ Кобдо. Русскіе тоже торговали.

И вдругъ Монголія захотѣла отъ Китая отколоться, во всей своей волѣ пожить. Началась тогда великая брань: монголы стали китайцевъ колотить, разрушать Кобдо, жечь и грабить китайскіе товары.

Тяжелое настало для китайскихъ купцовъ время.

Къ русскимъ друзьямъ своимъ, къ русскимъ купцамъ обратились за помощью: купите наши товары за безцѣнокъ. Укройте насъ.

Русскіе возрадовались.

Кровь рѣкой течеть по улицамъ, дымъ клубится, раздаются вопли, гремятъ выстрѣлы, — адъ сошелъ на землю.

А русскимъ любо. Русскій купецъ шире распра-влять свой карманъ, чернымъ ворономъ кричитъ, зорко высматриваетъ падаль.

Какъ-то ночью, весь въ слезахъ, весь въ страхѣ, прибѣгаешь къ русскому купцу китаецъ.

Паль предъ нимъ на колѣни, у ногъ ползаетъ, са-

поги смазные цѣлууетъ и не можетъ слова сказать, языка лишился.

Купецъ знаетъ, въ чемъ дѣло. Купецъ ласковый.

Это его другъ, богатый китаецъ Чанбо, миллионщикъ.

Подымаетъ его съ полу, усаживаетъ въ кресло, воды принесть, папироску предложилъ.

— Ты что, другъ? ...

Какъ грянетъ на улицѣ пушка, какъ привскочить до потолка китайскій купецъ, миллионщикъ Чанбо:

— Ой, другъ... Пожалуйста, пойдемъ ко мнѣ. Тебѣ Богъ поможетъ... Спаси, умоляю...

— Идемъ, — сказалъ купецъ и тяжело вздохнулъ. Добрый былъ. Китайцы и монголы уважали его.

Истово на образъ перекрестился, крикнулъ женѣ:

— Благословляй!

Молодая жена въ слезы.

— Съ нами Богъ, — сказалъ купецъ и быстро вышелъ съ китайцемъ Чанбо на улицу.

Жена за ними:

— Степа! Не ходи... Пусть Чанбо у насъ сидитъ...

— Пошла къ ляду, дура!... — зло купецъ отвѣчаетъ ей: — торчи дома, карауль ребятъ... Насъ не потрогаютъ.

Чанбо по-русски маленько понимаетъ: взыграла душа его, на купца, какъ на святого смотрить, въ ноги ему бухъ, опять смазные сапоги цѣловать началъ, купчихъ кричитъ:

— Бабушка, бабушка!... Пасибо...

И оба побѣжали дальше.

Тьма была. Только справа стояло зарево отъ го-

рѣвщей башни. Слышались отдаленные выстрелы. Издали доносилось тысячеголосое гадъньяе китайскихъ солдатъ:

- Много вашихъ войскъ-то? — прошепталъ купецъ.
- Много, — тихо отвѣтилъ китаецъ.
- А чья возьметъ?
- Пожалуй, нась перерѣжутъ . . .

Китаецъ тащилъ купца за рукавъ. Во тьмѣ наткнулись они на что-то и оба упали.

— Это наши убитые, — прошепталъ китаецъ, захныкалъ и что-то запричиталъ. А купецъ перекрестился. Опять пошли. Звуки крѣпли. Въ воздухѣ порохомъ пахло.

Навстрѣчу попалась цѣлая стая собакъ. Онъ выли, подлаивали, щелкали зубами, грызлись, невидимыми клубками катаясь по землѣ.

— Входи! — сказалъ китаецъ.

Они вошли въ калитку глинобитной выходившей на улицу стѣны. Фанза китайца, склады и лавки стояли въ глубинѣ огромнаго двора.

Вдругъ китаецъ остановился. Остановился и купецъ. Замерли. Кто-то хрюпитъ во тьмѣ.

Китаецъ ухнуль, завопилъ:

— Зарѣзали . . . Брата зарѣзали . . .

Но нѣтъ! . . . Знакомый слышится зовъ:

— Чанбо! Чанбо! . . . Иди скорѣй . . .

Бросился Чанбо своему юному брату на шею, а тотъ говоритъ цѣпенѣющимъ отъ страха голосомъ:

— Двоє враговъ были . . . Мы съ приказчикомъ отстрѣливались. Приказчика зарѣзали, ушли . . . Грозили вернуться . . . Я боюсь, Чанбо . . . Чу, какъ хрюпитъ . . . Боюсь . . .

— Не бойся, — успокаивает купецъ, — при мнѣ не имѣютъ полнаго права тронуть . . . — говоритъ такъ, а самъ тоже не можетъ зубъ на зубъ попасть.

Всѣ трое вошли въ фанзу. Огонь зажгли.

— Со мной не потрогаютъ . . . Намъ русскимъ монголы заявили: кто боится — уходи за городъ. Кто не боится — сиди на мѣстѣ: русскимъ никакого худа не будетъ.

И не успѣлъ сказать, какъ шумъ на улицѣ послышался, загадѣли люди, близко гдѣ-то затрещали выстrelы.

— Идутъ!!.

Заметались братья, не знаютъ, что дѣлать, куда укрыться.

— Полѣзайте на всякий случай въ лавку, заройтесь въ товаръ.

Но тамъ однимъ китайцамъ страшно.

— Тогда айда въ мѣшки! Мѣшки пустые есть?

— Есть.

Два большихъ мѣшка живо притащили, сѣли въ нихъ, купецъ прочно завязалъ каждый мѣшокъ и поставилъ въ уголь.

— Сидите смирно, скажу, что это мои мѣшки съ верблюжьей шерстью. Только ни гу-гу . . . Не шевелись! . . .

А чортъ уже возлѣ купца орудуетъ. Сердце купеческое своимъ хвостомъ щекочетъ.

«Нѣть, нѣть . . .» — зло отмахивается купецъ отъ наважденія и крестится.

Ревъ все ближе. Рядомъ. Отдѣльные выкрики ясно слышатся.

Купецъ выбѣгааетъ съ фонаремъ на крыльцо:

— Эй, что надо?! — кричитъ ворвавшимся во дворъ монголамъ.

Тѣхъ много. Факелы въ рукахъ. Возбужденные, въ звѣрей обратившіеся, пьяные кровью, бѣгутъ шумной ватагой къ крыльцу.

— Что надо!? Стой!! — нарочно по-русски кричитъ купецъ.

Бѣгутъ къ крыльцу, галдятъ, сверкаютъ большими ножами, ружья на готовѣ, дубины поднять.

— Ты русскій?! — крикнулъ одинъ изъ нихъ, подбѣжавъ вплотную.

— А ты не видишь? — по-монгольски строго говорить купецъ. Растаялъ въ сердцѣ страхъ

— Не видимъ... Темно... Гдѣ Чанбо?

— Нѣту.

— Врешь!

— Нѣть, не вру!!! — сердится купецъ — Товаръ не смѣй поджигать: мой товаръ. Все купилъ я!.. Русскій!.. Я!!!

Остановились.

— А то казаковъ кликну своихъ!.. Русскихъ!.. Солдатъ!..

— Мы тебя не тронемъ... Товаръ твой не тронемъ... Мы китайцевъ рѣжемъ... У насъ война... Гдѣ Чанбо съ братомъ?..

И хлынули въ домъ.

Купецъ за ними. Толпа пьяна кровью, — купецъ пьянѣть началь. Толпа звѣриныхъ дѣль жаждетъ — звѣрѣть сердце купца.

«Убей»... — чортъ купцу шепчетъ...

Купецъ молчитъ, тяжело дышитъ. Лобъ холоднымъ потомъ покрылся, замираетъ сердце.

Толпа по закоулкамъ шныритъ, въ сундуки заглядываетъ, а на мѣшки вниманія не обращаетъ.

«Все твое»... — чортъ купцу нашептываетъ.

— Мое!...

Не то крикъ вырвался, не то зарницей мысль стегнула въ ошалѣлой головѣ купца.

«Война все простить, все покроетъ»...

Черный свой голосъ, задыхаясь, подаетъ купецъ:

— Чанбо нѣть, брата его нѣть... Слышите?!

Обомлѣвшіе китайцы, едва дыша, Богу молятся, русскаго друга прославляютъ мыслью и радуются послѣднею своею страшной радостью.

— Слышите?! Чанбо нѣть, брата его нѣть: они далеко убѣжали...

А самъ мигнулъ монголамъ и предаль китайцевъ твердымъ жестомъ недрогнувшей руки.

Два кривыхъ ножа сверкнули, два ножа кровью обагрились. Отлетѣла съ жалобой древняя китайская душа.

А купецъ?

Купецъ всю эту ночь, какъ ушли монголы, на верблюдахъ китайскій товаръ къ себѣ возилъ. Весь слѣдующій день возилъ. Всю недѣлю возилъ.

Онъ молчалъ, ни съ кѣмъ не говорилъ, только рукой указывалъ. Какъ кончилъ съ товаромъ, пить сталъ.

IV.

ГНУСЬ.

Былъ купецъ, по прозвищу Гнусъ.

Лицомъ курносый, борода лопатой, глаза яблоками, на лобъ вылѣзали, наглые. Корпусомъ толстъ, голосъ зыченъ: какъ гаркнетъ въ полъ — лошади шарахались въ стороны.

А у达尔 была въ немъ степная, дикая: скакать бы ему на бѣшеномъ конѣ по полю, глушить бы проѣзжихъ съ товарами ямщиковъ, чиновниковъ, купцовъ.

Да такъ оно и было на самомъ дѣлѣ.

Вѣль, чортъ его знаетъ! Вѣдь горы золота нажиль человѣкъ, а любиль, бывало, пошалить темной ночью, съ лихими киргизами, друзьями своими, побарантачить. Видно кровь въ сердцѣ кипучая была.

Подобраль себѣ шайку отпѣтыхъ — отъ нихъ и киргизы-то отказались — и стала съ ними по горамъ гулять.

Удали черезъ край въ Гнусѣ, а скупость сказочная.

Нѣсколько лавокъ у него было. Весь округъ быль долженъ ему.

Долги собираль онъ натурою: возьметъ у калмыка телять двадцать за долгъ, за какіе-нибудь двадцать кирпичей чаю, по рублю кирпичъ, да и скажеть ему:

— Ты, другъ, оставь телятъ-то у себя. Гдѣ ихъ буду пасти, у меня земли нѣту.

Калмыкъ пасеть ихъ годъ, и другой, и третій. А потерять или продать — не смѣеть: телята всѣ купеческимъ, Гнуса, клеймомъ мѣчены.

На третій годъ присыаетъ Гнусъ подручнаго и береть своихъ трехлѣтнихъ быковъ.

А калмыкъ по простотѣ душевной думаетъ:

«Все вѣрно, все такъ... Теленокъ быль, Богъ растиль — быкъ сталь»...

Какъ-то монголь задолжалъ Гнусу цѣлковый. Хорошую у него трубку купилъ. Монголу безъ трубки нельзяя, какъ красавицъ безъ румянъ. Бѣдный монголь, неимущій.

Гнусъ сказалъ:

— Вернешь мнѣ чрезъ годъ за цѣлковый пять шкуръ сурка: процентъ на тебя накладываю.

Монголь съ процентомъ очень хорошо знакомъ: монголы русскими обучены, процентъ вотъ гдѣ у нихъ сидить, ради процента, чтобы его шайтанъ сѣѣль, всѣ они, и бѣдные, и средніе, по горло въ долгахъ, въ кабалѣ вѣчной.

И случилось такъ, что у монгола не оказалось къ концу года лишнихъ шкуръ: на сторону продалъ, по-винности спровоцировавъ, семью кормиль въ голодный годъ. Уплатилъ всего двѣ шкуры.

— На будущій годъ уплатишь мнѣ двѣ овцы и три шкуры. Процентъ накладываю.

Монголь отлично понимаетъ, что такое процентъ, тяжело вздохнулъ монголь, но дѣлать нечего.

Вотъ и второй годъ кончается. Дѣла еще хуже идутъ. Одну овцу притащилъ.

— Теперь ты будешь долженъ мнѣ годовалаго бычка и пять овецъ. Теперь все дорого, доставка дорогая. Большой процентъ накладываю.

До пяти быковъ дошло дѣло, до пяти верблюдовъ. А каждый верблюдъ сотню рублей стоитъ.

И вѣкъ бы сидѣть въ неоплатныхъ долгахъ монголу, да догадался, умеръ. Процентъ сгубилъ молодца.

А и всего-то трубку купилъ, вещь малую.
Но были случаи и почернѣе.

* * *

Лихіе молодцы-киргизы. Но и Гнусъ охулки на руку не положить.

Завель себѣ весь нарядъ киргизскій, малахай бархатный съ лисьей выпушкой сдѣлалъ, чатпоръ березовый вырѣзаль — такую палку съ корневищемъ на концѣ, трахнешь по головѣ — черепъ, какъ арбузъ спѣлый, разлетается! А конь у Гнуса — чорту братъ: вѣтеръ ни по чемъ ему, что вѣтеръ! Стрѣлу пѣвучую обогнать можетъ.

Гнусъ атаманомъ сталъ.

И никто обѣ этомъ не догадывался. Только ночь темная, да широкая степь, да горы знали. Да еще тѣ, несчастные... Но тѣ слова не вымолвятъ, нѣмую жалобу съ собой унесли въ землю.

Надумаль Гнусъ караванъ съ серебромъ обобрать: серебра въ Монголію идетъ много, въ слиткахъ, серебро тамъ цѣнится.

Издалека началь выслѣживать Гнусъ, за границу проводить, въ Монголію. Тамъ степь, жилья нѣту, кричи сколько хочешь, плачь, умоляй — степь все выслушаетъ скорбно, но защиты не дастъ.

Идетъ караванъ степью, и не чуешь бѣды. А бѣда по пятамъ крадется, жмется у горъ, сѣрая, какъ сѣрый щебень-курумъ.

Идетъ караванъ ходко, но и солнце не дремлетъ, книзу катится, вотъ-вотъ сядетъ за сизые хребты. Караванъ торопится: въ степи воды мало, надо у рѣчки ночевать, а до рѣчки добрыхъ десять верстъ.

Какъ паль сумракъ, говоръ рѣчки послышался. И люди, и лошади обрадовались: отдыхъ.

Не успѣли еще коней выпрячь — вихремъ налетѣла шайка... Арканы въ ходъ пошли, руки ямщикамъ вязать начали, конвойныхъ смяли, много ли ихъ, всего три человѣка. Одинъ сопротивлялся стать...

И быть бы злу великому, но кто-то помышдалъ: то ли казаки изъ Кобдо въ Кошъ-Агачъ почту везли, то ли знакомый купецъ Ѳхалъ, — гикнулъ Гнусъ, и вся его ватага умчалась въ горы.

«Сорвалось», — сердито думаетъ Гнусъ, губы себѣ въ кровь искусалъ, коня взмылилъ и долго, ругаясь, грозилъ кулакомъ золотому огоньку, что робко замигалъ у рѣчки.

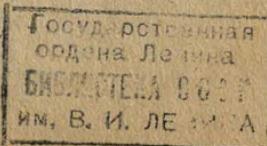
Этимъ дѣло не кончилось. Начальство узнало, кликнуло кличъ.

— Ребята! Кто желаетъ разбойниковъ ловить? Кто хочетъ получить награду? Шагъ впередъ!

Выискались двадцать пять казаковъ, двадцать пять отпѣтыхъ головъ.

Снарядились, поѣхали чуть свѣтъ въ путь-дорогу, съ казацкой пѣсней, съ бубнами.

Лихо кони мчатъ, лихо скачутъ: степь ровная, съ горъ прохладой вѣеть.

Къ горамъ поѣхали казаки, въ балку заглянули — пусто, въ долину рѣчки заглянули — нѣть слѣдовъ, дальше поѣхали, пѣсни не поются, смолкли бубны. Тихо ўдуть, слова не проронять: какъ бы не спутнуть врага.

Вотъ и дню конецъ, а казаки еще и привала не дѣлали, утомились, по сухарямъ соскучились, лошади похрапываютъ, корму просятъ.

Остановились на ночлегъ.

Гроза надвигалась. Сумракъ наполнилъ степь, скрылъ горы. Вдали безмолвно играла молнія: вспыхнетъ тамъ, гдѣ-то за хребтами, потрепещется надъ вдругъ всплювшими изъ мрака вершинами и тихо погаснетъ.

— Дождь будетъ, — сказали казаки и быстро палатки раскинули.

— Гроза идетъ, — сказали казаки, поужинали, чаю кирпичнаго напились и завалились спать.

Гроза надвигалась.

Двѣ грозы надвигались на казаковъ. Свѣтлая гроза, съ молніей и ливнемъ. Черная гроза — Гнусь, душа коварная.

Карауль, сторожевой казакъ, карауль!.. Черная гроза — опасная.

Сторожевой казакъ Петръ Байкаловъ боится небесной грозы, его громомъ въ дѣтствѣ еще оглушило. Стоитъ Байкаловъ, молитву шепчетъ, винтовку дрожащею рукою поглаживаетъ, собирается старшаго будить. А старшій злой: Байкаловъ и его боится, и грозы боится, не знаетъ, какъ быть.

Гроза надвигается быстро, вѣтерокъ впереди ея идетъ, разметаетъ степную дорогу, вольную.

Байкаловъ къ самой палаткѣ подошелъ, а войти не смѣеть. На небо опасливо смотритъ, какъ бы оттуда стрѣлой громучей не пустили. Небо огнемъ кроется, вздрагиваетъ казакъ, крестится:

— Святъ, святъ, святъ.

Громъ глухо стучитъ и разсыпается по горамъ горохомъ.

Тьма. Вѣтеръ травой шуршитъ, вѣтеръ палатку треплетъ, сталь накрапывать дождь.

Тьма густая, предательская. И ничего-то въ ней не видать, ничего-то въ ней не слыхать: лишь сухая трава шуршить.

Эй, смотри, казакъ!.. Какъ блеснетъ молнія — смотри.

Товарищи храпятъ, пуще всѣхъ старшій храпитъ и что-то во снѣ бормочетъ.

И чуетъ казакъ: двѣ грозы идутъ; вторую, черную, сердцемъ чувствуетъ, защемило сердце тоской...

Крестится казакъ:

— Господи, спаси... Чего-то чижало...

Въ небѣ молнія золотой веревочкой съ краю въ край стегнула, засяла степь, громъ удариль близко...

Байкаловъ проворно залѣзъ въ палатку и съ головой шинелью закрылся.

Эхъ, казакъ, казакъ...

Шорохи по степи ползутъ, много шороховъ...

То не дождь ли льетъ-поливаетъ, не градъ ли барабанить по землѣ?

Нѣть, не дождь... Нѣть, не градъ...

Шорохи крѣпче, шорохи сильнѣй. Это смерть по равнинѣ хлещетъ.

Двѣ грозы грянули вразъ надъ казаками: гроза огненная грохотомъ все заполнила . . .

А черная гроза съ лѣшевымъ гикомъ и посистомъ мертвой лавой пронеслась: три тысячи бѣшеныхъ коней во весь опоръ проскакали по спящимъ казацкимъ тѣламъ.

Одну слякоть оставилъ отъ казаковъ Гнусь, душа звѣриная.

Далеко стегнула по Алтаю Чуя, священная рѣка! . . .
 Бурлить по крутымъ склону, вся сѣдая, вся косматая,
 яро камни точить, грозить своимъ гнѣвомъ человѣку.
 Стой, Чуя, стой! . . . Гляди: восходъ сталъ розовымъ . . .
 День идетъ, день идетъ, ночь кончилась . . . Еще не
 много — и твои волны запоютъ иныхъ пѣсни и будутъ
 сказывать новыя были, свѣтлыя и радостныя. Да не по-
 вторится прошлое, да не затмитъ оно грядущаго дня.
 Эй, останови, Чуя, гнѣвъ свой, не точи яро камни, не
 кляни падшихъ . . . Милости, Чуя, священная рѣка,
 больше милости!

1913 г.

ПОМОЛИЛИСЬ.

I.

Сумерки сгущались; тускнѣль закатъ, кой-гдѣ мерцали звѣзды. Двѣ семьи тунгусовъ пробирались тайгой къ торговому селу Хватову, затерявшемуся въ безкрайномъ лѣсу, на берегу большой сѣверной рѣки. Не время теперь бродить тунгусамъ: вонъ, какой морозище стоять, дышать нечѣмъ. Но и стариkъ Гирманча, и молодой Чумго обѣть положили снести въ церковь «прикладъ»: по двѣ сохатиныхъ и по одной оленьей кожи.

Послѣ завтра долженъ народиться большой русскій Богъ, то ли Никола-угодникъ, то ли Иннокентій-батюшка. Имъ это сказали купцы Харлашка да Петрунька, привозившіе въ тайгу лѣтомъ вино и товары. Плути купцы, не дай Богъ, какіе оба плуты. Начисто ихъ обобрали, всю пушину себѣ взяли, оленей сколько-то. А что дали взамѣнъ?... Мошенники.

Но когда они стали звать тунгусовъ къ себѣ въ гости и говорить о томъ, что у нихъ зимой въ церкви Богъ родится, что попъ Ванька пріѣдетъ, что огни зажгутъ въ церкви и будетъ тамъ ночью свѣтло, какъ днемъ, при солнышкѣ, что попъ будетъ пѣть молитвы, а народъ подпѣвать разными голосами, они повѣрили

и объщали придти. Да какъ не повѣрить? Говорятъ купцы, а на глазахъ слезы. Просили бѣлки тащить больше: цѣны хорошія установятся. Вотъ какъ просили, борони Богъ, какъ просили, много-много рассказывали, какъ прекрасно будетъ въ церкви. Во всѣ колокола станутъ звонить.

Вѣдь вотъ, мошенники, плуты, а говорятъ — слезы на глазахъ. Все-таки народъ добрый, значитъ.

Какъ не добрый, извѣстное дѣло — добрый. Ну-ка, кто бы потащилъ имъ въ тайгу вино, это за пятьсотъ верстъ?

А теперь у нихъ маленько муки, слава Богу, есть, и кой-какое сукнишко, и порохъ, и дробь. А не будь всего этого, что бы тогда?

Правда, что денегъ купцы имъ не дали, пушини у нихъ не стало, и на цѣлый десятокъ оленей уменьшилось. Зато недѣлю пили, напившись, дрались, и таскали другъ друга за косы. А олени или пушнина — что жъ? Богъ дастъ опять. У него, у батюшки, этого добра сколько хочешь. Только попросить его хорошенъко, «прикладъ» пообѣщать, да шайтана, «звѣринаго хозяина», умилостивить: саломъ губы смазать да у огня проводить его — и все это будетъ... Ха!.. Не первый разъ.

Оно такъ и вышло. Пушкины осенью добыли много. И не «подпаль» какая-нибудь, а первый сортъ, какъ на подборъ бѣлочки, одна другой лучше.

* * *

Зимой, когда столбы заходили по небу, а снѣгъ лежалъ въ тайгѣ толстымъ слоемъ, долго совѣтовались въ чумахъ, идти ли.

— Однако, пойдемъ, — наконецъ, сказалъ Гирманча.

— Какъ не пойдемъ... Пойдемъ, — подтвердилъ Чумго.

Купцы оставили имъ «рубешку», такую палочку, на струганной грани которой зарубками и крестиками были обозначены дни.

— Сколько нюльговъ, али переходовъ считаешь до села? — спросили купцы.

— Дюрь-дярь... Давасать...

— Срѣзай каждый день по зарубѣ. До этой дойдешь — въ путь собирайся... Въ аккуратъ къ празднику попадешь... Поняль?...

— Какъ не поняла... Помаленьку поняла... Помаленьку... — оба, старики и молодой, отвѣтили тонкими голосами.

И вотъ теперь они съ большимъ караваномъ оленей кончаютъ девятнадцатую нюльгу.

Когда запылалъ «гуливунъ» — огромный изъ наваленныхъ сухихъ лиственницъ костеръ, — мужики усѣлись прямо на снѣгу, возлѣ огня и, покуривая трубки, опять стали толковать о томъ, что дѣлать дальше.

Бабы разсѣдливали оленей, тараторили о чѣмъ-то безъ умолку, смѣясь и шутливо перебраниваясь другъ съ другомъ.

Мужики рѣшили: завтра пораньше надо налегкѣ идти въ село; Анна останется съ оленями здѣсь, всѣхъ оленей дальше гнать нельзя: нѣть корму.

Аннѣ было всего двѣнадцать лѣтъ, и когда она узнала, что ее не возьмутъ съ собою, стала кричать и плакать. Она не боялась остаться въ тайгѣ, что ей тайга? Хотѣлось ей погулять въ селѣ, побывать въ церкви и

поглядѣть, какъ попъ машетъ кадиломъ, и какъ горятъ предъ образами свѣчи. И когда мать начинаетъ ее уговаривать, она еще шибче кричитъ, капризно плачетъ и издали плюетъ во тьму, по направленію къ матери. Та ближе подходитъ къ ней и скороговоркой что-то угрожающе бормочетъ, а дѣвочка, взвизгнувъ и отбѣгая прочь, снова плюетъ, срываетъ по пути хвою и съ сердцемъ кидаетъ въ мать.

Мать останавливается, шипитъ въ отвѣтъ и, растягивая слова, бросаетъ:

— Га-а-а-дина...

Дѣвочка видить глаза и лицо матери и чувствуетъ, что нѣтъ въ нихъ злобы, что мать только притворяется злой, а сердцемъ жалѣеть ее, Анну, маленькую, любимую свою дочь. И чуя это, Анна еще сильнѣй воетъ и визжитъ, и подступаетъ къ матери, и старается визжать какъ можно жалобнѣй, чтобы тронуть мать. Но та непреклонна.

Опять среди тунгусской рѣчи слышится русское:

— Га-а-дина.

Анна еще разъ, теперь сердито, плюетъ и во всю силу звонко кричитъ серебрянымъ голосомъ, но тутъ отъ костра раздается грозное:

— Цыцъ!

И сразу все смолкло. Тихимъ эхо робко плаваютъ въ воздухѣ ребячыи всхлипыванія, но и они скоро стихаютъ.

* * *

Ночь пришла. Небо чернѣло надъ чумомъ.

Золотыя звѣзды дрожали въ вышинѣ.

Костеръ потухаль. Собаки лѣзли къ самымъ

утлямъ, свертывались клубкомъ и засыпали. Кругомъ бродили олени, отыскивая мохъ, или, утонувъ въ пушистомъ снѣгу, лежали смирно и пережевывали жвачку.

Анна долго не могла заснуть, а потомъ, среди ночи, вдругъ ее будята. Проснулась. Шепчетъ кто-то:

— Анна... Слышишь, Анна... Я — Богъ...
Я — русскій Богъ...

Дрожитъ, а слушать хочется...

Страшно, а такъ и слушаль бы.

— Говори, — шепчетъ Анна.

— Ты не бойся... Ты не бойся, Анна... Гляди, сколько цвѣтовъ... Я пригоню къ тебѣ всѣхъ бѣлочекъ, какія только есть на свѣтѣ... Къ тебѣ слетятся всякия птицы, красныя и желтыя, и будутъ пѣть... Я люблю тебя, Анна, моя дѣвочка...

Видить: свѣтъ льется откуда-то сверху, и весь чумъ зѣцвѣтахъ. Тянетъ тоненѣкую ручку, срываетъ одинъ, другой, третій...

— А ты меня любишь, Анна?

— Я боюсь тебя, дядюшка...

А свѣтъ все ближе, ближе, и на сердце такая робость слетѣла вдругъ, что дѣвочкѣ захотѣлось пла-
вать. И опять кто-то тормошить ее:

— Анна, эй, Анна!...

Просыпается. Отецъ сидѣтъ надъ ней, что-то при-
казываетъ. Въ чумѣ холодъ и мракъ, лишь угольки
блестятъ золотомъ. Она, смотрѣть на отца и, сер-
дито отвернувшись, плотнѣй укутывается въ парку.
Когда проснулась, солнце высоко стояло, а чумъ былъ
пустъ.

Вздохнула Анна и стала разводить огонь.

II.

Въ село пришли еще засвѣтло на десяти оленяхъ. Далеко ль тутъ? Одна нюльга, да и та корыстна ли. Верстъ пятнадцать, больше не будетъ.

Ихъ было шестеро: два мужика, двѣ бабы да двое дѣтей — парень съ дѣвкой. Опять, подъ самымъ селомъ, чумъ раскинули. Въ немъ остались бабы съ ребятами, а мужики пошли къ своему «дружку», купцу Харлашкѣ, который ихъ звалъ.

Шли они прямикомъ, перелѣзали огороды и заходили въ чужie дворы, держась прямо на бѣлую узорчатую трубу, — такъ лучше: подъ трубой, на горѣ, Харлашкинъ домъ, а по улицѣ идти — долго ль заблудиться. Тутъ не тайга, борони Богъ . . .

Въ одномъ дворѣ они наткнулись на мужика: лошадей поиль:

— А-а-а . . . — изумленно протянулъ онъ и заулыбался всѣмъ лохматымъ лицомъ.

— Здорово, дружки . . . Откуда Богъ принесъ?

— Дорово, другъ, дорово . . . Тамъ . . . Тайгамъ бѣгалъ.

— Къ праздничку пришли?

— Праздникъ . . . Микола-батюшкѣ . . .

— Какой Микола . . . Микола прошелъ . . . Христово Рождество завтра . . .

— То ли Микола, то ли Рождество... Почемъ знать... Мы тайгамъ гуляль... Да-а-ле-е-ко...

Въ избу поташиль.

— Мы къ Харлашкъ...

— Нѣту его, въ волость убѣжалъ...

— Ей Богъ?

— Ей Богъ.

Дверь захлопнулась, а затѣмъ, черезъ минуту, мужикъ безъ шапки, въ одной рубахѣ, вылетѣль на морозъ, побѣжалъ въ пригонъ, и оттуда раздался его призывной крикъ:

— Матре-о-на... Э-е-й... Бѣги скоряй: орда-а-а пришла... Бѣги-бѣги!...

Черезъ полчаса все село знало, что пришли тунгусы, и самъ Харлашка, торопливо застегивая на ходу лисій бешметъ, спѣшиль въ домъ лохматаго мужика. Тамъ раздались вдругъ крики и ругань, потомъ вышли безъ шапокъ, пошатываясь, тунгусы, за ними купецъ. Онъ ругаль мужика и тунгусовъ, что не къ нему первому пришли съ пушниной.

А тѣ, съ виноватымъ и испуганнымъ видомъ, вразъ говорили:

— Мой не надо виноватъ... Русакъ ругай... пошто враль, пошто путалъ... Какъ нѣту? Есть...

А купецъ, на ходу выхвативъ у растерявшихся тунгусовъ связку баранокъ, замахивался ими на стоящаго въ дверяхъ мужика и, шлепая губами, зычно ревѣль:

— Нѣть, тебѣ кренделямъ-то этимъ по башкъ... Мои дружки... Стеррва! а не твои... Поэтому не смѣй... — и быстро удалялся, увлекая попавшихся ему тунгусовъ.

Тотъ въ отвѣтъ всѣхъ лаяль вдогонку тенористымъ крикомъ, и долго еще въ воздухѣ звенѣль его голосъ:

— Нѣтъ, врешь... Я тебѣ покажу!...

«Покажу, покажу, покажу!» — носилось въ деревнѣ, пока лохматая голова не исчезла въ избѣ: мужикъ пошелъ считать барыши.

III.

Тунгусы раза три бѣгали въ чумъ за пушниной, били тамъ бабъ и тащили все къ купцамъ: и лисицъ, и бѣлокъ, и сохатину. Они были выпивши, но много пить воздерживались, поджидая праздника, чтобы поблагодарить Бога за промыселъ, а потомъ начать гулянку.

Ужъ перевалило за полночь, когда ихъ, измученныхъ, утащилъ къ себѣ чуть не силой торговый человѣкъ, «Большой голова». Онъ злой былъ, ругался съ купцами пуще всѣхъ. Злой, а все таки тунгусовъ защищалъ: обзывалъ торговыхъ мошенниками и еще такъ ругалъ, что никогда и не выговориши. Охъ, какой злой!...

Привель и дома заоралъ на свою бабу, на чужую бабу, на приказчика, на всѣхъ заоралъ:

— Живо!... Чтобы живо... Лови-бери-подхваты-вай!... Вина, чаю, щей...

Купецъ, дай Богъ, ласковый сдѣлался. Усадилъ, по головѣ гладить, чуть не цѣлууетъ тунгусовъ. А тѣхъ торговыхъ, и Харлашку съ Петруньюкой, и лохматаго мужика, все ругаетъ разными словами.

Тунгусы сидятъ, улыбаются; самоваръ притащили, мяса притащили, вина притащили. Вотъ это хорошо. Тепло въ избѣ, и хозяинъ стать добрый, смѣется, по головѣ гладить, цѣловаться лѣзеть. Вотъ это ладно . . .

Тунгусы распоясались: жарко, чай пьютъ, улыбаются, потомъ говорять:

— Когда праздникъ-батюшкa? Когда колоколь станутъ бухать?

— Да скоро: вотъ часокъ, другой и ударятъ . . .

Распрашивается ихъ купецъ про блокъ, хороши ли промыселъ быль, про оленей, про семью, все ли здоровы. Голосъ у купца ласковый, глаза ласковые, но въ глубинѣ ихъ блеститъ что-то злое, никакъ не можетъ скрыть того, что таится въ сердцѣ.

Тунгусы слушаютъ, отвѣчаютъ, жалуются на тяжелую жизнь.

И опять:

— Когда праздникъ-батюшкa? . . . Чего колоколь молчитъ? Умеръ, что ли? . . .

Близокъ разсвѣтъ; купцу медлить нельзя. И онъ приступаетъ къ дѣлу.

— Бѣлки-то много у васъ осталось?

— Како осталось? . . . Все тащиль? . . . Все кончаль? . . . Нѣту? . . .

Лицо у купца налилось вдругъ кровью, и выкатилась ласковость изъ рѣчей и изъ глазъ.

— Сколько денегъ?... Сколько грабители чистыхъ денегъ вамъ отсчитали?!

— А вотъ смотри... Почемъ знать... Много...
Видитъ купецъ — семьдесятъ рублей.

— Только-то?

Смекнуль:

— Вотъ два креста у меня есть, золотые: ну-ка, покупайте...

— Пошто крестъ... Намъ не надо крестъ... Есть крестъ: видишь, поди.

На груди у тунгусовъ были огромные, на толстыхъ цѣпяхъ, серебряные кресты.

— Тоись, какъ не надо? — спросилъ угрожающе купецъ. — Тоись, какъ такъ?... А?... — и поднялся.

— У насть, другъ, есть крестъ...

— Тоись — какъ есть... Эти-то? Да васъ кто крестилъ?

— Мишка, приказчикъ Валькинъ... Маленько...

— Попъ чей?...

— Нѣть попъ... Мишка, приказчикъ...

— Дураки!... Еще какіе дураки-то!...

Торговый секунду подумалъ и заораль:

— Степанъ!... Живо прорубь долби въ рѣкѣ: орду крестить по-своему, по-настоящему, будемъ... Ха!... Ха!...

Одно зло въ глазахъ купца осталось, багровый стонть, кулаки сжалъ...

Приказчикъ смотритъ, недоумѣваетъ, но, поймавъ въ лицъ хозяина нужное, бѣжитъ проворно на улицу.

Тунгусы присмирѣли, губы затряслись; блѣдные, сидяты и не знаютъ какъ быть.

А тотъ оретъ:

— Берешь, или не берешь!? ... Берешь, или не берешь!?

И тонкими, чужими голосами отвѣчаютъ сначала стариkъ, за нимъ молодой:

— Ну, ладно ... можно брать ... Давай, другъ, давай ...

И сквозь слезы:

— Крестить не дѣлай ... Рѣка тунгусъ боится ... Вѣра такой ... Борони Богъ, какъ... Пожалуйста, не дѣлай ...

Купецъ молчитъ, деньги прячетъ въ карманъ, кресты мѣдные надѣлъ имъ.

— А еще деньги есть?

— Помаленьку, бойе¹, помаленьку есть ...

— Сколько?! ...

— Какъ знать ... Помаленьку есть ... Одинъ Богъ знать ...

Стариkъ робко приподнялся и, незамѣтно тронувъ молодого, тихо, почти шопотомъ сказалъ купцу:

— Я только на часъ, бойе ... На ворота... Недолго приду, бойе ... Приду ... Вѣрно ...

А за нимъ молодой:

— Только на часъ, бойе ... Шибко брюхо схватилъ съ вина ... Помаленьку ...

И, выйдя на улицу, оба пропустились къ тайгѣ, по прежнему перелѣзая огороды и заходя въ чужіе дворы.

¹ Обращеніе: парень, товарищъ, другъ, господинъ.

IV.

Стали выочить юленей, разсыпая въ «потокуи»² покупки: ящикъ изъѣденныхъ мышами пряниковъ, зачѣмъ имъ пряники? Старые окаменѣлые баранки, зачѣмъ они? Муку, бисеръ, ленты, ситецъ, сколько-то сукна краснаго, сколько-то сукна желтаго, кусокъ сахару и всякаго хлама, ненужнаго, бросоваго, безъ чего всегда обходился тунгусъ. А вотъ чаю мало дали, сахару мало дали, пороху мало дали... Это плохо... Свинцу совсѣмъ не дали. Это больно худо... Охъ, какъ худо... Чѣмъ бѣлку бить, чѣмъ сохатаго бить...

Бабы выочать, брюзжать, бранять мужиковъ, оленей пинаютъ со злости, а мужики возлѣ огнища сидятъ, трубки курятъ и боятся глядѣть другъ другу въ глаза. Сидятъ и вздыхаютъ, крадучись.

— Отырканъ, тащи вина!... — вдругъ крикнуль стариkъ женѣ.

— Самъ тащи... Много дали тебѣ вина... Гдѣ твои бѣлки, гдѣ твои лисицы. Ахъ, стариkъ, стариkъ... Дуракъ ты, худой дуракъ!...

Стариkъ принимаетъ упрекъ молча, потомъ говоритъ:

— Плути! мошенники!... Все тащилъ, ничего не даваль, — и никнетъ головой.

² Берестяныя, крытыя оленей кожей сумы.

Затѣмъ, повернувшись къ селу, кричить рѣзкимъ, со слезами, голосомъ:

— Я не къ тебѣ пришелъ, я праздникъ пришелъ, я Микола-батюшкѣ пришелъ!! А ты, плутъ, обижаль... Ну, ладно...

Въ это время ударилъ колоколь.

Воздухъ вздрогнулъ, и тягучіе металлическіе звуки поплыли оть села къ тайгѣ, летѣли дальше въ глубь лѣса, туда, гдѣ живутъ бѣлки, горностаи, лисицы, гдѣ спятъ чуткимъ сномъ медвѣди, гдѣ Анна, маленькая дѣвочка, ждетъ своихъ съ подарками и радостными вѣстями. Спить, поди? Да, спить: время глухое.

Всѣ вмигъ затихли, мужики и бабы положили въ мѣшечки трубки, стояли молча, не шевелясь и, разиня рты, слушали благовѣсть.

Тихо снѣгъ падалъ, и брезжиль разсвѣть.

— Пойдемте молиться-то? — робко сказала старая Отыркань.

— Нѣтъ, — отвѣтилъ старикъ спокойнымъ голосомъ.

— Вѣдь, пѣди, праздникъ...

— Нѣтъ, все равно, нѣтъ... Мошенники!... Убываютъ...

V.

Немного помедля, тронулись въ обратный путь.

Звенѣли мѣдные боталы у оленей, галопомъ ска-
кали оленята, отыскивая своихъ матерей, и по тайгѣ
носилось тунгусское понуканіе:

— Мо-о-до!... Мод-мод-модь!...

Старикъ ъхаль сначала впереди, а Чумго сзади.
Онъ хотѣль отвести съ Чумго душу, поговорить съ
нимъ, высказать свое горе. Разсчитывалъ сказать ему:
«Бойе, вотъ обобрали нась, это плохо, бойе... Ой,
какъ плохо».

Но когда увидаль, подъ ъхавъ вплотную, широкую
согнутую спину товарища и понуро опущенную голову,
сказалъ совсѣмъ не то, что думалъ:

— Ты бы, Чумго, пожалѣль учуга¹, ишь хромаетъ:
слѣзъ.

Хотѣль пересилить себя и сказать нужное, но не
было у него теперь словъ: уста сомкнула обида, ныла
грудь, и въ головѣ ходиль зеленый угаръ.

А Чумго, не слыша его, ъхаль дальше, вздрагивая
плечами и закрывъ лицо лохматой рукавицей.

¹ Верховой (подъ сѣдломъ) олень.

Но вдругъ, вмѣстѣ съ гулкимъ благовѣстомъ кто-то стукнулся старику въ сердце, въ душѣ вспыхнула зарицей искра, и ему неотразимо захотѣлось вернуться въ село, пойти въ церковь, упасть предъ «Николай-батюшкой» на колѣни и разсказать громкимъ голосомъ все, какъ было, нажаловаться ему при народѣ, пусть слушаютъ — на всѣхъ плутовъ и мошенниковъ, на Петруньку съ Харлашкой, и на Большого голову, и на всѣхъ, кто всю жизнь дѣлалъ ему зло... «По какому праву... Эй, по какому праву!»

И сердцу сдѣлалось сразу такъ больно, что старикъ чуть не крикнулъ на весь Божій свѣтъ.

Но въ это время начался радостный трезвонъ во всѣ колокола. Тайга шумѣла вершинами, и звуки перезвона то были близко, рядомъ, ласково просились въ душу, то замирали въ шопотѣ лѣса и казались далекими и чужими.

Опять всѣ, будто по уговору, остановились, опять стали прислушиваться къ переливчатымъ, весело порхавшимъ по тайгѣ звукамъ и стали креститься трясущимися руками.

Постояли, вздохнули молча, и молча двинулись въ путь...

Старикъ Ѳхаль теперь сзади и, опустивъ низко голову, думалъ о томъ, что есть великий русскій Богъ, свѣтлый и милостивый. Но зачѣмъ Онъ такъ далеко живеть. На солнцѣ, что ли? Зачѣмъ Онъ даетъ обижать тунгусовъ? Развѣ не видно Ему сверху? Али жертвой не доволенъ остался? Можно еще больше дать «прикладъ». Возьми, только въ обиду не давай...

— Пожалуйста, возьми, русскій Богъ, пожалуйста, возьми... Двадцать дней шелъ, бабу тащилъ, ребятъ

тащилъ, товарища тащилъ, оленей мучалъ... Пожалуйста, давай защиту...

Обида вдругъ всплыла наверхъ, и стариkъ заплакалъ, лицо сморщилось, скривился ротъ, закапали слезы.

Взглянуль на небо... Но тамъ звѣздъ не было.

1912 г. Январь.

ВАНЬКА ХЛЮСТЬ.

I.

Угрюмая, необъятная, страхи таящая въ себѣ, тайга дремала.

Гдѣ-то, за далекой горой еще блуждалъ лучъ солнца, а тьма ужъ проснулась въ трущобахъ, поползла неслышно изъ берлогъ, распласталась по влажному сѣдому мху, нетерпѣливо дожидалась, пока погаснутъ жемчужныя облака. Тишина была чуткая такая, выжидавшая.

«Гу-гу-у... Хо-хо-хо!»

Вздрогнула тайга, насторожилась. Но меркли вверху облака, приподнималась тьма выше, баюкала тайгу и навѣвала ей сны. Дремала тайга. Еще не успѣли окрѣпнуть робкіе и неувѣренные огоньки звѣздъ, а тайга до краевъ ужъ захлебнулась тьмою, хлынувшей къ померкшимъ небесамъ.

Тайга заснула.

* * *

Кто-то ходить во тьмѣ. Смѣется тихо. Тамъ, на пригорочкѣ, большой костеръ горитъ. А возлѣ него — двое.

Костеръ тихо потрескиваетъ, и языки пламени задорно и весело лижутъ тьму.

Дѣдъ Григорій, — восемьдесятъ лѣтъ скоро, —

кряхтить у костра, грѣется: износилась съ годами кровь, похолодѣла. Лицо у него грубое, съ лохматой бѣлой бородой, но въ глазахъ блеститъ что-то такое хорошее, теплое, — словно поманилъ его Могущій въ иной міръ, умудрилъ его жизнью и открылъ невѣдомыя, простыя и великія тайны. Хмурить густыя брови, а на устахъ радость. Въ глазахъ небеса, а душа все еще по землѣ ползаетъ.

Говорить дѣдъ медленно, густымъ и хриплымъ го-
лосомъ, и въ его разсказѣ всегда смѣшокъ слышит-
ся, — стариkъ веселый.

Еще у костра, притулившись къ дѣду, сидить внукъ
его — хороший, лѣтъ шести, паренекъ Тимша.

Да еще двѣ собачки: Жучка съ Вѣрнымъ. Жучка
молоденькая, какъ смола черная, юлитъ возлѣ Вѣрна-
го. Вѣрный лежитъ смироно, морду на лапы положилъ,
и умными глазами смотрѣть въ лицо дѣда... Когда
дѣдъ весель, и песь весель, но чуть затоскуетъ ста-
рикъ, вздохнетъ и Вѣрный.

Тимша съ бѣлыми, въ скобу подрублеными воло-
сами, остроносенькій, съ живыми сѣрыми глазенками,
и когда смѣется, глаза превращаются въ узенькія щел-
ки съ лучистыми, какъ у старика, морщинками. На
видъ онъ щупленькій, блѣдный. Сидить съежившись,
посматриваетъ на дѣда, чего-то ждетъ. Тотъ гладить
его большой корявой лапой по шапкѣ и ласково гово-
ритъ:

— Охъ, и лютой же ты, Тимша, сказки слушать...

Мальчонка ерзаетъ радостно и настороживается.

— А ты, дѣдушка, ну-ка скажи, слышь, про тигру-
то...

— Хе-хе... Эвона-чо... Ну — ладно, коли такъ...

Дѣдъ толкаетъ въ костеръ смоляной пень, огонь жадно набрасывается на новую пищу и стрижетъ ее неутомимо острыми ножами своихъ языковъ.

— Дыкъ про тигру?.. Ладно-о-о...

Дѣдъ много знаетъ забавныхъ разсказовъ, ласко-во-грубыхъ, по таежному красивыхъ: весь свой вѣкъ въ тайгѣ прожилъ, но сейчасъ нарочно медлитъ, посматривая сыскоса на внука, а тотъ весь нетерпѣніемъ пышетъ, какъ струна вытянулся слухомъ, ждетъ...

— Забѣжала разъ къ намъ тигра изъ Монголіи. Это лѣтъ съ пятьдесятъ тому, какъ не болѣ. Три волости, парнище, сбили, чтобы, значитъ, препону ей положить. Вотъ ладно. Окружили мы ее, чорта, а она промежъ насъ такъ вотъ и сигать, такъ вотъ тебѣ и сигать...

— Сигать?..

— У-у-у... Какъ молынья... Одному по рыль хвостомъ съѣздила, сразу салазки на сторону своротила... Вотъ, братъ, кака силища... Звѣрюга самая душевредная...

Тимша слушаетъ разиня ротъ и вытараща глаза отъ удивленія, а дѣдъ улыбается и хриплымъ басомъ говоритьъ дальше.

И когда дѣдъ, увлекаясь, хватаетъ черезъ край, испуганное лицо Тимши вдругъ покрывается смѣхомъ, и онъ, фыркая въ рукавъ, машетъ на дѣда рукой и вскрикиваетъ:

— Ври-ка больше...

Тогда дѣдъ на полусловѣ смолкаетъ, зло смотритъ на внука, а потомъ нахлобучиваетъ ему проворно по самыя уши шапку, и оба вразъ заливаются смѣхомъ...

Въ темнотѣ, направо, то всхлипывая, то пересмѣхая
кого-то, гуторитъ тихо таежная рѣчка: хоть поздно, —
давно спустился съ неба сумракъ, — а сонь не береть
её...

И вдругъ, тамъ раздалась пѣсня... Высокій го-
лосъ, весь тоска и слезы, жаловался на что-то звѣз-
дамъ, укоряль кого-то... Это — Ванька Хлюсть,
бродяга, что вчера присталь къ дѣлу, какъ затеряв-
шаяся собачонка.

Но вотъ послышался хрустъ валежника, шорохъ
вѣтвей, все ближе да ближе: то Ванька Хлюсть про-
дирается сквозь заросль тайги... Вотъ вынырнуль:
не идетъ, а скачетъ торопливо, подпираясь толстымъ
батогомъ. Свѣтъ костра хлынуль ему навстрѣчу, и
въ трепетныхъ лучахъ видно было, какъ Ванька, при-
скакивая, волочитъ правую ногу.

— Ну, паря, и мастерина же ты пѣсни пѣть, — ска-
залъ Григорій, — за самое ты меня сердце взяль...

— Это мы можемъ, — откликнулся Ванька, щуря
отъ свѣта глаза, и подаль дѣду котелокъ.

— Настроаживай-ка, благословясь, къ огоньку:
щерба знаменитая должна вытти...

Лицо у бродяги большое, корявое, ни усовъ, ни бо-
роды нѣть, доброе, а изъ сѣрыхъ печальныхъ глазъ
вдругъ веселье брызнетъ, удаль какая-то... Расцвѣ-
теть ненадолго улыбка и завянетъ; огоньки лукавые
заиграютъ въ глазахъ, смѣхомъ заискрятся, но грусть
вмигъ погасить ихъ и покроетъ лицо кручиной.

— Ну, калѣка ты моя, калѣка Божія... садись-ка
во тутъ, умаялся, поди, сердешный... — участливо
говорить стариkъ...

Жучка вскочила, ластится; Вѣрный подошелъ — обнюхаль и, рѣшивъ, что человѣкъ надежный, легъ.

Ноги у Ваньки кульяпья, сухія, въ бродни обуты... Эхъ, и руки же у парня — безпалыя, только на правой — большой палецъ торчитъ, да и тотъ безъ ногтя... Лѣвая рука въ локтѣ перевязана грязной тряпицей и веревками обмотана...

— Ну, что, не легче рукъ-то? — спросилъ дѣдъ.

Ванька глядить на него, — лицо печальное, — и нехотя говорить:

— Да што... ишь отгнила совсѣмъ. Развѣ это рука?.. Одно званіе, что рука, мѣшаеть только, одна видимость. Весь суставъ въ локтю порѣшился, все головой погнило... На однѣхъ жилахъ, да вотъ еще на веревкахъ держится. Вотъ размотаю сбрую-то, да какъ шаркну по дереву — и отлетитъ къ чертовой матери... Охъ, горе-горе...

Ванька одернулъ свою синюю, съ бѣлыми разводами, рубаху и почесаль кульяпкой длинную худую шею.

— Лѣть пять вотъ такъ... Въ Смоленскомъ селѣ легъ въ больницу — тамъ докторъ пальцы рѣзаль мнѣ, девять штукъ напрочь откатиль, не усыпляль, ничего... Рѣжетъ, а я смотрю... «Ну, и крѣпокъ, говоритъ, крестникъ» — крестникомъ меня своимъ назваль — «терпѣнья, говоритъ, въ тебѣ множество». «Отнимите, говорю, и руку-то заодно». — «Нѣть, говоритъ, рука пройдетъ, лежи». Лежаль я, лежаль, а и раночка-то вся шиломъ чкнуть. Потомъ докторъ говоритъ: «Ну, братъ, крестникъ, рука твоя такъ что неизлѣчима... Шабашъ, братъ»... Я опять: «Отрѣжьте, Христа ради». — «Не могу, перація трудная...

Катай, какъ не то, въ городъ»... Ха-ха... Въ го-родъ... Да нешто у насъ, въ тайгѣ, до городу-то доскачешь... Чу-у-дакъ человѣкъ... Въ городъ!.. Пошелъ я прямо въ тайгу... Пришелъ, паль на колѣни, реву: матушка — напитай, матушка — укрой... Не выдавай, тайга-кормилица, круглую сироту Хлюста Ваньку. Говорю такъ, а слезы ручьемъ-ручьемъ, — торнулся носомъ въ мохъ, лежу, вою... И словно бы, кто шепнулъ мнѣ ласково, будто приголубилъ меня... Не вижу, дѣдушка, а чувствую — стоитъ возлѣ меня кто-то, утѣшаетъ, — и башку отъ земли отодрать не смѣю. Слышу только, какъ въ грудяхъ радость ходуномъ заходила, будто вода весной. Засіялъ я весь, приподнялся... Гляжу:: бурунучишка стоитъ у кедра на заднихъ лапкахъ, смотрить на меня глазенками, а самъ посвистываетъ. Захохоталъ я тутъ радостно, грожу ему: ахъ, ты, такой сякой, бурунучекъ ты этакій, милый мой... А онъ смотрѣть на меня бисеромъ, да знай посвистываетъ... Э-эхъ!.. И вдругъ не стало во мнѣ, дѣдушка, ни пе-чали, ничего земного прочаго...

— А красно же говоришь ты, Ванюха...

— Ахъ, дѣдушка, дѣдушка... Вѣдь, башка-то у меня умная, вотъ только досталась-то она дураку, — хы-ы... Въ тайгѣ, братъ, всему научишься...

— Нау-учишься... — недовѣрчиво кряхтитъ Гри-горій. — Гдѣ тутъ научишься-то, съ кѣмъ?.. Съ медвѣдемъ, рази?

— И съ нимъ... Я, отецъ, ранѣ-то такъ жилъ: вотъ забреду на заимку какую, выпрошу хлѣбца Хри-ста ради да чайку, и айда... Заберешься куда-нибудь въ отдаленѣе, на рѣчонку, и живешь тамъ, какъ вое-

вода: морды плетешь для рыбы, пѣсни поешь. А чортъ ли. Мнѣ ранѣ-то весело жилось, ни о чём не думалось... И разговоры разговариваешь въ тайгѣ съ кѣмъ придется: человѣка встрѣтишь — съ человѣкомъ, бѣлка на сучкѣ сидитъ — съ ней... Нѣтъ никого — съ деревомъ: и дерево, братъ, выслушать да понять можетъ. А то съ тучкой, либо съ мѣсяцемъ. Орешь ему: ей, мѣсяць, батюшка! Вскочишь, подопрешься костылемъ, машешь рукой да орешь...

Замолкъ Ванька и опять тихо стало... Только костеръ гуторилъ, да надъ прогалиной, трепетно и робко мерцая, звѣзды караулили ночь... Къ нимъ, къ звѣздамъ далекимъ, вспорхнулъ Ванька мыслью.

Но дѣдъ тутъ же стащилъ его на землю:

— А ты бы, паря, шель къ намъ на заемку, тебѣ бы бабка руку-то попользовала... Охъ, и знатецъ старуха... Мало ли есть какихъ средствіевъ... Эвона со мной случай какой произошелъ, слушай-ка. Была одна красава-раскрасава дѣвка, постоянный дворъ на пріискахъ содерживала, только одна нога деревянная... Съ деревяшкой, а вольная была. Пришли какъ-то, въ разъ угадали, три мужа — ейные дружки, значитъ. Она видить, что съ тремя-то не разсчитаться, шасть въ сѣнцы, а тамъ на полкѣ стряхнинъ стоять, волковъ травить, она возьми да и выпей. А я въ та поры парнемъ былъ, работникомъ жилъ у ней. Слышишь, что-то склокапало... Прибѣжали, вотъ такъ разъ! Лежитъ дѣвка, хрюпитъ, почернѣла и деревяшкой вертить.

— Верти?..

— Верти-и-итъ... Страсти...

— Ха!.. Лловко, — хмуро вставилъ Ванька.

— Ну, ладно... А тут у насъ на шесткѣ масло разогрѣтое коровье было, мы ей и вбякали. Ротъ-отъ разщеперили да огромный ключице межъ зубовъ отъ кладовой вставили, да и лили масло-то. Польемъ — польемъ, да подынемъ на дыбы, да встряхнемъ... А потомъ на доску положили дѣваху-то, да въ горячую печь и вбухали. И чтобы ты думалъ? Вѣдь ожила, шельма, оклемалась... Виши, какія средствія оказались... Вотъ оно што... А руку и подавно наладить можно... Кого тутъ!

Дѣдъ крякнулъ и исподлобья посмотрѣлъ на Ваньку.

— А и веселый же ты, дай Богъ, дѣдъ, ласковый...

— Хо-хо... Я-то?.. Я, братъ, ничего, мастакъ на эти штуки... Артельный человѣкъ... Бывало чего-нибудь сколоколиши смѣшное, вотъ и смѣхъ... А гдѣ смѣхъ, тамъ грѣха меньше, злобы... А вотъ еще со мной случай былъ, почище стряхнину... Въ аптекѣ я служилъ сторожемъ да замѣсто микстуры — просто попробовать хотѣлъ, побаловаться: сладкія другой разъ бываютъ — взялъ да, не разобравши дѣла, сѣрной кислоты ложку и царапнуль... Дыкъ у меня, хошь вѣрь, хошь нѣтъ, вотъ тебѣ Христосъ, вотъ... какъ у окаяннаго, изо рта и изъ носу дымъ повалилъ!..

Ванька ухмыльнулся, заерзаль по землѣ и звонкимъ голосомъ сказалъ:

— Ну, и развеселый же у тебя, дѣдъ, характеръ...

II.

Дѣдъ топчется у костра, хворость въ огонь подбрасываетъ, котелокъ съ ухой настораживаетъ и думаетъ: вотъ его, старика древняго, третьеводнись послать сынъ на сосѣднюю заимку, верстъ за пятьдесятъ, — чтобы самому слетать, такъ нѣтъ! — просить коновала добыть для жеребчика. Тимшу взялъ, все поваднѣй. Сѣли въ лодочку да благословясь и поплыли. А вечеръ, солнышко ужъ за лѣсъ падало, — въ тайгѣ дни короткіе, — глядь поглядь: человѣкъ на берегу сидитъ, да таково ли жалобно поеть пѣсни, и дымокъ возлѣ него вѣтается... Подѣхали. Кто та-ковъ? Человѣкъ... Вижу, что не полѣно... Откедова? Бродяжка, Ванька Хлюсть... Возьми, говори-тъ, дѣдушка, ради Господа... По народу, по слову человѣчьему я затосковался.

Суетится дѣдъ у костра, думаетъ, любовно посматриваетъ на бродяжку и говоритъ:

— Разскажи-ка, братъ, сдѣлай милость, какъ ты, не въ огорченье будь сказано, изувѣчился-то?...

Ванька медлилъ. Онъ снялъ шапку, съ ожесточенiemъ единственнымъ пальцемъ поскребъ кудрявую голову и, вздохнувъ, поглядѣль на дѣда измученными глазами...

— Такъ сказывать?

— Сыпь, пока уха прѣеть... — отвѣтилъ тотъ.

— Поморозился я лѣтъ пять тому, а всего мнѣ будетъ безъ трехъ годовъ тридцать... Разскажу я тебѣ, дѣдушка родимый, всю жизнь. Не затоскай только: жизнь моя не веселая...

Ванька сѣль поудобнѣе, кашлянулъ и тихо началъ:

— Родился я отъ своихъ родителевъ: отъ дѣвки да отъ солдата. Мамыньку сердешную скончалъ нонѣ, а батька живъ. Ну, ладно. Рось я не какъ всѣ другіе прочіе, законные которые, а такъ... Самъ знаешь: приблудышъ, такъ оно приблудышъ и есть, какъ баранъ шелудивый... Ну, и озорнымъ же я парнишкой былъ, надо правду сказать... Первѣющимъ пакостникомъ меня считали, по всей окружѣ наслыхахъ былъ... Одно слово — Ванька Хлюсть! Стекла ли попу высадить, дубиной ли кого изъ-за угла ограбить — это я... Подрастать зачалъ, дѣвокъ сталъ забиживать, и не то чтобы пакостно, а такъ, гля антресу больше: зубы стиснешь, налетишь, разъ по уху! а самъ заливаешься, хохочешь, словно тебѣ въ душу-то мохнатый съ хвостикомъ залѣзъ... И никакой во мнѣ жалости не было къ человѣку... Пуще же всѣхъ ненавидѣлъ я батьку... Охъ, и звѣрь, охъ, и аспидъ родитель-то мой, прямо рестантъ...

У Ваньки въ глазахъ огоньки замелькали, а голосъ трещину далъ:

— Вѣдь, онъ, идолъ, въ гробъ вогналъ мамыньку-то... А что мнѣ выволочекъ было, мордобою этого самаго, не есть числа: онъ и голодомъ-то меня морилъ, и на морозѣ-то въ одной рубашенкѣ выкидалъ... Вотъ, погляди-ко-съ, башка-то у меня проломана мѣстахъ въ трехъ... А мамынька-то... А мамынька...

Ванька отвернулся отъ дѣда, засопѣлъ, въ землю уставился, шепчетъ:

— Покойна твоя головушка... Привѣчный тебѣ покой.

Руку занесъ, перекреститься хотѣлъ.

— Вотъ, ишь... Ну, чѣмъ я крестъ положу? Кулакомъ, что ли? Культяпкой?..

— Ему, Батюшкѣ, все единственно, — замѣтилъ дѣдъ, — хошь рукой, хошь ногой... Была бы душа настоящая...

— Душа?! — вскрикнулъ Ванька, — вотъ то-то и дѣло, что душа...

Тимша съ собаками у костра возился: всѣ трое катались клубкомъ по землѣ. Тимша, лежа на животѣ, по-собачьи взлаивалъ, а Жучка съ Вѣрнымъ притворно урчали и, насѣдая на Тимшу, старательно теребили надѣтую на немъ мамкину кофту.

— Ну, дыкъ чо далѣ-то? — обратился Григорій къ Ванькѣ. — Карактеръ-то у тебя, это вѣрно, съ загогулинкой...

— Карактеръ-то?.. Не озлобляй!.. Я человѣкъ не злой, я нраву веселаго: ишь — ни рукъ ни ногъ, а сердце-то у меня ласковое... Да-а.

Ванька задумался. Но вдругъ на лицѣ затеплилась радость, улыбнулся бродяга, подбодрился:

— А гармонь у меня была первый сортъ; мамынья, дай Богъ, сгношила, да самъ въ пастухахъ жиль, сколотилъ деньжонокъ, и пѣсенникъ былъ я отмѣнныи.

Ванька окрѣпъ голосомъ:

— И такъ я, дѣдъ, на этой самой гармонѣ игралъ, что ахъ! Идешь, бывало, по улкѣ съ ребятами, о праздникѣ, да какъ взыграешь на всѣхъ переборахъ —

эхъ ты но... Дуй, не стой!.. Дыкъ не то что дѣвки, али бабы молодыя — старухи-то и тѣ изъ-за печекъ, какъ тараканы, выползутъ, да къ окнамъ прильнутъ, чтобы Ваньку Хлюста передъ смерточкой напослѣдяхъ послушать... Во какъ! Не вѣришь?.. Ей Богъ... Господинъ баринъ какъ-то былъ у насъ изъ Питера, анжинеръ, значитъ, насчетъ пріисковъ прѣзжалъ, развѣдку дѣлать... Хошь, говорить, Иванъ, въ столицю? Знатнѣющій музыкантъ, говорить, изъ тебя должноѣ вытти... Подучить, говорить, тебя мало-мало... Пальцы-то золотые, говорить, у тебя... Цѣны нѣть твоимъ пальцамъ-то... Эхо-хо-о...

— Ну, такъ вотъ, — сказалъ, чуть помолчавъ, Ванька, — такъ оно и шло колесомъ покедова не выросъ, а какъ стала парнемъ, поступилъ я, отецъ, въ ямщики на трахтъ... Бывало, какъ выѣдешь въ ночку лѣтнюю, да какъ гаркнешь: «Соколики, грабятъ»... — вотъ и рвануть — рвануть тады лошаденки, дорога лугомъ, что скатерь гладкая; несешься — въ ушахъ вѣтеръ поетъ, ничимъ чего тебѣ не видно, словно валишься въ пропасть какую... На звѣзды взглянешь, а онѣ за тобой слѣдомъ катятся... И была тамъ у меня, на сель, зазноба, кабатчика нашего дочка — Дунюшка...

Ванька наступился, вздохнулъ, и, ковыряя костылемъ землю, прошепталъ:

— Нѣть, лучше ужъ не ворошить... Чево тутъ...

Дѣдъ крякнулъ, боднулъ лохматой головой и сказалъ, пристально поглядѣвъ на бродягу:

— Не ты ль, Ванюха, въ прошломъ году у Петрова Безденежныхъ на зaimкѣ жилъ? Всю зиму быдто бы?

— Я... А что?..

— Да такъ... Сказываль Петрованъ: чево-й-то скучаль ты шибко... — и не дождавшись отвѣта, добавиль: — это, братъ, плохо, соколикъ, ежели скучать... Укрѣпиться надо... Мало ль чего въ жисти случается... Ну, это я такъ, промежду прочимъ... Сынь далъ-то, какъ лапы-то озnobилъ, сказывай...

— А это, виши ли, какимъ манеромъ дѣло-то вышло. Послѣ Покрова вскорости — ни зима, ни осень, а такъ, середка на половинѣ, хозяинъ мой, ямщину содерживаль, — изъ дому отлучился въ городъ, одинъ я остался. Вотъ ладно... Только что я пріѣхаль съ трахту, заколъль, какъ анаѳема, сижу, отогрѣваюсь, въ хомутецкой на печкѣ — ночь темная и буранъ зачинается, а теплынь стоитъ. Вдругъ изъ земской сотскій прибѣгаешь: «Живо, гритъ, лошадей: лѣшакъ попа принесъ... Попъ оретъ, ямщика къ себѣ требоватъ... Да попъ-отъ не одинъ, слышь, а съ бабой какой-то». А я зналъ, что у попа чередовскаго синпатія есть, родня не родня, а такъ, съ боку припека, пріешей кобылъ хвостъ, можно сказать... Ну, ладно... Хошь не хотится идти, а куда дѣваться — пошелъ... Въ бродняхъ грязныхъ прямо вверхъ лѣзу... А мнѣ что?.. Еще докладаться, да внизу ждать?.. Наплевать можно, съ мужика спросъ коротокъ: пру прямо вверхъ... Вошелъ въ горницу, помолился. Попъ одинъ сидить, здоровенный, красный, суръезный, знакомый попъ... Народъ, признаться, не шибко же его долюбливаль, не уважаль... Крутой попъ быль, карактерный, да и дралъ съ живого — мертваго просто ужасти какъ...

— У попа жисть хороша, — перебиль дѣль, — помреть — не уйдетъ, и родится — годится. Ххе...

— Это самое... — ухмыльнулся Ванька, — Ну, дыкъ вотъ... Перекрестился это я на отмашь, — «Здравія желаю, говорю, батюшка». — «Лошадей». — «Никакъ не возможно», говорю. — «Ахъ, ты, сукинъ сынъ». — «Никакъ нѣть, батюшка, — отвѣчаю вдруго-рядъ, — я вашъ сынъ, а не сукинъ, потому какъ вы нашъ отецъ духовный... Ежели, говорю, отецъ духовный такой вопросъ обозначаетъ, то чего жъ родному-то отцу остается дѣлать? Одно: взять оглоблю, да оглоблей-то по темю». — Слово за слово, ну, только што онъ меня козырнулъ словцомъ однимъ удивительнымъ, вижу дѣло плохо, говорю ему: «Ежели, говорю, усердіе въ васъ такое есть, чтобы ѿхать, то я коней готовлю, но безъ обиняковъ вамъ скажу, загинуть въ пути можемъ за милую душу». — «Не твое дѣло!» — «Ну, въ такомъ разѣ, я живчикомъ... Позвольте васъ съ папиросочкой поздравить». Обмякъ попъ, даль папиросочку, улыбается. Ладно... Пригналь я лошадей, самыхъ отчаянныхъ, тройку... Выходитъ попъ въ шубѣ енотовой, кушакомъ весь запоясанъ, отъ горла да вокругъ пузы, — ну, а у меня, самъ знаешь, шебуръ мужичій трижды черезъ нитку проклять, чрезъ двѣ — окаянный, да 'верхонки'¹ мокрыя — вотъ и вся амуниція...

— Кругомъ шестнадцать, — вставилъ, крякнувъ, дѣдъ.

— Хы-ы... Въ родѣ этого... «Отойди-ко-сь къ сторонкѣ», — попъ-отъ говоритъ... Отошелъ я, а самъ глазомъ этакъ покашиваюсь; гляжу: попъ госпо-жу на дно положилъ въ кошевку, самъ легъ, кочмой

¹ Кожаныя руковицы.

накрылись. «Готово, кричать, садись, ямщикъ». Поблагословился про себя, сѣль. Поѣхали... Вѣтерокъ дуль маленький, помню, утихъ буранъ-то, а выѣхали за деревню, вѣтеръ крѣпчать зачалъ, и буранъ сталь опять разгуливаться. Верстъ пять отѣжали — вдруг уѣхъ буранъ кѣ-экъ ахнетъ! Какъ застонетъ все кругомъ. Ну, думаю, плохо мое дѣло. А со мной на облучкѣ еще мужичекъ увязался, попечитель школы одной сельской. Тоже навродѣ меня одѣть — рыбий мѣхъ, бобровый верхъ — сидимъ, трясемся оба. Что дѣлать? А буранъ все пуще да пуще. Словно молокомъ все залито, у коней — скажи на милость, даже головъ не видно. Снѣгомъ имъ всѣ глаза залѣпило, они и стали. «Нн-у!»... — Стоять... «Малютки, грабятъ!»... Кѣ-экъ шарахнетъ тройка!.. Я вверхъ ногамъ, попечитель вверхъ ногамъ — бухъ на попа съ попадѣй оба, корячимся въ кошевкѣ, тпрукаемъ: я тпрукаю, попечитель тпрукаетъ. А попъ выставиль изъ-подъ кочмы бороду да какъ началь меня козырять всячески. А я ему на опакиши... Онъ мнѣ слово, я ему десять. Потому осерчалъ... Кони несутъ, дорога ухабная, однache я уцѣпился пластомъ, къ облучку царапаюсь, а попечителя, какъ куль съ мукой, на ухабахъ подбрасываетъ: то на голову одыбить, то пятки къ бородѣ подворотить... Смѣхи... А буранище такъ вотъ и крутизъ, прямо съ огня рветъ, по рожѣ снѣгомъ, какъ бичомъ хлещетъ, насквозь пропахтываетъ, ажъ дышать нечѣмъ... Глядимъ — огонекъ. Мы туда цѣлиной поѣхали было. Пропалъ огонь, точно его кто слопалъ... Ахъ, ты Господи! Ровно бы и жилью-то тутъ быть не надо. Сбились мы совсѣмъ съ дороги... А буранъ такъ разбушевался,

что надо бы пуще, да некуда, ревмя-реветь все крутомъ на разные лады. Жуть... Зачали мы съ попечителемъ дорогу искать: привяжешь возжи къ санямъ, да по возжъ-то и ходишь во всѣ стороны... А то, чего доброго, отойдешь сажень на десять да и къ лошадямъ не вернешься. Кружились, кружились — нѣтъ дороги... «Батюшка, а мы съ дороги-то сбились»... «А ты ищи... ишь, ты». — «Самъ поди-ко поищи: ты въ еноткѣ, а я замѣсто тебя подъ кочму-то прилягу»...

— Подъ кочму?.. Ххе... — подмигнулъ Ванькъ дѣдъ.

— Дыкъ какъ же... Знамо... Ну, ладно. Какъ обозначилъ я это, попъ и замолчалъ. А тутъ, братецъ ты мой, стало пристывать, морозомъ здорово прихватывать зачало. Ну, думаемъ, карабунъ пришелъ, терплѣнья нашего не стало... Глядимъ — стогъ... Мы туда. Отгребли кой какъ снѣгъ, сѣно маленько разрыли, сѣли за бѣтромъ. А буранище такъ вотъ и садить, знать надвигать, того гляди стогъ опрокинетъ. Я присѣль на корточки, замаялся... Сколь просидѣлъ такъ, не знаю. Гляжу: мѣсяцъ восходитъ изъ-за лѣса, и звѣзды въ небушкѣ загорѣлись. Потомъ, на вотъ те... вдругъ соловыи защелкали и такимъ быдто тепломъ повѣяло отъ кустовъ зеленыхъ, да отъ поля Что за притча?.. Всталъ, оглянулся — вѣрно: почка лѣтняя, соловыи поютъ, свѣжимъ сѣномъ пахнетъ... А бурань-то гдѣ?.. А попъ-то гдѣ?.. Стою, улыбаюсь... Глядь-поглядь: Дуня по лугу идетъ и мѣсяцъ ей по дорогѣ сѣйтить. Кричу: «Дунюшка, желанная, жодка моя боровая, здѣсь я! Иди-ко, чо скажу тебѣ, слушай-ко што мнѣ приснилось-то: я быдто попа, быд-

то попа, быдто попа»... Не могу отъ радости выгоборить, да хоть ты што хошь. А она и словно бы не она, а чужая — смеется издали, машетъ рученькой правой да кричить милымъ голосомъ: «Вставай-ка, вставай скорѣй, эй, ямщикъ»... И чувствую: хлопъ мнѣ кто-то по плечу: — «Эй, ямщикъ, ъхать надо»... Открылъ глаза: попъ стоитъ, лицо злое... «Ты что, заснуль? Поѣдемъ-ка, ишь, буранъ-то кончился и огоньки видать: должно Пазухино»... Гляжу: огоньки видать, и впрямь Пазухино село... А шебурѣ-то мой коль-коломъ сталъ на морозъ, да и портки къ ногамъ примерзли, ажъ съ кожей отодраль, руки ноютъ, зашлись совсѣмъ, верхонки какъ желѣзныя — позамерзли... А отъ попа, чтобъ его язвило, паръ валить, рыло красное...

— Буранъ, слава Богу, призатихъ, а я чувствій поѣхалъ, ничего не чувствую. Ужъ не помню, какъ и до деревни докатили... А пальцы у меня быдто палки сдѣлались, стучать, обмерзли. Я на печку, попечитель на печку съ дуру-то... Слышу: попъ хозяина кличетъ, за водкой его посылаетъ. Вотъ ладно, принесли живчикомъ водку. Попъ стаканъ себѣ, другой мнѣ: «Эй, ямщикъ, пей»... Поблагословился, выпилъ. Онъ въ другорядѣ: стаканъ себѣ, стаканъ мнѣ: «Пей еще». Выпилъ... Партоманетъ вынимаетъ: «Вотъ тебѣ прогоны, а вотъ тебѣ еще два цѣлковыхъ, потому какъ ты пострадалъ»... «Покорно, моль, благодаримъ и на этомъ, два рубля на чай деньги не малыя, ну только что вы, батюшка, полжисти у меня отняли... Дай Богъ вамъ». — «Ничего, говорить, чадо, поправишишся»... А попечитель на печкѣ сидитъ, дрожитъ весь, его не попотчевалъ попъ-то... Вино мнѣ

въ голову вдарило, вышелъ я, какъ очумѣлый, руки словно въ кипяткѣ ноютъ, будто ножемъ отъ костей мясо сострагиваются... Я хозяину рубль — тащи водки — ужъ очинно попечителя сдѣлалось жалко — подаль попечителю, подаль хозяину, самъ выпить, потому терпѣнья нѣтъ... Опосля того свалился, не помню чего и было... Попечитель черезъ четыре дня Богу душу отдалъ, а я вотъ виши какъ обсовершенствовался... Вотъ те и Ванька Хлюсть! Вотъ те и золотые пальчики... Вотъ такъ и маюсь, отецъ, всю жисть свою...

— Чего подѣлаешь, сударикъ... — отклинулся душевнымъ голосомъ дѣдъ: — попала въ колесо собака — пищить да бѣжитъ. Такъ и человѣка жисть ущемить можетъ, ежели. Ау, братъ... Отъ-што...

Ванька вскинуль на дѣда глаза:

— Чегой-то раздумье долѣть меня начало... Сонъ отъ меня по ночамъ прочь бѣжитъ. Ворочаешься, ворочаешься ночью, словно медвѣдь, съ боку на бокъ, потомъ сядешь, да и думаешь... А о чемъ, спрашивается? О жисти, да о Дунюшкѣ... Обо всемъ, вобче, думаешь...

И, вздохнувъ, добавилъ:

— Жисть штука великая, дѣдушка...

— Да, не малая, паренекъ.

— Она кому всласть, а другой отъ нея окарачъ ползеть... Пришелъ я какъ-то къ попу, ужъ кады по міру ходить, бродяжить зачаль: «Здравія желаю, батюшкa». — «Ты кто таковъ?» — «А вотъ, смотрите» — самъ руки искалѣченныя показываю — «признали?» — «Нѣтъ». — «А помните бурань-то? Окажите такую Божескую милость, придѣлите меня хоши въ по-

номари»... Повернулся попъ въ сердцахъ, вышелъ въ другу горницу, три пятака мѣдныхъ вынесъ: «На!»... «Да что вы, батюшка... Да на васъ креста нѣтъ». — «Проваливай, проваливай со Христомъ... А то живо работника крикну... Эй, Яфимъ!..» Я тутъ такъ слезами и захлебнуся. Ну, ловко онъ меня... Попривѣтствовалъ... Дай Богъ... Это за что жъ, дѣдушка? Въ сердцахъ-то за что? Не онъ ли виноватъ въ убожествѣ моемъ?.. А?.. Какъ же такъ не пожалѣть калѣку? Рази не такой же я есть человѣкъ, а?.. Рази не изъ одного тѣста?

— Изъ одного дерева, братъ, Ванька, бывають лопаты и иконы. На иконы Богу молятся, а лопатой деръмо гребутъ... Такъ, милай, и люди, бывають разной выдѣлки... Отъ што... Они, братъ, хозяы въ жизни, а мы что? Такъ, слякоть...

— Дыкъ рази въ томъ есть правда? Ну-ка, скажи.

— Правда-то на небѣ, Ванька... А, сказываютъ, семь верстъ до небесъ, да и тѣ кочебурами... Отъ што... Стало быть такой придѣль положонъ, чтобы по землѣ ползать. Отползаль свое — ложись, умрай.

— Придѣль? — насмѣшливо протянулъ бродяга и вдругъ взвился: — А ежели я не жалаю придѣла-то?! Что мнѣ придѣль? Я самъ себѣ придѣль!.. Вотъ те и придѣль. Вотъ захочу, останусь, захочу — торнусь въ омутъ и крышка... Ха! придѣль!..

Дѣдъ уставилъ на бродягу, подумалъ минуту, отвѣтилъ:

— Отъ жисти, братъ, не уйдешь, Ванька; наздогонить!

Ванька задумался, ничего не отвѣтилъ дѣду... И

погрезилось вдругъ Ванькѣ, что тайга все знаетъ и чувствуетъ, на все можетъ дать совѣтъ мудрый, только выслушай ее, только сумѣй угадать, что она шепчетъ.

— Ну, а Дунька-то какъ же, Дунька-то? — громко спросилъ дѣдъ.

— Что?... — встрепенулся бродяга и лѣниво перевелъ на дѣда все еще затуманенные глаза.

— Дунька-то, говорю, любушка-то твоя?

— Охъ, и не спрашивай... — упавшимъ голосомъ сказалъ Ванька: — Ище въ больницѣ лежалъ, слышно было, что дѣвка того гляди ума тряхнется. А какъ пришелъ я, безпалый-то, да съ костылемъ-то, да какъ увидѣла она меня, ажъ обмерла вся — на шею другъ дружкѣ бросились, да и завыли врядъ страшнымъ голосомъ... «Сиротиничка ты моя, говорить, сиротиничка»... А потомъ за нее женихъ сталъ свататься...

И Ванька едва слышно добавилъ:

— А она головой, да въ прорубь...

Хоть тихо сказалъ Ванька, а ему опять померещилось, что тайга учゅяла и отозвалась такимъ же шопотомъ: «головой, да въ прорубь»... И на рѣчкѣ кто-то откликнулся.

— Чу! — испугался Ванька. — Слышишь, дѣдъ?

— Ничего не слышу. Ты что это?

Бродяга всталъ на четвереньки, прислушался и, быстро поднявшись, закулыхалъ къ рѣчкѣ, подтираясь батогомъ.

— Эй, куда? — крикнулъ ему вдогонку Григорій.

Жучка въ обнимку съ Тимшей спитъ у костра, дрыгаетъ ногами и жалобно повизгиваетъ, сонъ, надо

быть видить. Дѣдъ ласково гладитъ пса и самъ съ собой тихо разсуждаетъ:

— Нѣтъ, чевой-то не ладное съ нимъ, съ Ванюхой-то. Прѣ-а-во . . . Шибко тоскуетъ.

III.

Дѣдъ подымается, кряхтить, растираеть затекшую спину и, сгорбившись, тянется къ котелку:

— А, мотри, упрѣла уха-то. — И не своимъ, бабьимъ голосомъ, ухмыляясь, монотонно бубнить, какъ въ дудку дудить:

Табашники къ табаку-у-у,
Пьяницы къ кабаку-у-у,
Обжоры къ у-у-ужину!..

Потомъ, вмѣстѣ съ проснувшимся внукомъ торопливо усаживается возлѣ котелка.

Вскорѣ на зовъ приходитъ и Ванька. Лицо бродяги спокойно, но что-то таится въ глубинѣ его усталыхъ глазъ.

Дѣдъ вытащилъ изъ мѣшка деревянную обмызганную ложку и, все тѣмъ же смѣшилымъ голосомъ, весело подмигнувъ Ванѣкъ, сказаль:

— Люди за хлѣбъ, а я рази ослѣпъ? Ну-ка-а разъ! А ты что, Тимша, зѣваешь? Имай рыбу-та . . . Первый сортъ мясо: отъ хвоста грудинка . . .

Отъ ухи валить паръ. Стариkъ єсть такъ, что за ушами пищитъ. Челюсти его работаютъ сосредоточенно и жадно. Тимша чавкаетъ, то и дѣло утирая носъ рукой и чему-то радостно улыбаясь. А Ванька єсть вяло, нехотя, печальный такой сидить, пасмурный.

Дѣдъ, зорко покосившись на бродягу, вдругъ заулыбался, положилъ, неторопясь, ложку, пощупалъ мѣшокъ, вытащилъ бутылку и, поднявъ ее выше головы, весело прохрипѣлъ:

— Ну-ка, братья, зелено, — не прокисло бы оно!.. Самосядочки хошь, Ванька? Хорошая штука. У насъ, въ тайгѣ, старухи ее изъ хлѣба сидятъ... Знаешь, поди?.. На-ка, благословись стакашкомъ...

Тотъ, очнувшись и вскинувъ на дѣда бѣлые свои брови, слготнулъ жадно слону.

— Благодаримъ, дѣдушка Григорій. Мы не пьемъ...

— Ты кому другому это скажи, — смѣясь кричитъ дѣдъ. — Не пьешь... Нешто не вижу я, какъ кадыкъ-отъ у тебя заползаль. Пей, тебѣ говорятъ!..

Ванька смущенно скребеть за ухомъ, и, круто передернувъ плечами, тянется дрожащими безпалыми руками къ самодѣльному берестяному стакашку:

— Ну, за ласку твою, отецъ! Пригрѣль меня, сиротину.

— Во здравіе, — откликается дѣдъ.

Ванька чамкаеть губами, сердито сплевываетъ, крутить головой и говоритъ:

— Ухъ, анаема! Штука лукавая... Ранѣ, было, я, дѣйствительно, завей горе веревочкой, водку эту самую довольно суръезно сосаль. Ну, только теперича — аминь!..

Костеръ ярко пылаль, тьма по сторонамъ клубилась, а вѣковые кедры, — богатыри таежные, — гурьбой обступили костеръ и, хмурясь, протягивали лапы свои къ теплу и свѣту.

Уха подходитъ къ концу. Дѣдъ всѣхъ удалый изъ котелка черпаетъ и балагурить, стараясь распотѣшить компанію. Тимша смѣется во все звонкое горло, то и дѣло расплескивая изъ ложки уху, но Ванька грустенъ.

Псы нетерпѣливо топчутся, повизгидаютъ и просительно гавкаютъ тонкими благопристойными голосами, а дѣдъ, чавкая беззубымъ ртомъ рыбу и вкусно обсасывая кости, небылицы разсказываетъ:

— И какъ легъ, это, значитъ, я не поблагословившись, не успѣль еще и заснуть-то путемъ, глядь: чертенокъ, будь онъ проклять, скокъ на меня...

— Всамдѣлишній?. . . Большущій?. . . — широко открывъ глаза, спрашиваетъ Тимша.

— Да какъ тебѣ сказать, не соврать: вершковъ этакъ пять, не болѣе... Я его кѣкъ сгребъ въ кулакъ, такъ всего, окаяннаго, и зажаль. Только рога одни поверхъ кулака торчатъ, да темя видать... Вотъ ладно... И сталь я кругомъ шарить, а самъ думаю, какъ бы его, собаку, ошараширить по маковкѣ-то, чѣмъ Богъ послалъ...

Босоногій Тимша, пыхтя и по-стариковски покрякивая, укрылся шубой, запихалъ чуть не въ самый костеръ озябшія ноги, циркаль сквозь зубы въ огонь и облизывался на пекшіяся въ золѣ кедровыя шишки.

Вдругъ Ванька, перевалившись на бокъ, подползъ къ бутылкѣ:

— Дѣдъ, а дѣдъ... Можно, ежели? . .

— Сыпь, сыпь...

Ванька облапиль бутылку, задраль вверхъ кудрявую голову и жадными глотками выпилъ все вино. Глаза его заблестѣли задоромъ, а лицо сдѣлалось блѣднымъ и злымъ.

Дѣдъ на Ваньку уставилъ съ любопытствомъ, улыбнуться хотѣль — улыбки не было.

Ванька про себя всхлипнуль, покрутиль удрученно головой и, свирѣпо погрозивъ тѣмъ, сталъ, ругаясь, выкрикивать:

— Эвона, моклышки-то видиши, старики? А полно-то видиши?.. — ткнулъ онъ въ мертвую руку. — Ха-ха! Понимай, братъ. Чувствуи!.. А ни-и-чего-о-о! Слава Богу, не жалуемся, живемъ богато: домъ о семи жердяхъ съ подъѣздомъ.

Дѣдъ, не спуская съ Ваньки удивленныхъ глазъ, костерь оправлять началь.

А Ванька, проворно поднявшись, посовался носомъ, и, ненавистно тыкая въ небо обезображенной рукой, взревѣль:

— Проклятые!!.. Мучители!!.. Ууухъ-вы!!..

Дѣдъ отъ неожиданности чуть котелокъ съ чаемъ не опрокинулъ, вздрогнулъ, выпрямился:

— Ванька, опомнись!.. Ванька, одумайся!..

Бродяга сразу смолкъ, словно грудь надорвалъ и, еле переводя духъ, угловато опустился на землю.

Къ нему Вѣрный подошелъ, смотритъ въ глаза, ластится. Обнюхалъ уродливыя руки и сталъ ласково лизать.

Ванька тяжко вздохнулъ.

— Скажи мнѣ по чистой совѣсти, какъ передъ Истиннымъ, скажи мнѣ, дѣдъ, вѣришь ты Богу, въ

правду-матушку, вѣруешь? — заговорилъ бродяга срывающимся голосомъ.

Поскребъ дѣдъ въ раздумъ голову и, бросая въ огонь валежникъ, не спѣша отвѣтилъ:

— Алтайцы Богу не молятся, у нихъ дворы скотомъ ломятся. А нашъ русакъ, хоша просить Вышняго, кола нѣтъ лишняго: кругомъ бѣгомъ... Это у насъ въ тайгѣ така присказка. А я тебѣ, сударикъ, вотъ что скажу: Бога я завсегда въ сердцѣ имѣю. И тебѣ совѣтую. Богъ — Онъ безъ насъ обойдется, а мы-то безъ Него, безъ Батюшки, затоскуемъ... Понялъ?... Вотъ что, мила-а-й...

Ванька мигаетъ часто, молчитъ, потомъ медленно, точно самъ съ собой, говоритъ:

— Ну, ладно... Ежели вѣришь, стало быть, Богъ есть по-твоему?...

— Дурр-а-акъ... За такое слово сто разъ дуракъ... По самое это мѣсто... — цѣдить сквозь зубы дѣдъ.

— Ну, ладно. Стало быть, есть, — заключаетъ Ванька. — А гдѣ же Онъ?.. Я ли Ему не молился?.. Я ли не ползалъ передъ нимъ на карачкахъ? У святителя Иннокентія въ Иркутскомъ быль. Ты ушутілъ при моихъ-то ногахъ!.. Идешь, бывало, въ морозъ, ночью, вскинешь голову вверхъ, а тамъ звѣзды да мѣсяцъ по небу ходить... «Господи, шепчешь, Господи. Оглянись на Ваньку, пошли исцѣленье. Чего Тебѣ стоять, Господи. Не дай загинуть!.. Душа моя, Господи, душа опаршивѣла, коростой, какъ песъ гнилой, вся покрылась»... Да ну плакать, да ну кувыркаться въ землю, въ снѣгъ башкой... Я, братъ, слезоточивъ, изъ меня слеза даже неудержимо катится. Встанешь,

утрешь рыло-то, да на небо взглянешь, а тамъ все по-старому, только мѣсяцъ смотрить на тебя да ухмыляется... А грѣхъ все на душѣ камнемъ лежить... — закончилъ онъ тихо и низко опустилъ голову.

— Да какой у тебя грѣхъ-отъ? Какіе у насъ съ тобой могутъ быть грѣхи?.. Ну-ка...

Ванька дѣланно захихикаль, и торопливо, скороговоркой пробормоталъ:

— У меня, дѣдъ, грѣховъ сорокъ мѣшковъ. Одинъ грѣхъ продаль — всѣхъ выпустилъ. Разбрелись который куда: кто по кабакамъ, кто по дуракамъ, а одного вотъ у васъ на заимкѣ пымали... Ххе... — и, помолчавъ, добавиль, — поди и грѣховъ-то никакихъ нѣтъ на свѣтѣ... Каки таки грѣхи бываютъ, ты знаешь, дѣдъ?..

— Какъ, какіе? — встрепенулся стариkъ и, придинувшись вплотную къ калькѣ, сталъ подгибать по очереди корявые пальцы и перечислять монотоннымъ, какъ у начетчика, голосомъ:

— Непослушаніе, нерадѣніе, паки блудъ, лихоимство, гордыня — дочь дьявола, злоненавистничество, и самый смертный грѣхъ: хула на Духа Свята...

— Ха-ха-ха! Здо-о-рово... Расписаль, какъ размазаль... А ежели какого зловредного человѣка жи-сти рѣшить?.. Это, какъ?.. Грѣхъ, али какъ?.. По маковкѣ ежели фомкой кокнуть, ломикомъ? — и въ голосъ Ваньки замѣтенъ былъ хмель.

— Дурражъ... Язви-те!..

— Х-х-х-ха... — хрипѣль бродяга. — Не любишь?.. А ежели отъ котораго окромя зла никакой корысти, какъ отъ гадины, тады какъ? А?...

— Какъ: никакой корысти?.. Ме-ельница!..

— Ну, вотъ, хучъ отъ меня, напримѣрича. Какой прокъ во мнѣ? И какой я есть человѣкъ гля миру?.. Я столь же миру-то нужонъ, какъ дыра въ мосту... Вотъ и слѣдоваетъ раздавить меня, какъ таракана. И я такъ умствую, что тому человѣку-то за меня, какъ за паука за доброго, сорокъ грѣховъ убавится. Ххи...

— Статуй этакій... Елыманъ, прости Богъ... Пей-ка, чай-то, умная твоя башка со вшамъ. Оно лучше дѣло-то будетъ. Ошпарь-ка душеньку-то...

Чай пьютъ безъ сахару изъ деревянныхъ чашекъ. Дѣдъ натолкалъ въ чашку пшеничныхъ сухарей и, прихлебывая, говоритъ резонно:

— Вотъ смерть придетъ, узнаешь, каки таки грѣхи-то бываютъ. Пей-ка...

— А что мнѣ смерть? — оживился калѣка. — Нешто я боюсь смерти. Да хошь сейчасъ... Нашель чѣмъ пугать Ваньку... Я, дѣдъ, въ прорубь бросался — вытащили, давился въ лѣсу — веревка лопнула... А ты — смерть!..

— Ой, Ванька... Не торопись умирать...

— А какъ же жить-то мнѣ, ты подумай? Ну, куды я?...

— Жисть-то намъ единова дается. Эхъ, Ва-а-нька...

— Ну-къ чо?...

— Жалѣть, мотри, будешь...

— Я, братъ, дѣдъ, подохну скоро. Чую, что околѣть я долженъ невдолгѣ: замерзну али такъ гдѣ окочурюсь... Что мнѣ смерть?.. Харкнуть да растереть... Во!.. Не боюсь я ее вотъ не на эстолько, — и Ванька прижалъ единственнымъ пальцемъ кончикъ костиля.

— Ой, вре... — недовѣрчиво вставилъ дѣдъ.

- Вотъ-те и вре, — передразнилъ калѣка.
 — Ой, паря, вре ...
 — Тебѣ, можетъ, жить-то хорошо ... дакъ ...
 — Тому хорошо, у кого брюхо больно, — перебилъ дѣдъ. — А ты живи да Бога благодари. Миръ долженъ, какъ-никакъ, прокормить тебя. Безъ этого нельзя ...
 — А рука-то?
 — Руку напрочь отнять ...
 — А душа-то покалѣчена, промерзла наскроль? ...
 — Ха, душа!.. Да она, можетъ, почище чѣмъ у кого другого прочаго ... Отъ-што ...
 — Да ты дуракъ, дѣдъ, прости Богъ, али умный?!.—
 крикнулъ Ванька и ткнулъ дѣда въ грудь: — ежели я кудрявый быль, ежели я пригожій быль, и дѣвки отъ меня таяли?.. А теперича ... На-ка вотъ. Ты ушутіль? ...
 И поднявшись во весь ростъ, Ванька, постукивая костылемъ о лежащую возлѣ лѣсину, раздѣльно произнесъ:
 — Землю здря топтать ежели, въ томъ моего согласья нѣтъ!.. Понялъ? ..
 Старикъ ничего не отвѣтилъ, а только сказалъ:
 — Пей-ка еще. Чаю много!
 — Благодаримъ ...
 — А ты пей безъ сумлѣнья ... Отъ чаю на брюхѣ веселѣй дѣлается ... Отъ-што ...
 У Ванѣки корявое лицо укоризной покрылось, и онъ, опускаясь на землю, сказалъ:
 — Брюхо тутъ не при чѣмъ, ежели душа просится на волю ...
 — Ахъ ты, чтобы тебя черезъ сапогъ въ пятку яз-

вило... Онъ опять свое... Ххе!.. — запавшіе, вдавленные временемъ глаза старика грустно улыбнулись. — Какъ же я-то? Вѣдь, во мнѣ полторы жисти сидитъ, а я бы еще три прожилъ... Чо-ортушка, прости Богъ, этакій... Право!

И, чтобы потѣшить загрустившаго Ваньку, онъ вынуль изъ-за пазухи табакерку и, опять не своимъ, смѣшилымъ голосомъ, разыгралъ штучку:

— Къ голому голяку, къ бѣдному бѣдняку, къ нашему дѣду Масалову понюхать табаку носового. А для чего же табакъ нюхать? На гору одышка не береть, подъ гору спотычка не живетъ... Ну-ка ра-азъ!.. — и подморгнулъ дремавшему Тимшѣ. Понюхаль, крякнуль громко, по-цыгански: Кахы!.. — и самъ себѣ отвѣтилъ: — Кто крякнетъ, тому два!..

— Ну и ласковый же характеръ у тебя, дѣдъ, — чуть ухмыльнулся Ванька.

Дѣдъ улыбается, кутаетъ Тимшу въ шубу.

— Спি, благословясь...

Тимшу сонъ не береть: ему хочется послушать, что говорятъ большіе. Но тѣ молчатъ, и Тимша заводить самъ разговоръ съ дѣдомъ:

— А смертынька, дѣдушка, по землѣ ходить?...

И не получивъ отвѣта, продолжаетъ:

— Это пошто жъ она, скажи на милость, ходить-то?..

— А вотъ по то, что тебя не спросила... По этому самому...

Дѣдъ опять набиваетъ обѣ ноздри табакомъ, чихаетъ свирѣпо, съ присвистомъ, и приговаривается: ,

— Чи-хи... Неумытому въ рыло!..

— Неумытый-то кто, дѣдушка, чортъ?..

— А вотъ дрыхни, тады и узнаешьъ кто...

— Нѣть, впра-авду? ..

— А вотъ вправду и есть ...

Становилось холодно; туманъ поползъ отъ рѣчки сѣдыми лохмами. Норовилъ онъ, цѣпляясь за стволы деревъ и кусты боярки, подняться ввысь, но таежный сумракъ давиль его къ землѣ. Справа, надъ рѣчкой, въ прогалинкѣ, серебрился мѣсяцъ, и его тихій голубой свѣтъ всталъ и расплескался надъ объятои мракомъ тайгой.

Костеръ меркнетъ ... Старикъ нехотя подымается, бросаетъ смолье и укладывается спать. Бродяга, свернувшись калачикомъ, лежитъ молча, должно быть, спить. Возлѣ него Вѣрный.

Тимша пыхтить подъ шубой, съ Жучкой возится, а потомъ, высунувъ голову, говорить дѣду:

— Анадысь, я обортня на заимкѣ видаль съ парнишками... Здо-ро-в-е-енныи! ..

— Что и говорить ...

— Нѣть, вправду ... Кобелемъ борзымъ прикинулся... Матеру-у-у-шшій ...

— Съ тобой-то слово, — подсмѣивается надъ вункомъ дѣдъ, сладко позывая.

Тотъ обиженно сглатываетъ, глазенки блестятъ огнемъ, и онъ разсказываетъ дальше, стараясь придать голосу вѣсъ:

— Я схватилъ кость аграма-а-а-днищую, да кэ-экъ этимъ костемъ-то звѣздану кобеля-то по рожѣ! ..

— Ври-ври ...

— Вотъ-те и ври-ври ... — Тимша выльзъ изъ-подъ шубы, лицо его вытянулось страхомъ, и онъ, самъ себя пугаясь, прохрипѣлъ: — Дыкъ кобель-отъ такъ

весь тутъ тебъ и разсы-ы-ыпался. Ажъ искрушки полетѣли!..

Когда стариkъ загремѣлъ густымъ смѣхомъ, Тимша, смутившись, виновато улыбнулся и юркнулъ подъ шубу ...

— Вотъ какъ выволоку тебя за волосья, — сказалъ, хихикая, дѣдъ, — да спущу штаны ... Эвона чо городить ... Баранъ этакій!

Дѣдъ вскорѣ начинаетъ съ присвистомъ, всхрапывать, и мальчонка, надрожавшись досыта подъ шубой, тоже крѣпко засыпаетъ.

IV.

... Костеръ погасъ. Ушелъ съ неба мѣсяцъ. Пере-двинулись звѣзды. Непрогляднымъ мракомъ охватило тайгу. Стоитъ тайга, не шелохнется, спить. Самое глухое время наступило: безъ звуковъ и шороховъ, словно вмѣстѣ съ мѣсяцемъ исчезла вся жизнь.

— Господи, батюшка ... — послышалось еле внятно.

Это Ванька шепчетъ. Возится во тьмѣ, всхлипываетъ. Молчитъ.

— Дѣдъ, а, дѣдушка. Спишь? ..

Не слышитъ, намаялся, спить стариkъ крѣпко ...

— Охъ, батюшки мои, батюшки... Что жъ это будетъ... А?..

Слышно — ползетъ къ дѣду:

— Гдѣ ты тутъ? Проснись-ко, Григорій... Эй!

— Кто тутъ? Ты, Тимша?

— Нѣтъ, я, дѣдушка...

— Ты, Ванька? ..

— Я... Я... Страхъ на меня навалился, дѣдъ! Порѣшу я свою жисть! — въ голосѣ его большія дрожать слезы.

— Ну, не паршивецъ ли ты?.. — зло и укоризненно шепчетъ дѣдъ, — ну, не озорной ли ты малый?.. Чтобъ на себя руки наложить?! Тыфу! Удди отъ меня къ ляду, дьяволъ этакій!..

Молчаніе. Опять тьма проглотила звуки.

— Дыкъ, чижалехонько, вѣдь... Самъ не радъ, поди... Душа во мнѣ запищала... Ау, братъ... Сумлѣнѣе къ самому сердцу подкатилось. Гложетъ, окаянное, какъ собака кость, дыхнуть не даетъ. Хошь стой, хошь падай... Прямо — край!

Дѣдъ молчитъ. Неужели спать хочетъ? Нѣтъ. Къ его сердцу жалость вдругъ прихлынула, кровью облилось его старое, изжившееся сердце и тревожно застучало.

— Ну, скажи на милость... по чистой совѣсти, — шепчетъ бродяга. — Ну, кому нужонъ я? Каковъ теперича прокъ отъ меня? Одна помѣха...

— Какъ, кому? Себѣ нужонъ.

— И себѣ ненужонъ, — еще тише шепчетъ. — Жилъ я, радовался всему на свѣтѣ, а люди меня въ яму сбросили... Ослѣпъ я тамъ, руки-ноги поломаль и нутро у меня порѣшилось. Ну, куды я долженъ?.. А

изъ ямы мнѣ не вылѣзти, а смерть забыла про меня — нейдеть... Какъ тутъ? И еще разъ тебя, отецъ, упреджаю, попомни: здря топтать землю — въ томъ моего согласья нѣтъ!..

— Терпи. Значить, терпи, парнище... Отъ-што...

— Терпи... А ежели и терпѣлка-то спортилась, ржой покрылась... Тады какъ?

Молчитъ стариkъ, что сказать — не знаетъ.

— Вотъ, видишь?.. молчишь, дѣдъ... Я бы давно ушелъ, да тайга держитъ: живи, говорить... — задумчиво вымолвилъ бродяга и, шевельнувшись, крикнулъ съ угрозой:

— А уйду таки!.. Нѣтъ, дѣдушка, я уйду... Какъ хошь, братъ...

Тотъ все еще молчитъ, не можетъ съ мыслями сбраться.

— Нѣтъ, нѣтъ, уйду... Уйду-уйду... Какъ хошь...

Тогда дѣдъ все такимъ же отечески-раздраженнымъ, чуть насмѣшивымъ, чуть укоризненнымъ голосомъ, сказалъ:

— Ты еще молодъ, сударикъ. Жисти не знаешь... Тебя еще вареный пѣтухъ въ брюхо не клеваль... Отъ-што-о-о...

— Боюсь я ее, окаянной!.. Смерти этой самой!..

— А какъ же ты даве... — обрадовался дѣдъ.

— Здря тады мололь, похвалялся. А теперича... Вѣришь ли, дѣдушка Григорій, какъ и разставаться съ жистью-то?.. Неужли ты не боишься?..

Дѣдъ зѣваетъ, бормочеть молитву и, неторопясь, чеканя каждое слово, говоритъ:

— А чего ее бояться-то?.. Бѣдному, братъ Вань-

ка, умереть легко: стоитъ только защуриться... Отъ-што-о-о... Сама придетъ, никуда, братъ, не дѣнешься... А ты не накликай ее.. Грѣхъ... Отъ-што-о-о...

И минута и другая проходитъ. Оба молчать... Только Тимша тоненько во снѣ хохочетъ подъ шубой, да вдали ухаетъ филинъ.

Дѣдъ чиркаетъ спичку и разжигаетъ костеръ. Тѣни торопливо пляшутъ спросонья, наскакивая гурьбой на что попало, и подъ ихъ полусонной пляской горбатый носъ дѣда начинаетъ трястись, лицо то становится огромнымъ и плоскимъ, какъ лопата, то собирается въ клубокъ и пышетъ хохотомъ, то отливается въ страшную рожу съ перекосившимся въ страхѣ, сумасшедшемъ взглядомъ.

Ванька согнулся въ дугу, словно лѣсиной пристукнуло — сидитъ неподвижно, низко понуря голову... Живъ ли? Ярко вспыхнуль костеръ, но нѣть въ огнѣ силы, сталъ потухать.

Дѣдъ укладывается, крестить размашисто вокругъ себя тьму и охаетъ.

Ванька молчитъ, только плечи вдругъ ходуномъ заходили, и затряслась голова. И изъ его груди прорываются робко придушенные вздохи и всхлипыванья.

— Ты чо это, Ванька? — тревожно бросаетъ дѣдъ.

Тотъ борется съ собой, но видно совладать не можетъ, начинаетъ, уже не сдерживаясь, выть чужимъ голосомъ, сплевывая сердито и ляская по-волчьи зубами.

Костеръ гаснетъ, вверху вѣтеръ начинается, и подъ легкій шелестъ тайги, Ванька надрываетъ звѣринымъ хриплымъ воемъ.

— Ванька!.. — кричитъ дѣдъ.

— Уу... Уууу...

Вътерь все пуще, зашепталась тайга, всполошилась...

Сумасшедшій вой, навѣвая ужасъ, будоражилъ тьму, до боли сверлилъ сердце дѣда, наполнялъ неизъяснимымъ страхомъ все кругомъ.

— Да ты ошалѣлъ!!! — кричитъ испуганно дѣдъ, — что ты, чортъ, какъ лѣсовикъ!.. Ажъ жуть беретъ!..

Бродяга смолкъ сразу, знать всѣ силы напрягъ, до крови закусиль губы.

А тайга брюзжитъ, вершинами машетъ, споритъ о чёмъ-то съ вѣтромъ.

Вѣтерь, злясь, треплетъ встрычныя деревья, и спѣшитъ дальше, въ глубь, будить тайгу. Шумитъ тайга, шумитъ. Капля за каплей падаетъ дождь.

— Григорій... — помедля немнога, позвалъ Ванька рѣшительнымъ голосомъ.

— Ну, что, родимый? — учуявъ что-то, отвѣчаетъ ласково дѣдъ, — ты подъ-ка поближе сюда... А то ишь тайга-то, матушка, гуторитъ... Отъ-такъ... Ну-ка...

И во тьмѣ чуть слышно:

— Покаяться я тебѣ долженъ, какъ передъ Богомъ... Видно, капутъ пришелъ мнѣ... Не совладать... Ау, братъ!.. Жила во мнѣ у сердца лопнула...

Помолчалъ. Вздохнулъ. И дѣдъ вздохнулъ...

— Попа-то... Помнишь?.. Вѣдь я спалилъ... Я... А ты какъ думалъ?

— Ни-и-ичего... — еще ласковѣй отвѣчаетъ дѣдъ, — охъ, мила-а-й...

— Дунюшку-то... Дунюшку-то, вѣдь... я... по-рѣшилъ...

— Нно-о-о?..

— Я... Я... Не досталась, чтобъ... Уманиль я ее къ рѣчкѣ, да въ прорубь... Ву-у-у!.. Ухухууу...

И сквозь вой слышенъ строгій, властный окрикъ дѣда:

— Ахъ, ты прооклятая твоя душа!.. Варнакъ ты!..
Варначище, язви-те!..

— Про-сти-и... Христомъ прошу...

— Прочь удди!!.

— А ты пожалѣй, слышь, дѣдушка...

— Пожалѣть?!.. Вотъ я тебя пожалѣю, жиганъ ты этакій! Вотъ ужо...

Ванька скачеть прочь отъ дѣда, какъ отъ журавля лягушка:

— И ты?! И ты, дѣдъ?!.. Съ попомъ вмѣстяхъ?!

Вѣтеръ ураганомъ взвился по тайгѣ, обрывая шелковыя хвои. Угольки въ кострѣ вспыхнули и зарницей на мигъ освѣтили поляну. Тайга заревѣла, затрещала вѣршинами. Дерево гдѣ-то ухнуло во тьмѣ и съ трескомъ и стономъ упало на землю.

* * *

Дождь тихо идетъ. Ураганъ умчался, лишь вѣтеръ робко блуждалъ межъ хвой тайги.

Калѣка съежился въ клубокъ, лежить на боку, къ соснѣ привалившись; и зубы его отъ волненія лихорадочно стучатъ. Чувствуетъ Ванька, что нечѣмъ дышать становится: тоска душитъ, змѣй подкатилась къ горлу. Лежить, думаетъ, глаза открыты. И не можетъ понять, то ли наяву мерещится, то ли во снѣ видѣть жизнь свою, да не ту, что тучей надвинулась, камнемъ

повисла на шеѣ, а новую, свѣтлую и радостную, кото-
рая въ удѣль бы досталась Ванѣкѣ, не случись съ нимъ
грѣха. Вотъ онъ сильный, кровь бушуетъ въ жилахъ,
на щекахъ румянецъ играетъ. Тройку каурыхъ, сво-
ихъ собственныхъ коней, закладываетъ въ наборчатую
сбрую, кореннику шаркунцы серебряные подвязываетъ.
Возлѣ него карапузъ топчется: «Тятенька, — бормо-
четь, — тятенька»... Дуня вышла, румяная такая, до-
родная. Подошла, обняла Ванѣку, въ глаза, усмѣхаю-
чись, заглядываетъ и умильнымъ голосомъ шепчетъ:
«Соколикъ мой... Боровая моя ягодка».

Лежить Ванѣка. Спать не спить — глаза открыты.

— Ванѣка... — любовно окликаетъ дѣдъ.

— Ну?...

— Ты меня, Ванѣка, въ слезы вогналъ...

Бродяга засопѣлъ, что-то сказать силился, но уста
молчали.

Дѣдъ кряхтить, ворочается съ боку на бокъ:

— Ты... не убивецъ, Ванѣка... Я чую это...
И пошто ты, напримѣръ, таку неправду на себя при-
маль?

Ванѣка Хлюстъ точно тьму рубить:

— Душа требоваетъ.

— Какъ такъ душа? Богъ проститъ, братъ. Онъ
все простить. Всѣ грѣхи твои на обидчиковъ перело-
жить. Чуешь?... А я пріють тебѣ предоставлю къ зи-
мѣ... Съ Бога-а-мѣ... Отъ-што... Страданья твои
не малыя... Онъ, братъ, все видитъ. Отъ-што, ми-
ла-а-й... Не робѣй... Отъ-што...

Ванѣка, повалившись на грудь, и обхвативъ голову
руками, скулить, какъ малый ребенокъ, и не можетъ
отъ волненія понять, что говорить дѣдъ.

— Слышишь?..

А тотъ все скулитъ и ничего не отвѣчаетъ...

Уснуль дѣдъ и уже бредить во снѣ.

Въ глубинѣ слышится шопотъ: то Ванька молится, стукаясь лбомъ въ землю:

— Богородица... Богородица... Не дай загинуть...

Стонетъ въ болотѣ выпь, точно тупымъ ножомъ по стеклу скоблить, небо плачетъ, возвращая землѣ ея слезы, тайга шумитъ — и чуть внятно всхлипываетъ Ванька.

Потомъ все умолкаетъ...

* * *

Часъ проходитъ. Другой проходитъ. Нагулялся вѣтеръ, поздній гость, паль устало на дно тайги. И снова стоять въ вышинѣ и тихо мерцаютъ омытыя слезами звѣзды.

Но, чу... Застональ Ванька, заметался... Знать страхъ подползъ къ его изголовью и отогналъ прочь таежные сны.

Эй, не тужи, Ванька! Тайга обережетъ тебя.

... Темно. Костеръ потасъ, въ пепель разсыпался. Тихо. Словно смерть вошла сюда, и погасила свѣтъ, и смела всѣ звуки.

... Вѣрный гавкнулъ спросонья и залился тревожнымъ лаемъ. Побѣжалъ куда-то, ворчитъ, мечется, поблескивая въ темнотѣ угольками глазъ. Потомъ застыль... такимъ протяжнымъ, тонкимъ, со слезами, голосомъ.

Въ тайгѣ еще темно было, а небо ужъ начало блѣд-

нѣтъ, и потянуло сырымъ холодомъ. Ночь кончалась.

— Ванюха... Ванюха-а!.. — крикнулъ пробудившійся дѣдъ.

Но никто не отвѣтилъ.

1914 г. Октябрь.

СУДЪ СКОРЫЙ.

I.

Красное лѣтичко развернулось надъ тайгой неописуемой прелестью. Стояли погожіе дни. Солнце рано вставало изъ-за пологихъ хребтовъ, поросшихъ пихтами, сосной и елью, разстилало по небу румяное покрывало и, медленно поднимаясь ввысь, наполняло радостной жизнью и дебри лѣса, и широкую долину большой сѣверной красавицы-рѣки. Тогда утренняя прохлада смѣнялась знойнымъ днемъ. Таежный воздухъ насыщался смолистымъ опьяняющимъ ароматомъ, долина рѣки благоухала запахомъ ромашки, полыни, мяты и отцвѣтающей черемухи.

Жаркій день смѣнялся вечеромъ, за нимъ шла сѣверная таежная ночь, иной разъ такая холодная, что закрайки лѣсныхъ болотъ и мочежинъ покрывались тончайшимъ стекломъ ледка, а трава и листья деревьевъ съдѣли и въ голубоватыхъ лучахъ луны казались сотканными изъ серебра.

На самомъ берегу рѣки, прижавшись къ густой стѣнѣ лѣса, стояла небольшая кое-какъ срубленная изба. Днемъ ставни ея были закрыты, чтобы не такъ пекло солнце; когда же спускалась на землю ночь, окна раскрывались, а внутри зажигался огонь. Въ раскрытыя

окна порой вырывалась ругань и крикъ, порой разудалая пѣсня съ присвистомъ и гиканьемъ.

Маленькая эта избушка съ ея обитателями затерялась въ непроходимой тайгѣ, тысячами верстъ и бездорожьемъ отдаленная отъ міра: сюда и воронъ-то залетаетъ рѣдко, здѣсь медвѣдь живеть, да тунгусъ, тунгусъ да медвѣдь, да бѣлка съ горностаемъ и другіе звѣри. Да еще развѣ лѣшій съ комарами и прочими гнусомъ.

А вотъ русскій человѣкъ изъ міра пришелъ сюда, изъ того далекаго-далекаго сказочнаго міра, не побоялся лѣшаго, пришелъ, сѣль, срубилъ избу и сталъ хозяиничать. Онъ умный, этотъ молодой, съ чуть пробивающимися усиками человѣкъ, онъ ловкій и сильный, всего привезъ съ собою, приплывши по водѣ сверху, всякихъ товаровъ, какихъ только надо и, главное, водки. Такой хороший этотъ Борыка: какъ свѣтъ стоитъ, никто сюда не заглядывалъ, тунгусъ на Ангару ходить за «покрутой», за тысячу верстъ по тайгѣ, по звѣрнымъ тропамъ, а теперь, слава Богу, тунгусу не надо заботиться, какъ раньше: все привезъ къ нему этотъ милый человѣкъ, дружокъ Борыка.

Да онъ не одинъ пришелъ, а захватилъ съ собой двухъ парней-сподручныхъ, и еще дѣвушку Машу. Говорятъ сманилъ ее, насилилъ горы, — «поѣдемъ, жениюсь, хозяйкой будешь», — дѣвку долго лѣ сбить съ толку, а тутъ еще у Борыки черныя кудри и глаза большіе-большіе, печальные, а лицо бѣлое и съ горбинкой носъ.

II.

Верстахъ въ тридцати отъ нихъ, внизъ по рѣкѣ, было стойбище тунгусовъ. Здѣсь жили три семьи, перекочевавшія изъ тайги на рѣку, гдѣ меньше гнуса, и есть долинки съ шелковой травой, хорошимъ для оленей кормомъ. Чумъ Конго, молодого и ловкаго тунгуса, стоять у самой рѣки, чумъ его брата Найканчи стоять повыше, а стариикъ Унеканъ залѣзъ выше всѣхъ, расположившись на полянкѣ въ лѣсу.

Стариикъ быль большой задира и всегда буяниль, когда напивался водки. Его толстогубое лицо было угрюмо и сосредоточенно, голосъ грубый и надменный, но глаза свѣтились нѣжными огоньками, и не было въ нихъ ни луча злобы.

Найканча съ братомъ были молоды, только что поженились, отчего лѣто казалось имъ особенно привлекательнымъ, улыбалось имъ солнце, а мѣсяцъ по ночамъ шепталъ имъ красивыя сказки.

Однажды утромъ, послѣ удачной охоты, стариикъ сказалъ:

— Однако, огненной воды надо достать...

Оба молодыхъ промолчали, только почмокали губами и долго сквозь зубы сплевывали, сидя у костра.

Стариикъ Унеканъ пошелъ въ чумъ, чтобы пососать трубку и сладко вздрежнуть.

Онъ легъ поудобнѣе на оленью шкуру, закрылъ глаза и замурлыкалъ пѣсню. Пѣль вяло, не могъ подобрать красивыхъ словъ, если же и находилъ ихъ, то языкъ не хотѣлъ выговаривать, скучно сдѣлалось, тоскливо такъ, а рядомъ, у лѣваго уха, сталь настыивать что-то другой голосъ, лукавый и тонкій: шайтанъ, что ли, выглядываетъ изъ пепла, комарь, что ли, завязиль свой острый носъ и пищить, не можетъ вытащить? . . .

— А — гыкъ, а — гыкъ . . . — рычитъ старый тунгусъ, оттопыривая губы и чему-то улыбаясь, и чувствуетъ онъ, какъ лукавый все ближе да ближе къ нему подступаетъ; вотъ залѣзъ въ него, вотъ къ сердцу пробирается, обжигаетъ внутри, словно уголькомъ горячимъ вкатился, и манить, и обѣщаетъ, и туманить голову.

— А — гыкъ . . . — еще разъ рычитъ, чмокаетъ губами и обрываетъ пѣсню о сохатомъ.

Быстро, не по годамъ упругимъ движенiemъ вскочилъ онъ на ноги, ловко распахнулъ берестянную дверцу чума, вышелъ на воздухъ и частыми стройными шагами подошелъ къ костру, гдѣ сидѣла молодежь.

— Однако, надо бы . . . а? — сказалъ онъ.

— Какъ не надо . . . Надо, — уловивъ его мысль, нерѣшительно отвѣтилъ Конго и, покосившись на свою жену, добавилъ: — Только далеко . . .

Всѣ тогда вразъ заговорили:

— Какъ, далеко . . . Чего зря толкуешь . . .

Конго, перевернулся животомъ внизъ и, роясь въ землѣ сучкомъ, стыдливо лепеталъ:

— Маленько далеко, маленько близко . . .

Опять всѣ на него набросились, обзывали лѣнивымъ, русскимъ, лежебокомъ.

Конго въ мигъ вскочилъ и сказалъ, улыбаясь черными глазами:

— Давай деньги. Пойду . . .

Захвативъ пальму и ружьишко, онъ припустился вдоль рѣки по песчаному, покрытому мелкой галькой, прилеску. Рѣка шла здѣсь прямымъ и длиннымъ плесомъ. По берегамъ ея стояла стѣной тайга.

III.

Еще не закатилось солнце, какъ вернулся Конго.

Онъ принесъ бутылку дрянного коньяку и двѣ бутылки водки, приготовленной изъ разведенного некипяченой водой спирту.

— Сколько заплатилъ? — спросилъ старикъ.

— Дян-тунго-деляжѣ, пятнадцать . . . Другъ послѣднюю отдалъ, вся . . .

Тогда старикъ по-русски, путая слова, забурчалъ:

— Шибко плутъ сталъ . . . Шибко мошенникъ . . . Борони Богъ, какъ . . . Пошто такъ дорого браль? . . .

Найканча и старикъ лежали около костра, посматривали на бабъ, на сковородку, гдѣ вкусно закипало сало и бухались комочки тѣста, превращаясь въ поджаристыя лепешки.

— Конго! — крикнула румяная Чочакъ своему мужу, щепавшему пальмой длинную палку изъ сухой лиственницы, — не шайтанъ ли заткнулъ тебѣ мохомъ уши? — она разсыпалась звонкимъ смѣхомъ: — слышишь? Тащи ягодъ...

И застrekотала своей подругѣ, рассказывая ей, какой хороший сонъ видѣла прошлой ночью: будто пошла она стрѣлять бѣлку и вдругъ видитъ...

А стариkъ говорилъ Найканчѣ:

— Ранѣ ружей и въ поминѣ не было... И народъ лучше былъ. Богатыри страшные.

Отхлебнули оба изъ чайныхъ чашекъ по небольшому глотку водки. Стариkъ крикнулъ:

— Ну, бабы, скоро управитесь? Давай лепешки-то, давай мясо, давай чай... Чего моришь: время!

Жена Найканчи, гикая, бѣгала по тайгѣ и ловила оленюху, чтобы надоить къ чаю молока, а Чочакъ звонко разсыпалась:

— Гей, бойе! Идите Ѣсть.

Солнце уже закатилось за почернѣвшую стѣну тайги, потянуло сырость, закурился туманъ надъ примолкшей рѣкой, вдали, въ густыхъ заросляхъ лебедника крякали, гоняясь, утки, а на западѣ меркли краски зари.

Стариkъ Унеканъ глодалъ громадную кость, обсасывая пальцы, вытирая руки о кудластые свои черные, съ просѣдью, волосы. Одна бутылка выпита, достали другую.

Стариkъ все жаловался на свою жизнь, на то, какъ обидѣль его Богъ, насладъ моръ на оленей, олени попадали, много ли ихъ теперь? Эхъ, что и говорить! Олени что жъ, олени ничего, олени туда-сюда... А

вотъ жену жалко, отца жалко, дѣтей жалко, всѣхъ слопала оспа, такое лихолѣтье выдалось, много тогда тунгусовъ сжила эта самая болѣзнь со свѣту. И вотъ остался онъ сиротой. Съ молодыхъ лѣтъ остался. Одинъ, да одинъ. Все одинъ, всю жизнь одинъ, старикомъ стать, помирать скоро, а все одинъ.

— Это больно не хорошо, это больно плохо...
Борони Богъ, какъ, — заключаетъ онъ, опускаетъ низко голову и долго сидитъ молча.

Конго подалъ чашку съ водкой:

— Пей, бойе, пей...

IV.

Водка убывала. Лицо старика становилось шире, толстыя, лоснящіяся отъ сала губы, то подбирались кочечкомъ, словно хотѣли поцѣловать сидѣвшую рядомъ Чочакъ, то вытягивались смѣхомъ чуть не до ушей, и тогда старикъ, сюсюкая, хихикаль, крутиль головой, махалъ весело руками, а глаза его совсѣмъ исчезали съ лица, и только лучистыя складки кожи изобличали то мѣсто, гдѣ они притаились... Вотъ-вотъ блеснутъ...

И мысли въ головѣ старого Унекана потекли иные, радостныя и пріятныя.

У него, слава Богу, и оленей много, и всѣ они здо-

ровы и сыты, толсту-у-щіе, и есть, слава Богу, много пушнины — лабазъ ломится. Раньше, что? Ха!.. раньше — тьфу! Жены нѣтъ — это ничего, куда ему. Дѣтей нѣтъ — это ничего, проживетъ и такъ, одному легче, самъ себѣ голова, всталъ, пошелъ. Зато собаки есть: Омкѣ, Биря, Урядникъ, Камса... И онъ ихъ любить пуще всего. Особенно Урядника: самый лучшій песъ, съ нимъ не пропадешь, хозяина не выдастъ. Онъ всѣхъ любить, онъ все любить: вотъ дымъ курится — любить, комаръ жужжитъ и сѣль на нось — любить и комара, утка крякнула: «Ахъ, утка, ты, моя утка». — Все любить и сейчасъ запоетъ русскую пѣсню, которую онъ перенялъ у своего дружка Борьки.

Бабы тоже выпили по чашкѣ коньяку и еще норовили выпить, но мужики отняли.

Старикъ клевалъ носомъ, бормоталъ какія-то слова и время отъ времени что-то ловилъ руками въ воздухѣ.

Вотъ и звѣзды разсыпались по небу, въ тайгѣ стало темнѣть.

Старикъ поглядѣлъ вверхъ, подмигнулъ звѣздочкѣ, погрозивъ ей пальцевъ, и захохоталъ. И всѣ захохотали: и Конго, и Найканча, и обѣ женщины.

Старикъ вдругъ смолкъ, поглядѣлъ сонливо запавшими чужими глазами на друзей, медлительно потянулъ руку къ головѣ Конго, сгребъ его за косу и сталъ пригибать къ землѣ. Тотъ вырывался, все еще улыбаясь, но старикъ, какъ слѣдуетъ вцепился въ его волосы уже обѣими руками и хрипло крича: — Г-г-г-а-а-а... — возиль Конго по землѣ. Тогда Конго, переставъ улыбаться, тоже уцепился въ волосы старика, и такъ они оба катались возлѣ костра и кричали что-то горячими голосами.

Въ Конго вцѣпился Найканча, въ него — жена Конго — Чочакъ, въ нее — жена Найканчи. И всѣ, изобразивъ копну пыхтящихъ, лѣниво и медленно, словно во снѣ, барахтающихся тѣль, теребили другъ друга за волосы, царапали лица, бабы повизгивали, мужчины гыкали, а стариkъ Унеканъ, очутившисcь внизу, выпустилъ изъ рукъ космы Конго и, скверно ругаясь по-русски, норовилъ какъ-нибудь выползти изъ-подъ живой шипящей и плюющей кучи.

Двадцать двѣ собаки, сбѣжавшіяся на шумъ и видя знакомую картину, заливались радостнымъ лаемъ, скакали, какъ угорѣлые, сшибая другъ друга, и теребили за одежды своихъ хозяевъ, притворно ворча и присѣдая на заднія лапы.

Унеканъ, наконецъ, выползъ, всталъ, весь мокрый, на ноги, схватилъ срубленную Конго кудрявую сосенку и, сусясь носомъ, принялъ ею возить съ размаха невѣрными пьяными ударами то по кучѣ тѣль, то по уgasвшему костру, подымая тучи пепла.

При каждомъ ударѣ онъ крякаль и, взвизгивая, кричаль:

— А-гыкъ! А-гыкъ... А, шайтанъ... Тебѣ мало?! А-гыкъ!

Всѣ вразъ остановились, поглядѣли на него и другъ на друга дикими глазами, поправили волосы и, тяжело дыша, принялись опять хохотать.

Лицо старика передергивала еще не утихшая пьяная злоба; лѣвый глазъ прыгалъ, то закрываясь, то открываясь, и непослушно косился ротъ. Онъ, тяжело засопѣль, подскочилъ къ улыбавшемуся Конго и молча треснуль его кулакомъ въ глазъ.

Конго всплеснуль руками, закрывъ ими лицо. —

— Это ничего, — равнодушно сказалъ стариkъ и ударилъ его въ нось.

У Конго показались слезы. Стариkъ похлопаль его по плечу, и они оба принялись цѣловаться, хохотать и плаcать.

Вина больше не было, сонъ наваливался, стали укладываться на ночлегъ тутъ же, у костра. Въ чумѣ душно, здѣсь свѣжо и горитъ веселымъ огнемъ костеръ. Комары? Но они тоже, можетъ быть, выпили водки, они уснуть. А если и попьютъ маленько крови — пусть. Всѣ уснутъ крѣпко и будутъ видѣть хорошіе сны. Медвѣдь придетъ? А собаки... Да развѣ онъ подпустягъ звѣря... Эй, Урядникъ, Камса, фють!.. Олени бродятъ возлѣ... Оронъ, оронъ¹, въ лѣсъ не ходи... Боллѣй, звѣринный хозяинъ-батюшка, береги оленей, карауль... Добрый духъ, свѣтлый, а ты стой тутъ, чего тебѣ, сторожи, батюшка, свисти шибче, гикай, кукшай реви, сядь на лѣсину, сядь на лѣсину да реви: гони всѣхъ въ «черный день»...

Укладываются и все говорять, все говорятъ, потомъ умолкаютъ.

Только Чочакъ не хочетъ молчать. Она сидить у костра, смотритъ, какъ переливаются серебромъ и золотомъ угольки. Глаза задумчивы, дрожать пушистые рѣсницы, черныя косы въ бисерѣ разметались по огненно-красной въ лучахъ костра рубахѣ, а смуглые щеки рдѣютъ румянцемъ, и яркія маленькія губы трепещутъ отъ милыхъ, такихъ родныхъ сердцу, словъ пѣсни, которая льется и звенить, и летить надъ рѣ-

¹ Оронъ — Олень.

кой, въ лѣсъ, въ горы, въ небо, гдѣ звѣзды ходятъ та-
бунами, и слушаетъ, улыбаясь, мѣсяцъ.

Она поетъ:

«Вотъ солнце утромъ покажетъ изъ-за деревьевъ
свое темя, тогда Конго пойдетъ къ дружку. Какъ
только свѣтъ бѣлый будетъ, Конго побѣжитъ стрѣлой
къ дружку. Конго ловокъ и силенъ. Онъ скачеть
какъ олень, когда за нимъ гонится смерть. Онъ при-
несетъ вина сладкаго-сладкаго, какъ сахаръ. Чочакъ
любить сахаръ. Чочакъ красивая. Она, пожалуй, пой-
детъ съ Конго. Имъ будетъ дорогой весело. А у
дружка ихъ угостять самымъ сладкимъ виномъ, отъ
котораго загорятся глаза и захочется цѣловаться и
плакать».

Долго она пѣла звенящимъ своимъ серебрянымъ го-
лосомъ. Старикъ уже спаль, обхвативъ крѣпко Кон-
го. Дремали, растянувшись на оленьей шкурѣ, Най-
канча съ женой, а Чочакъ пѣла чуть не до разсвѣта,
то подползая къ мужу и глядя его волосы, то вскаки-
вая и принимаясь прыгать и безконечно повторять
только одно слово:

— Ехор-ёхор-ёхор-ёхор . . .

V.

На заимкѣ у торговца съ часу на часъ ждали свер-
ху большую ладью-шитикъ съ товарами. Разсчиты-
вали приплыть за льдомъ слѣдомъ. Вотъ ужъ юнь

начался, вода скатывается быстро, скоро появятся въ рѣкѣ мели, а шитика не видать.

Наступило время охоты за сохатымъ, тунгусы изъ ближнихъ мѣсть: и Буркіуль, и Рынчай, и Чуччу съ Васильемъ давно ужъ навѣдываются у своего дружка, Борьки, плаветь ли его братъ, Гришка: порохъ весь вышелъ, свинецъ весь вышелъ, надо сохатаго промышлять, а ничего нѣтъ, пистоновъ нѣтъ, дроби нѣтъ. Кланяются Борькѣ, просятъ: «дай, сколько хочешь, бери, только дай, ради Бога дай». Въ ногахъ у него не валяются. Нѣтъ, отъ тунгуса этого не жди, тунгусъ знаетъ себѣ цѣну, и знаетъ цѣну торговому: мошенникъ, больше ничего.

Они прямо ему говорятъ, въ лицо говорятъ:

— Ты плутъ, Борька... Шибко мошенникъ сталъ...

Борька въ отвѣтъ мигаетъ, хохочетъ и угощаетъ тунгусовъ водкой. Пьютъ и все мягче становятся. Глаза изъ сверкающихъ гнѣвомъ превращаются въ покорные и полные тоски.

— Ты, другъ, не обижай насъ... Пошто такъ?.. не славно...

— Да вѣдь дешево беру, гдѣ найдешь дешевле?...

— Дешево браль, а пошто писаль лишку?.. Пошто расписка враль? Плутъ...

Борька божится, иконы цѣлюетъ, на стѣну лѣзетъ, увѣряя тунгусовъ, что большой убытокъ взялъ. Нѣтъ, Борька уйдетъ отсюда, совсѣмъ разорился, это что же такое, прямой раззоръ, и за что его зовутъ мошенникомъ и плутомъ. Онъ всей душой норовить, а его ругаютъ.

Говорить такъ Борька, а самъ, знай, подливаетъ водки.

Глаза тунгусовъ становятся ласковыми, рѣчи спокойными. Цѣлютъ Борьку и говорятъ ему:

— Ты, другъ, не уходи... Живи... Пошто такъ...
Тоски-ли-и-иво, какъ уйдешь... Борони Богъ, какъ...

— Нѣтъ, уйду, — говоритъ Борька, — вотъ проторгую годъ, долгъ соберу и поминай какъ звали.

Тогда всѣ вразъ кричатъ:

— Пошто: поминай, не надо: поминай!... Живи...

Такъ изо дня въ день: то одинъ чумъ придетъ, то другой, то цѣлое стойбище.

А Гришки нѣтъ.

Маша, румяная, маленькаго роста, дѣвушка, каждый день надѣвала корсетъ, купленный Борькой, завивала темные волосы, надѣвала голубенькое, съ бѣлой тесьмой, платье и чаще всѣхъ сбѣгала съ крутого берега къ водѣ, шла по приплеску въ самый изгибень рѣки, залѣзала тамъ на вершину высокой, стоящей у берега сосны и подолгу смотрѣла въ ту сторону, откуда долженъ показаться шитикъ. Она тосковала по своему дому, по подругамъ и парнямъ, а пуще по отцѣ съ матерью, и все ждала хоть какой-нибудь вѣсточки, которую вотъ-вотъ привезетъ Гришка.

А Гришки все нѣтъ.

И Маша, сидя на соснѣ, затягиваетъ пѣсню, тосклившую и протяжную, а сама все смотрить вдалъ, смотрить и поеть, и не замѣчаетъ, какъ вдругъ пахлынуть слезы и скроютъ изъ глазъ и рѣку, и тайгу, и солнце. Тогда Маша, прислонивъ голову къ смолистому дереву, начинаетъ, не узнавая и пугаясь своего голоса, выть.

Борька дома кричитъ:

— Ты, чортъ, опять ревѣла?!

— Нѣть...

— А почему бѣльма распухли и морда красная?
Стоскова-а-лась?

— Меня, Боря, комары...

— Комары?!. Вотъ тебѣ комары, а вотъ тебѣ
мошки!.. — размахнулся Борька и далъ ей двѣ по-
щечины.

Маша взвизгиваетъ и, семеня ногами, бѣжитъ въ
свой уголъ, валится животомъ на кровать и, рыдая,
стонетъ:

— Безсо-о-вѣстный... Уйду...

— Никуда ты не уйдешь... Куда ты, сука, мо-
жешь отсюда уйти...

И Маша замолкаетъ, зная хорошо, что уйти от-
сюда некуда.

VII.

Вчера къ торговому прибѣжалъ Конго, взялъ вина.

Борька былъ увѣренъ, что Конго завтра опять при-
детъ за водкой, и радовался, что вышелъ изъ тайги
Унеканъ, старый, богатый тунгусъ.

Сегодня къ обѣду, дѣйствительно, опять прибѣ-
жалъ Конго:

— Давай, другъ, вина... Все кончалъ... Много
давай... Маленько много...

— Вина? ладно... А что это у тебя щека-то?

Конго стыдливо прикрылъ рукой распухшую щеку и, бѣгая глазами, молча сѣль въ уголъ, подъ образа.

— Дрались?

Конго, запинаясь, отвѣтилъ:

— Маленько... тыкалъ... мордамъ...

— Кто? Стариkъ?

— Кто болѣ, онъ... Маленько...

— Чего дѣлили, чего мало стало? — скалить зубы Борька.

— Вѣра такой...

Больше ничего не могъ добиться торговый отъ Конго.

Впрочемъ, на прощанье Конго сказалъ:

— Маленько мирно... Мириль...

— Помирились? — переспросилъ вышедшій провожать его Борька.

— Мирились, другъ, мирились... Вѣра такой...

Торговый взяль двухъ собакъ: одноглазую Пальму и трехногаго Ушканы, взяль ружье и направился, вмѣстѣ съ Конго, по таежной тропѣ.

Съ версту прошли, какъ вдругъ услыхали позади се-бя: аукаль и кричаль женскій голосъ.

— Марья бѣжитъ... — остановился торговый, скинуль ружье и выстрѣлилъ.

— Ау-ей!... — послышался въ отвѣтъ ея крикъ.

— Однако, прїѣхали, — сказалъ Борька и повер-нуль назадъ.

— Однако, прїѣхали? — вопросительно повторилъ Конго, поворачивая за нимъ.

Изъ-подъ горы, гдѣ журчаль ключикъ, подобравъ высокою юбку, бѣжала, суча локтями, Маша.

— Гриша пріѣхалъ... Охъ-охъ... Письмо привезъ мнѣ... Пойдемъ, пойдемъ скорѣй, Боря... — вся радостная, взволнованно кричала она.

— Ну, прощай! — наскоро бросилъ Борька тунгусу.

— Ну, прощай! — отвѣтилъ тотъ, улыбаясь.

Пробѣжавъ шаговъ десять, Борька остановился и позвалъ:

— Конго!..

Но того уже не было видно. Торговый вскинулъ ружье и выстрѣлилъ въ воздухъ. Собачонки, прыгнувъ и насторожившись, осматривали сучья деревъ: нѣтъ ли гдѣ бѣлки. Вдали щелкнулъ отвѣтный выстрѣль Конго. Борька еще выстрѣлилъ и побѣжалъ къ нему. Навстрѣчу, безъ тропы, прямо черезъ тайгу, вмахъ летѣлъ обратно Конго.

— Конго! — крикнулъ Борька.

Тотъ остановился.

— Толкуй Унекану, чтобы шелъ завтра сюда на оленяхъ. Пушнины тащите больше!.. Самъ приходи, слышишь?!

— Говорю, бойе, говорю!.. Ладно, дожидай, бойе!.. Какъ не придемъ, придемъ!..

— Ба-а-бъ, бабъ берите!!.

— Браль, бойе, браль!

А Маша кричала хозяину:

— Пойдемъ... Да Бо-оря же!..

— А-гый! — крикнулъ гортанью Конго, начавъ рокочущей нотой и кончивъ тонкимъ ястребинымъ голосомъ, и опять пустился къ себѣ, держа въ рукѣ единственную бутылку водки.

VII.

Гришка привезъ съ собой въ приказчики какого-то пропойцу верзили Оглашенного, человѣкъ пять рабочихъ и сѣрую кобылу.

Оглашеннный быль саженного роста дѣтина, съ тупымъ взглядомъ оловянныхъ глазъ, безбровый, безбородый, усатый человѣкъ, прошедшій огонь и воду. Во всей его фигурѣ было что-то звѣриное, вызывающее страхъ. Говориль онъ густымъ осипшимъ дикимъ басомъ. Пиджачишко его быль не по росту узокъ, съ короткими рукавами, штаны широки и стары, съ заплатами и прорѣхами, изъ которыхъ сквозило нагое тѣло, давно не знавшее бани.

Во время обѣда, когда изрядно «на радостяхъ» подвыпили, Борька, между прочимъ, сказалъ:

— Ребята!.. А знаете что? — и обвелъ всѣхъ смиющимся полупульнымъ взглядомъ. — Давайте-ка завтра тунгусовъ судить. Идетъ?

Верзила прохрипѣлъ:

— Идетъ... Это мы можемъ. По тунгусамъ я хаживалъ... Всякія явленія пустить могу.

Долго сговаривались, какъ это все устроить, шумѣли и пили вино, обдумали все какъ слѣдуетъ, хотели и пѣли, цѣловались и ссорились, мирились и плакали, жаловались другъ другу, какъ скучно жить, какъ тя-

жело жить, и если бы не вино, надо бъ лѣзть въ петлю, вино все уносить, вино даеть покой человѣку, а потому надо пить, и пили, и плакали, и ссорились, пока наступилъ разсвѣтъ.

Борыкъ было жаль тунгусовъ: онъ любиль Конго, и любилъ Чочакъ, которую зналъ еще дѣвочкой. Ему первому принадлежитъ ея любовь, и вотъ она завтра придетъ сюда, и опять будетъ его женой. Конго напьется пьянымъ, а онъ, Борыка, царь и богъ, онъ будеть цѣловать Чочакъ въ ея маленькия губки, будетъ говорить ей сказки, играть на гармони и пѣть пѣсни. Маша? Машу прибѣть, прогонить къ брату, прогонить къ рабочимъ:

— Ребята, хошь?

А Маша стоитъ трезвая, прислонясь къ косяку двери, стоитъ, вся, какъ сныгъ, блая, шатается, въ глазахъ темно. Шепчетъ:

— Чортъ, Борыка, чортъ... Окаянный чортъ...

Прикрывается фартукомъ и бѣжитъ въ кухню, опять валится на кровать и, уткнувъ голову въ подушку, начинаетъ голосить.

Въ комнатѣ слышится смѣхъ, и ругань, самая скверная, и разсказы, самые дикіе, безудержные. И все это покрываются хохотомъ Оглашенного, сиплымъ, надсаженнымъ, страшнымъ.

— Мамынка... Вызволи меня... Мамынка... — убивается Маша. Но знаетъ она, что нѣтъ отсюда выхода.

Борыка сидить, обхвативъ руками кудрявую свою голову, плачетъ и говоритъ:

— Жаль... Мнѣ жаль... Вотъ какъ жаль ихъ...

— Кого? — хрюпить Оглашенный.

— Тунгусовъ жаль... Проклятые вы всѣ...

— Тунгусовъ?

— Да, тунгусовъ... Убѣжалъ бы... Да кудѣ?.. Куда?.. Батька послать... Убѣть...

— Чего ихъ жалѣть, кого жалѣть-то... Тунгусъ развѣ человѣкъ?.. Тунгусъ — звѣрь... Звѣрь и звѣрь...

— Самъ ты звѣрь... Толстобрюхій этакій... а я люблю ихъ... Люблю... Сволочи вы всѣ... Окаймленные вы всѣ... Живорѣзы...

Сидитъ пьяный и плачетъ. Слезы текутъ неудержимо, и онъ ничего не видитъ, кромѣ Маши, кромѣ Чочакъ и стараго Унекана, котораго завтра онъ, Борька, окаянный Борька, христопродаецъ Борька, будетъ дурачить и обижать. А почему? Да жить скучно... А Чочакъ?.. Милая Чочакъ... Улетѣль бы съ тобой, ушель бы на край свѣта...

Плачетъ и сидитъ. А всѣ валяются подъ лавками. Спятъ пьяные, грязные, хрюпать, и уста все еще твердятъ срамныя рѣчи.

Только Оглашенный не спитъ. Сидитъ, суется носомъ и дожидаетъ, когда свалится подъ столъ новый хозяинъ. Можетъ быть, удастся пощупать его карманъ.

Къ Оглашенному подходитъ старикъ рабочій и говоритъ, встряхивая желтой бородой:

— Пойдемъ-ка, паря, взглянемъ на шитикъ, не угнало бы вѣтромъ: ишь, верховка начинается.

Пошли. Свѣтло было. Пташки пробудились. Изъ-за горъ выползали лохмы тучъ, и дымилась вдали вершина высокой каменной сопки.

Волны шлепались о бортъ шитика, вѣтеръ колы-

халь парусинную на немъ палатку, рѣка была покрыта мелкой рябью и шумѣла тайга.

— Поспать бы, — сказалъ Оглашенный, потягиваясь и зѣвая огромнымъ своимъ ртомъ.

Учаливъ покрѣпче шитикъ, направились оба къ амбару, гдѣ была торговля, открыли никогда незапиравшіяся двери, — къ чему въ тайгѣ запирать, кто возьметъ, куда схоронится, — раскинули двѣ кипы сукна, одну на прилавкѣ, другую на полу, въ головы бросили по куску ситцу, притворили дверь, — сразу темно стало въ лавкѣ, — и улеглись спать.

Старикъ рабочій, лежа на полу, говоритъ Оглашенному:

— Тебя, конечно, какъ это, паря, принесло-то къ намъ, въ такую погибель-то?

Тотъ шевельнулся на прилавкѣ, вздохнулъ и отвѣтилъ:

— Да такъ... Обыкновенно, какъ... Хозяинъ пьяного подобралъ въ Киренскѣ, да и обѣлалъ... Всю дорогу наубой поилъ до самой вашей рѣки. А какъ на нее попалъ, хозяинъ, это Гришка-то, и говорить: «Ну, теперь ты нашъ. Теперь никуда не дѣнешься».

— Куда отсюда тронешься, — прерваль старику злымъ голосомъ: — птицей обернись, и то не улетишь. Въ какую сторону броситься-то, не знаешь, не то что... Охо-хо... По тайгѣ пойдешь, съ голоду подохнешь, али звѣрь заломаетъ, по рѣкѣ сплавляться безъ малаго двѣ тыщи верстъ до жилого мѣста, да и пороги, сказываютъ, бушуютъ впереди...

— Да какъ же быть-то? — упавшимъ голосомъ не то старику, не то себѣ, задалъ вопросъ Оглашенный.

— Давай лучше спать, паря, — откликнулся старикъ, — гляди, день скоро... Чего-то сонъ долить.

Вѣтеръ крѣпчалъ. Слышно было, какъ сердито шумѣла тайга, словно несмѣтные табуны птицъ, свистя крыльями, безпрерывно неслись надъ амбаромъ.

— А Гришка-то, по-моему, фру-у-ктъ... — простили Оглашенный.

— Онь-то? Хо-хо-о-о... ты еще его, паря, не знаешь... Ужо — онъ... У него, у мошенника, правда-то, конечно, что харьковская дуга, прямая...

— Какъ встрѣтился онъ съ Борькой-то и стала ему нашептывать за кустомъ: «оплель, говоритъ, я Оглащенного-то, подходяще: за пятьсотъ на годъ подрядилъ, а разсчитаемъ по сту»... А я подслушалъ...

Верзила сердито замолчалъ и шевельнулся такъ, что заскрипѣлъ прилавокъ.

Старикъ стала посвистывать носомъ и легонько всхрапывать.

— Ты спиши, старикъ?

— А? Ты чего?...

— Спиши, моль?...

— Нѣть...

— А Борька-то какъ, ничего?..

— Борька что жъ, Борька ничего, доберъ... До насъ доберъ... — сквозь сонъ мямлилъ старикъ. — Только шалый, не приведи Богъ, какой: пьяный плачетъ обѣ тунгусахъ, жалость будто на него нападаетъ, а тверѣзый — опять за свое. Али взять хоша бы тунгусокъ: онъ ихъ, молоденькихъ-то, самыхъ зелененькихъ-то, сколь перешерстиль? А такъ ничего, ничего... Оно... Этово... Какъ колоколь тащили... прямо по ногѣ...

— Какой колоколь?

— А? ..

— Ты про какой колоколь говоришь?

— Ни про какой не говорю, — сонливо отвѣтилъ стариикъ и явственно выговорилъ: — давай, паря, спать.

Тайга гудѣла несмолкаемъ гуломъ. Что-то охнуло вблизи и встряхнуло землю.

— Дерево упало, — октавой сказалъ Оглашенный.

Вѣтеръ распахнулъ дверь, съ силой удариль о стѣну и опять захлопнулъ, обдавъ холодомъ дремавшихъ въ амбарѣ людей.

— Пойдемъ ка, паря, народъ будить... Однако, надо вытащить шитикъ-то, — сказалъ, подымаясь, стариикъ.

Оглашенный недовольно, съ злорадствомъ, прѣхрипѣль:

— Гори онъ огнемъ, окаянный, и съ добромъ-то ихнимъ... На-гра-а-бять, не беспокойся. — И хвастливо-угрожающе добавилъ: — Я еще, язви ихъ, покажу имъ фигуру!

VIII.

Стариикъ проснулся, разбуженный руганью. Слышно было, какъ у рѣки говорилъ народъ, пѣли отчаянными голосами «Дубинушку» и звенѣль фальцетомъ голосъ Гришки:

— Нѣтъ, вась въ тюрьмѣ сгноить надо, окаянныхъ!..

Старикъ прислушивается, кряхтитъ и тормошитъ за плечо храпящаго Оглашенного:

— Эй, ты... Чего ворчишь... Вставай-кось... Слыши?... Пугало...

— Уиди къ ляду... — бормочеть Оглашенный и продолжаетъ храпѣть.

— Ну, песь съ тобой, — отвѣчаетъ тотъ и выходитъ на воздухъ.

Сѣть тихій меленькій дождикъ, все сѣро кругомъ и грустно. Двѣ сороки стрекочутъ, посматривая на хмуро стоящую кобылу. Противоположный гористый берегъ чуть маячить сѣрой безформенной массой, а каменную грудь сопки принакрыли сѣдя лохмы ползущихъ облаковъ.

Возлѣ шитика народъ, безъ штановъ, въ вымокшихъ рубахахъ; ходятъ въ водѣ, блѣдные отъ холода, таскаютъ на берегъ мокрые мѣшки съ мукой.

Борька съ братомъ отливаютъ воду и, поощряя рабочихъ, покрикиваютъ повеселѣвшими теперь головами:

— Ну-ну, ребятушки, постайся!

— Ходи удалѣй, вотъ выпьемъ!

Солнца нѣтъ, и никто не знаетъ, день теперь или вечеръ: Борька часовъ не имѣль — зачѣмъ знать ему время, въ тайгѣ торопиться некуда.

— Какъ думаешь, дѣдушка, должно быть къ вечеру дѣло-то? — спрашиваетъ Борька подходящаго, съ заспаннымъ измѣтымъ лицомъ, старика.

— А кто его знаетъ: чего... То ли вечеръ, то ли день... Не угадаешь, — осмотрѣлся кругомъ, погля-

дѣль на сопку, на стрекочущихъ сорокъ, задраль вверхъ желтую бороду, пощупалъ слезящимися глазами пелену дождевыхъ облаковъ и, почесавъ спину, изрекъ: — Стало быть, вечеръ...

На него сразу набросились:

— Бри... Чего околесицу-то несешь: ве-е-черъ... Лѣсовикъ этакій... Мы какъ вскочили, такъ и бросились на воду... Не жрали еще... Ве-е-черъ...

Старикъ крякнуль, сняль безъ козырька картузъ, поскребъ голову, поглядѣль на кобылу, опять на небо, на амбаръ, на лежащую въ кустахъ корову, и тѣмъ же тономъ изрекъ:

— Стало быть, день.

Но старику не вѣрятъ, хохочутъ надъ нимъ: «заспаль!» Онъ и самъ понимаетъ, что смѣшно, теребить смущенно бороду, и идетъ, присѣдая на каждомъ шагу, къ рѣкѣ умыться.

Старикъ фыркаль, плескалъ на лицо воду и, утираясь подоломъ рубахи, вдругъ прокричалъ:

— Однако, робяты, орда идетъ!

Дѣйствительно, налетая тихо, какъ въ дремѣ, изрѣдка прорывались далекія позываeanія мѣдныхъ бубенцовъ и тѣни звуковъ: Мо-о-до! Мод-мод-мод...

— Идутъ! — сказали всѣ вразъ и, побросавъ работу, стали прислушиваться, настороживаясь всѣмъ тѣломъ.

Борька залѣзъ на крышу шитика и смотрѣль внизъ по рѣкѣ, щупая глазами опушку лѣваго берега.

— На рѣку выходять, на рѣку, — шотомъ говорилъ онъ и, обратясь къ стоявшему въ кормѣ парню, таинственно приказалъ:

— Матвѣй, веди ка проворнѣй кобылу за мысокъ...

Съяра лента все выползала и выползала изъ темно-зеленой, пасмурной тайги, спускалась къ рѣкѣ и, мѣрно колыхаясь, извивалась по приплеску.

Дождь кончился, стало посвѣтлѣй, морока подобрались, великанъ-гора, четко очерченная и омытая дождемъ, стояла за рѣкою.

Изъ-за ея темени вдругъ брызнули лучи вечерняго солнца и плавно распространяющимся свѣтомъ неторопливо залили всю долину рѣки.

Все стало сразу ласковымъ и улыбающимся: серебромъ покрылась легкая рябь воды, вспыхнули пожаромъ окна точно привставшей на цыпочки и улыбнувшейся міру избушки, зарозовѣли стволы сиротливыхъ березокъ, до краевъ захлебнулись пурпуромъ плывущія на востокъ облака, и видно было, какъ кропили онъ золотистой сѣтью дождя хмурыя, уходящія на край свѣта, таѣжныя дебри.

Всѣ, сколько было народу, залитые лучами солнца, смотрѣли пристально в达尔 на приближившійся караванъ оленей.

Караванъ шелъ крупной ступью, быстро подаваясь впередъ. Весь бѣлый, передній олень гордо несъ свою красавицу, съ вѣтвистыми раскидистыми рогами, голову. На немъ, въ залихватской позѣ, съ длинной пальмой въ рукѣ, гарцоваль всадникъ въ ярко-красномъ камзолѣ, съ красной повязкой на головѣ. Онъ иногда останавливался и пропускалъ предъ собой ленту каравана, или, гикнувъ и ударивъ пятками по шеѣ оленя, скакалъ впередъ, что-то крича и размахивая пальмою. Олени шли другъ за другомъ гуськомъ, связанные по водами по восьми штукъ, и на переднемъ оленѣ каждой такой связки цѣпко сидѣло по маленькому чело-

въку, то въ синемъ, то въ красномъ, то въ желтомъ камзолахъ. По бокамъ взадь-впередь носились оленята; спускались къ водѣ, птицей взлетали по откосу въ тайгу, выпархивали вновь на опушку, отыскивали глазами матерей и, не найдя, октависто рычали, вытягивая шеи.

Солнце медлило прятаться, но вечеръ бралъ свое: каменная гора за рѣкою росла и росла, пока не закрыла мрачной своей громадой послѣднихъ золотыхъ лучей дня. Сразу стало холодно, сразу стало тоскливо и скучно, погасла рѣка, провалились въ избушкѣ окна, она присѣла и перестала улыбаться, тайга насупилась и потеряла радость. Крики тунгусовъ и ревъ оленей казались растерянными и печальными, плакали бубенцы, а комары особенно сильно и назойливо насѣдали на все живое.

Вскорѣ караванъ поднялся вверхъ, и тунгусы принялись разсѣдливать оленей.

Это пришелъ съ своей бабой и тремя дѣтьми-подростками богатый тунгусъ Василій.

Слѣдомъ за ними пришли на восьми оленяхъ и Унеканъ съ Конго.

IX.

Василій — тунгусъ богатый. Онъ взялъ пять мѣшковъ муки ржаной, два мѣшка бѣлой, сколько надо сахару и чаю, сукна и кожи, дроби, свинца и пороха, не-

много вина, двѣ горсти конфетъ, бисеру и ситцу, заплатилъ за покупку тысячу бѣлокъ, двѣнадцать сохатинъ и остался долженъ сто рублей и пятнадцать копѣекъ. Но Гришка — человѣкъ ласковый, онъ пятнадцать копѣекъ скостили и еще подарили вдобавокъ тунгусу очки, а его бабѣ маленько зеркальце.

Оба, мужъ и жена, остались очень довольны. Тунгуска глядѣлась въ зеркало, а у нея наперерывъ выдавали изъ рукъ ея дѣти, тоже глядѣлись, хохотали, всѣ вразъ тараторили, тыча пальцами въ волшебное стекло и строя гrimасы.

Василій, въ очкахъ, часто мигалъ глазами, и, улыбаясь, вопросительно говорилъ:

— Однако, хорошо видать?.. А то глазъ кудой стать, совсѣмъ моя слѣпился, бѣлка мимо маленько стрѣлять...

Онъ выбѣгалъ въ тайгу, къ рѣкѣ, смотрѣль на противоположный берегъ, на блѣдные огоныки лѣтнихъ сѣверныхъ звѣздъ, чмокалъ губами, крутиль головой, и, хотя ему ломило глаза, онъ, войдя въ избу, говорилъ радостно:

— Однако, лучше?.. Совсѣмъ близиль...

— Приближаетъ?

— Би-ли-и-эко...

Онъ выпилъ водки, напился чаю, закусиль и чувствовалъ себя хорошо.

Старый Унеканъ бытъ несговорчивъ и золь. Ему ничего пока, кромѣ водки, покупать не надо: у него, слава Богу, запасъ дома хошій. Онъ принесъ пятнадцать бѣлокъ и двухъ чернобурыхъ лисицъ. Триста бѣлокъ онъ уплатилъ за старый долгъ покойнаго отца

Конго, двѣсті — промѣняль на серебряный для Чочакъ поясъ.

А вотъ лисицъ хотѣль продать, но Гришка мало даетъ.

Старикъ деньги любить, особенно серебряные рубли, звонкіе, круглые, большиє. У него ихъ много.

Вотъ и теперь надо бы побольше взять у торговаго этихъ рублей да зарыть ихъ въ тайгѣ, подъ колодиной: пригодятся... какъ не пригодятся, конечно, пригодятся: помреть, — Чочакъ оставитъ, Конго оставить, оба бѣдные, ничего нѣть у нихъ, а онъ ихъ жалѣть, пуще себя жалѣть, но Гришка, безсовѣстная рожа, совсѣмъ не подходящая рѣчи толкуетъ, смѣется, волчья душа этакая, скалитъ зубы да и на!

Унеканъ просить по сто рублей за лисицу и десять бутылокъ вина, а Гришка даетъ пять бутылокъ вина и по три рубля. Старикъ кричитъ, спорить:

— Больно дешевилъ, другъ... Пошто такъ...

— Какъ хошь, не надо...

— Пошто не надо?.. Надо!.. Шибко хорошъ, бері... Пасибо толковать будишь... Бери!..

Но Гришка и слушать не хочетъ. Онъ всталъ и, громко засвиставъ пѣсню, пошелъ въ амбаръ.

— Готово, али нѣть? — спросиль онъ Борьку.

— Готово.

Еще громче и удалѣй свистя, онъ трусцой бѣжитъ въ избу и говоритъ притворно-взволнованнымъ голосомъ:

— Вотъ что, дружки... Судья скоро пріѣдетъ сюда. Всѣхъ тунгусовъ судить будетъ.

Конго и Василій встали съ мѣсть, такъ перепуга-

лись. А старый Унеканъ, видавшій виды, спросилъ насмѣшилово:

— Какой судить?.. Чего мелешь?..

— А вотъ, увидиши. Плыли мы вчера, обогнали его, верхомъ на лошади Ѣдетъ. Большой начальникъ...

Но Унеканъ не унимался:

— Чего путаль?.. Вчера нѣту было, сегодня есть?.. Враль!.. Какой лошадь, съ роду нѣть?..

Гришка опять вышелъ, тунгусы же всѣ сразу что-то заговорили, къ нимъ пристала баба, зашептались и завсхлипывали ребята.

Унеканъ кричалъ громче всѣхъ, размахивалъ руками, зло выколачивалъ о скамейку свою мѣдную трубку, билъ себя въ грудь, и сквозь тунгусскій гулъ голосовъ раздавались русскія фразы:

— Мошенникъ... Плуть...

— Начальникъ надо толковать...

Въ избѣ никого, кроме тунгусовъ, не было. Рабочіе топили баню.

Вдругъ раздались одинъ за другимъ три выстрѣла. Эхо покатилось по тайгѣ. Потомъ явственно зазвенѣли бубенцы, опять прибѣжалъ Гришка и крикнулъ тунгусамъ:

— Ребята, выходи!

Всѣ вышли, кроме Унекана, и остановились у избы, а Унеканъ прильнуль къ окну и смотрѣль съ любопытствомъ, что будетъ дальше.

Бубенцы слышались все яснѣй и яснѣй. Опять раздался въ тайгѣ выстрѣль. Сквозь деревья замелькаль движущійся огонекъ, ближе, ближе, что-то хранило тамъ и фыркало. Наконецъ, показался верхомъ

на лошади человѣкъ. Лошадь кто-то вель въ поводу съ заженнымъ факеломъ.

Гришка возился возлъ амбарчика, торопливо втыкая въ землю двѣ палки. Воткнувъ ихъ, онъ подпалилъ, ухмыляясь, ниточки. Вдругъ вспыхнуло пламя, зашипѣло и двумя огненными хвостами шаркнуло въ небо, загрохотало въ вышинѣ, разсыпалось въ падучія звѣзды и растаяло.

Тунгусы попятались назадъ, хватаясь другъ за друга; старый Унеканъ отскочилъ отъ окна.

А всадникъ подъѣхалъ къ тунгусамъ и заораль зычнымъ голосомъ:

— Здорово, орда!..

Всѣ стояли, раскрывъ рты, мали въ рукахъ камзолы и, пораженные, глядѣли и на невиданную здѣсь лошадь, и на огромную, всю усыпанную крестами и звѣздами, фигуру всадника.

На головѣ Оглашеннаго былъ надѣть, ручкой впередъ, эмалированный горшокъ, отчего одутловатыя щеки его еще болѣе раздались въ стороны, а усы грозно были опущены книзу.

Къ ручкѣ посудины, какъ киверъ къ каскѣ, была укрѣплена сдѣланная изъ конскихъ волосъ якутская маҳалка отъ комаровъ. Чрезъ плечо, по солдатскому мундиру, повязанъ синій шарфъ, а сверхъ него, на груди лежала вырѣзанная изъ жести цѣль, съ большимъ посрединѣ крестомъ.

Оглашенный былъ пьянъ, онъ сидѣлъ на лошади криво — одна нога выше другой — и держался обѣими руками за гриву.

Рабочіе стояли и улыбались, нѣкоторые начали острить.

— Никакъ кобыла-то подъ хмѣлькомъ, сѣдока-то не сдержитъ...

— Сде-ержитъ... Не брякнись, Оглашенній: тутъ кореня... Держись за хвостъ...

Гришка что-то шепнуль имъ, они замолкли, и всѣ, какъ одинъ, сняли съ головъ шапки, переглядываясь другъ съ другомъ.

Тунгусы слѣпо вѣрили, что это — начальникъ, судья строгій, который сажаетъ въ тюрьму, котораго всѣ трепещутъ: и Борыка, и Гришка, и попъ Ванька, и старшина въ Кежмѣ, и урядникъ, и царь. Нѣтъ, царь, поди, не боится, царь главнѣе, а можетъ быть, судья главнѣе, гляди, у него сколь заслугъ, кресты, кресты, кресты и цѣль. Батюшки, цѣль-то какая... А самъ-то онъ толстый, голось толстый, брюхо толстое, не то что у суды въ Кежмѣ, котораго они видѣли на ярмаркѣ; этотъ самый большой, самый главный: поди, что захочетъ, то и сдѣлаетъ; поди, велитъ оленей отнять, и отнимутъ; поди, велитъ бабъ и дѣтей отобрать, и отберутъ; поди, велитъ убить, и убьютъ, а тушу псамъ скормятъ.

Стоять, трясутся. Ужъ очень грознымъ имъ показался судья.

А если убѣжать? Нѣтъ, поймаютъ. Лошадь, борони Богъ, какъ проворно бѣгаешь: вскочить, свистнетъ, никакому тунгусу ходу не дастъ... Ой, амака-дѣдушка, Боллѣй-Боллѣй, Микола-матушка... Что будетъ, что будетъ...

А Унеканъ все въ избѣ, нейдетъ, вотъ отчаянная голова, нейдетъ. Надо бы сказать, чего онъ нейдетъ, какъ не боится, чего не встрѣтиль. А можетъ, онъ лежитъ подъ лавкой, а то со страху въ печь залѣзъ?

Вотъ какой товарищъ, вотъ какой плохой товарищъ, а еще старикъ. Чего нейдетъ... Ой, Микола-матушка, Инокентій-батюшка...

— Пожалуйте, господинъ начальникъ.

— Пожалуйте, господинъ судья, — на перебой, притворно лебезя, сказали Гришка съ Борькой...

Оглашенный, поднявъ руки, хотѣлъ опереться на Борьку, но лѣвая, что подлиннѣй, нога перетянула, и онъ неожиданно кувырнулся по другую сторону лошади, грузно шлепнувшись на землю. Посудина съ головы укатилась подъ гору къ рѣкѣ, лошадь, съменя ногами, захрапѣла, и во всю глотку захохотали рабочіе. Оглашенный молча всталъ на четвереньки, съ усилемъ приподнялся, даль коню сапогомъ въ морду, опять кувырнулся, потомъ, овладѣвъ собой, выпрямилъ съ и, ругаясь на всю тайгу, бодро зашагалъ къ избѣ, сопутствующимъ торговыми.

Ой, батюшки, что-то будетъ! Начальникъ разсерчалъ, свалился, а рабочіе хохочутъ, нечего сказать, нашли время... вотъ ужо, онъ дастъ имъ, вотъ ужо!.. Зачѣмъ онъ свалился-то, чего напрасно беспокоится... усталъ съ дороги, охъ засудить, охъ, конецъ пришелъ! Начальнику надо бы отдохнуть, шутка ли: пока йхалъ, мѣсяцъ въ небѣ, поди, два раза пропадалъ.

Чего жъ Унеканъ не выходитъ?..

Х.

За столомъ сидѣли Оглашенный, Борька и Гришка. У Гришки глаза суевитые, бородка клинышкомъ, рыжая, голова облѣзлая, носъ крючкомъ, алчный, щека платкомъ завязана: флюсъ. По угламъ стола горѣли четыре свѣчи, вставленные въ подсвѣчники изъ ножекъ дикаго оленя, подъ потолкомъ висѣла зажженная лампа, въ избѣ было свѣтло и жарко.

Рабочіе жались у печки, куря и плюя на полъ, скалили тихомолкомъ зубы, а нѣкоторые дремали.

Тунгусы, выстроившись въ рядъ, почтительно стояли, ожидая грозы. За что — не знали, но думали, что разъ сюда, въ такую сторону, пріѣхалъ человѣкъ судить тунгусовъ, значитъ есть за ними важные пропступки. А какъ иначе и подумать? Здѣсь отроду никто не былъ, какъ свѣтъ стоитъ, никто не былъ, солнце не видало здѣсь суды, мѣсяцъ не свѣтиль ему по дорогѣ, вѣтеръ не игралъ съ нимъ. Какъ съ неба упалъ. Значить, что-то есть...

Стоять, думаютъ, откуда онъ зайдетъ, съ какого мѣста прицѣпится, и Унеканъ стоитъ, хоть шибко-то не боится, а стоитъ. Онъ судей видаль, судья ничего, съ нимъ говорить можно, за себя постоять можно: поди не Богъ, чего бояться. Все одно помирать: эка штука. Медвѣдей бывалъ, сколько ихъ положиль.

судья что... Судья ничего... Не обидить... Но-
ги трясутся, — это от старости, зубы стучать—это,
это...

На столъ книга, — оракулъ, — единственная въ
станѣ.

«Законъ» — думаетъ Унеканъ, глядя на потре-
панную книгу и, ткнувъ Конго въ бокъ, шепнулъ ему:
— Законъ.

Оглашенный засопѣль, закашлялся пропойнымъ
кашлемъ и принялся чихать.

Тунгусы кричали:

— Здоровья пуще, батюшка, здоровья пуще...

Оглашенный бодался, махалъ рукой и, весь отъ на-
пряженія и водки красный, чихаль и чихаль, колебля
поль.

Наконецъ, сказалъ:

— Который есть тунгусъ Унеканъ...

Старикъ сдѣлалъ шагъ впередъ и твердо отвѣтилъ:

— Я.

— Ты?

— А кто же болѣ?.. Я...

— Который есть на лицо тунгусъ Конго...

Унеканъ потянуль за рукавъ Конго, тотъ робко
шагнулъ впередъ, всталъ рядомъ со старикомъ и, по-
глядѣвъ на ноги, ровно ли стоить, боязливо, робкимъ
голосомъ, не подымая головы, отвѣтилъ:

— Моя налисо...

— Т-э-к-съ, текстэкъ-съ... А для чего у тебя
на мордѣ дуля?

Конго стояль, красный и растерянный, не понималь,
что спрашивается судья, и, посматриваль на Унекана
дѣтскими глазами:

Тотъ дерзко сказалъ:

— Какой такой дуля?.. Толкуй лучше...

— Молчать!.. — крикнулъ Оглашеннный. И въ вздрогнули.

Рабочіе, дремавшие у печки, открыли глаза и, поглядѣвъ осовѣлымъ взглядомъ, плонули и выругались.

— Пошто молчать?.. Говорить надо... Чево кричишь?.. Слышу...

— Молчать, тебѣ говорятъ!..

— Пошто злой?.. — сверкая глазами, кричалъ стариkъ. — Чего гаркашь?.. Не глушился, слышу...

Тунгусы, пріободрились, шевельнулись, переступили съ ноги на ногу, обтирая потъ съ взмокшихъ лицъ.

Унеканъ опустился на полъ, поджавъ подъ себя ноги, и говорилъ:

— Ну, чево далъ-то?

— Встать!..

— Ну, ладна... Усталъ... стариkъ, поди... Обсуждай скоръ... Ночь...

Опять поднялся Унеканъ и сталъ закуривать трубку.

Гришка нагнулся и шепнулъ на ухо судъ. Тотъ, уставившись на Василья, строго спросилъ:

— Ты есть тунгусъ Василій?

— Моя, господинъ начальникъ, моя будитъ, — виновато, глотая слова, отвѣтиль тунгусъ чужимъ голосомъ.

— Сколько у тебя оленей, али оронъ, по-вашему, по-тунгусскому?

Тотъ долго подгибалъ пальцы рукъ, шевеля губами: тунго, дюръ-дяръ, илянъ-дяръ, нямади, да болъ, да болъ...

Унеканъ опять дерзкимъ голосомъ ввязался, вновь, по забывчивости, садясь на поль:

— Тебъ коли надо, поди, считай самъ... Одинъ Богъ знать...

Оглашенный привскочилъ, ударивъ каблуками въ поль, и рявкнулъ:

— Молчать!.. встать!!.

— Ачать — сать... — всплеснувъ руками и подпрыгивая, взвизгнула Васильева жена. Рабочіе грохнули хохотомъ и улыбнулся Борыка.

— Тебъ еще, старому лѣшему, морда не бита, нѣть?!

Унеканъ, шлепая губами и задыхаясь отъ злобы, стоялъ къ судьѣ въ поль-оборота и срывающимся голосомъ черезъ плечо бросаль ему острыя, крикливыя слова:

— Такой законъ не есть быль!.. Пошто мордамъ... Кажи такой законъ, гдѣ?!

— Вотъ, погоди, я те покажу!

— Ну, ладно, буду погодиль, кажи, пожалуйста!!.

Гришка опять нагнулся къ Оглашенному, опять пошептались. Двое рабочихъ хрѣпѣли; тунгуска, сидя съ ребятами вдоль лавки на полу, икала и охала.

Оглашенный всталъ и заявилъ:

— Судъ удаляется въ кухню на совѣщаніе. По выходѣ будетъ объявленъ вердиктъ и сдѣланъ перерывъ.

И твердой, грузной походкой, задѣвъ ногой табуретку, вышелъ въ кухню, притворивъ за собою дверь.

Онъ выпилъ тамъ водки, вытеръ усы, закрутилъ ихъ кверху, кашлянуль и торжественно направился въ ту половину, гдѣ происходилъ судъ.

А Борыка тѣмъ временемъ шепталъ тунгусамъ:

— Не бойся, дружки: я заступлюсь.

XI.

Маша сидѣла у рѣки на сыпучемъ желтомъ пескѣ. Разложивъ курево, она сначала тихонько мурлыкала какую-то пѣсню, потомъ вынула изъ-подъ кофты письмо съ родины, развернула, поцѣловала бѣлый, исписанный каракулями и засусоленный листокъ бумаги и задумалась.

Мысли ея прерывались пьяными криками Оглашеннаго, вылетавшими изъ открытыхъ оконъ избы.

Ночь была блѣдная, сѣверная. Отъ воды несло хлодомъ и запахомъ испорченной рыбы. За рѣкой била крыломъ и плакала ночная птица, а Машѣ казалось, что это мать кличетъ ее и убивается, не получая отвѣта.

— Мамынька! — шепчетъ Маша, едва шевеля дрожащими губами и смотрить вдали, на тотъ берегъ, гдѣ плачетъ одинокій, такой сиротливый среди ночи, голосъ.

И видитъ, какъ, сквозь капли слезъ на глазахъ, дрожитъ тотъ берегъ, какъ пляшутъ, дробятся и расплываются бѣлыми пятнами и тайга, и горы, покрытые туманной мглой.

Къ Машѣ подошелъ стариикъ-рабочій.

— Тоскуешь, дѣваха? — вздохнулъ онъ, и опустился возлѣ. Оба посидѣли молча.

Потомъ стариkъ, хихикнувъ, сказалъ:

— Ну, и Оглашеннный, будь онъ проклять... Вотъ это варнакъ, такъ варнакъ...

Маша ничего не сказала, сидѣла, согнувшись и подперевъ рукой низко опущенную голову, покрытую сдвинутымъ на глаза бѣлымъ платкомъ.

А стариkъ затѣмъ и пришелъ, чтобы поговорить съ ней, и онъ, посасывая трубку, началъ:

— Конечно, вышелъ, это, онъ изъ кухни взяль оракуль, держить вверхъ ногамъ, да вычитываетъ по-своему законъ: такую дурнинушку стать выворачивать, саму что ни на есть похабщину-то: тунгусы стоять, разина рты, слушаютъ, имъ что хошь читай, народъ безъ понятіевъ, а наши ржуть, конечно, у печки... рады. Присудиль быдто всѣхъ тунгусовъ къ тюрьмѣ.

— Потѣшаются, — грустно сказала Маша.

— А вотъ хозяева обдерутъ ихъ, какъ липокъ.

— Какъ обдерутъ, врешь? ..

— Обдерутъ, Машенька, обдерутъ... Вдругъ, конечно, Борыка всталъ и говоритъ Оглашенному: «Господинъ судья, смилийтесь, пожалуйста, надъ старикомъ Унеканомъ, и надъ Конгой съ Василемъ, ослобоните отъ тюрьмы.

— Ну-ка, ну-ка... — торопила Маша.

— Вы, говорить, всѣмъ троимъ запишите имъ страхъ, оштрафуйте, говоритъ, ихъ, Ваську съ Конгой по пятьдесятъ рублей, я за нихъ внесу, а имъ запишу, вотъ, пожалуйте, — вынуль Оглашенному сотенную, — а Унекана оштрафуйте, говоритъ, на двѣ, конечно, лисы, у него здѣсь онъ. А то какъ такъ возможно старику тащиться до тюрьмы. Смилийтесь.

— Ну?.. — строго спросила Маша и встала.

— Ну, тутъ я и ушелъ... Унеканъ шумитъ что-то... порядки ругаетъ. Жаль, знать, лисичекъ-то... Ай, яй-яй... Кабы въ городъ, каки бы деньги взять... Ухъ-ты!.. Ну-ка, пойду я...

— Посиди, дѣда: чего-то боюсь.

— Нѣть, пойду... Догляжу камедь-то... Пойдемъ.

— И туда боюсь... Чего-то страшно. А за рѣкой, ишь какъ стонеть.

— Птица это... Мало ль ихъ, сиди, не бойся, коли такъ...

И старикъ, кряхтя и сгорбившись, стала карабкаться по откосу вверхъ. Выбравшись, онъ крикнулъ:

— Гляди, дождь будетъ завтра... Спинушку прямо отсѣкло.

— Мнѣ, хошь сныгъ, — отклинулась дѣвушка, и тоже поднялась наверхъ.

Изъ избы выбѣжалъ проворно Унеканъ, посовался возлѣ избы, завернуль за уголь и вскорѣ вновь появился, волоча за хвостъ двѣ пушистыя лисы шкуры.

— Унеканъ! — крикнула дѣвушка, — Унеканъ!

Онъ остановился, смотрѣть на нее, а она подходитъ къ нему и говоритьъ:

— Ахъ, ты, дуракъ... Старый, ты, дуракъ...

— Вѣрно, Машка, дуракъ... Какъ не дуракъ... Зачѣмъ мордамъ тыкалъ, — и быстро засѣменилъ къ избѣ.

— Унеканъ, стой-ка ужо! — побѣжала за нимъ Маша, но тотъ успѣль скрыться за дверью.

— Вотъ, дуракъ...

Хотѣлось ей броситься туда, — эхъ, если бъ сила!.. хотѣлось изругать ихъ, обидчиковъ, этихъ нахальныхъ

парней, этого пропоицу Оглашеннаго. Нѣтъ, не изругать, а вотъ если бы безмѣномъ, да по башкамъ, да по башкамъ, эхъ, кабы шапка-невидимка, какъ въ той сказкѣ, что говорила ей въ дѣтствѣ бабушка Олена...

Не знаетъ, что дѣлать.

— Дѣдъ, — кричить она, — дѣдъ!.. Борька!..

Прислушивается Маша, ждетъ. Нѣту.

— Бо-о-рыка-а...

Лишь за рѣкой бѣть крыломъ и надрываетя птица.

XII.

Въ избѣ очень жарко и душно, пахнетъ прѣлью, табакомъ, потомъ и виннымъ перегаромъ. Тунгусы еле держались на ногахъ, тоскуя по свободѣ, рабочихъ не было. У Оглашеннаго больше и больше наливалась на лбу жила и подергивалась верхняя губа.

— А ты, Гришка, сволочь, — спокойнымъ голосомъ сказалъ онъ вдругъ хозяину, когда Унеканъ убѣжалъ за пушниной.

Тотъ, учуявъ въ Оглашенному звѣря, заерзаль на скамейкѣ, посмотрѣль на брата, сердито нахмурился, но ничего не отвѣтилъ.

— Ты меня за сколько нанималъ въ годъ, а? За пять сотъ?.. А?

— Послѣ, послѣ... — отвертываясь и избѣгая страшныхъ глазъ, скрипѣль Гришка.

— Послѣ?! — крикнулъ Оглашенный, и лицо его побагровѣло. — Послѣ?!.. Когда это — послѣ?? — Тамъ пятьсотъ сулиль, а сюда привезъ, сотню говоришь?!.. Сма-а-три, робенокъ... Я тебѣ не дѣдъ!.. — и погрозилъ пальцемъ.

Конго съ Васильемъ удивленно наблюдали происходящее и во все лицо пріятно улыбались, прикрываясь ладонями.

Вошелъ, волоча лисицъ, Унеканъ. Глаза его были хитры и рѣшительны. Онъ пошептался съ тунгусами, указывая пальцемъ на Оглащенного, посовѣтовался съ ними, поспорилъ. Наконецъ, тѣ вразъ отвѣтили ему:

— Добро... |Это ладно...|

Тогда Унеканъ подошелъ къ столу, положилъ обѣ шкуры возлѣ Оглащенного, и уже тонкимъ, покорнымъ и заискивающимъ голосомъ, сказалъ:

— Вотъ, батюшка... Получай, батюшка... Пасибо, батюшка...

Потомъ тѣмъ же тономъ, спросилъ:

— Ты самый большой въ городу начальникъ, али самый большущій есть?

— Есть, братъ, есть... Тамъ все есть, тамъ не тайга...

— Есть? Добро, — сказалъ Унеканъ и, подойдя къ Конго съ Васильемъ, подмигнулъ имъ: тогда всѣ трое дружно опустились на колѣни и устремили на Оглащенного, какъ на икону въ церкви, полные упованія и мольбы глаза.

Унеканъ теперь твердымъ, рѣшительнымъ голосомъ, держа сложенные на животѣ руки, началь:

— Судья-батюшка, пиши такой расписка, я толковать буду, ты толкуй большущему, дѣлай милость, толкуй: приказчикъ самый плутъ...

— Плутъ...—испуганно вторили остальные тунгусы.

— Борька самый плутъ есть...

— Плутъ...

— Гришка самый плутъ, борони Богъ какъ... все путалъ, все враль... Маленько вовсе обижать, мошенникъ шибка...

Оглашеннный захочоталъ, поерошиль себѣ волосы и сказалъ:

— Гришка мошенникъ, дѣдъ, это вѣрно... Онъ, подлецъ, и меня надулъ...

— Молчи, тварь!! — зашипѣль, брызгая слюной, Гришка, и ударилъ кулакомъ по столу.

Оглашеннный едва успѣль открыть ротъ, какъ раздался рѣзкій, словно ударъ косы о камень, голось тунгуса:

— Самъ молчи!.. Что больна!.. — подскочивъ вплотную къ Гришкѣ, кричалъ Унеканъ. — Мошенникъ и есть... — Что больна!.. — все громче и громче звенѣль его голось, и вздрагивали толстяя губы. — Въ тюрьму сажать нада?!. Самъ, плутъ, сиди... обирайь больна, богатъ сталь больна, всѣхъ тунгусовъ давиль! Вотъ начальникъ учить тебя будитъ, Борьку учить будитъ... Что больна... Плутъ!.. Тащи его судья-батюшка... Пуще тащи!..

— Ха-ха-ха... — дѣланно и зло захочоталъ озлившійся Гришка, — дуракъ, ты, старый чортъ, и больше ничего... Судья?!.. Это, по-твоему, судья?! На, тебѣ, судью голоштанную, на!!.. — взвился вдругъ и, стиснувъ зубы, вмигъ сорвалъ съ растерявшагося было

Оглашеннаго цѣпь, кресты, ленту. — Нна, смотри!!

Вихремъ влетѣла въ избу Маша:

— Бей его, Гришенька, бей! — и влѣпила двѣ звонкія затрешины по жирной щекѣ Оглашеннаго.

Тотъ качнулся, хрюкнулъ и, взревѣвъ медвѣдемъ:— А!.. такъ?! . — опрокинулъ разомъ столь, и съ страшной силой сгребъ Гришку за горло. — Будешь?.. — надсадисто хрипѣль Оглашенный, — будешь тунгусовъ обирайтъ?!

Борька, вѣнъ себя, кинулся въ защиту брата: — Я тебѣ покажу!! . — и въ кровь расшибъ Оглашенному нось.

Тотъ, боднувъ головой, выпустилъ Гришку и торчмя такъ ударилъ Борьку въ лобъ, что тотъ, взметнувшись вверхъ руки, побѣжалъ на однихъ пяткахъ задомъ къ двери, стукнулся бокомъ въ печь, отскочилъ, перелѣтѣль черезъ табуретку и докатился по полу до стѣны. Гришка ножъ искалъ, никакъ найти не могъ.

— Я вамъ всѣмъ дамъ пить!.. — вопилъ Оглашенный, мечась по избѣ и вышибая пойманной скамейкой рамы.

— Топоръ, гдѣ топоръ... Топоръ! — кричалъ Борька, держа рукой разбитое лицо. — Зови рабочихъ!! .

Маша визжала, какъ поросенокъ:

— Рѣжутъ, батюшки, рѣжутъ!..

— Карау-у-ль!!..

Тунгусы выскакали въ окна, какъ только началась свалка.

— Убѣгай, Конго... пуще убѣгай!.. — не чуя земли подъ ногами, кричалъ товарищу Унеканъ.

Въ избу ввалились рабочіе.

По тайгѣ разстился поднявшійся съ рѣки туманъ. Храпѣла, отбиваясь отъ гнуса, лошадь и заливались на разные лады переполошенныя собаки.

Конго и Унеканъ быстро собрали своихъ восемь оленей, осѣдлали и поѣхали въ обратный путь.

А Василій съ семьей долго еще ходили по темнымъ проваламъ тайги.

— Мо-о-до! мод-мод-модъ . . . — звенѣли призыва-
ные женскіе голоса.

* * *

Спустившись къ водѣ и доѣхавъ до изгиба рѣки, гдѣ тропа взбѣгаєтъ на пригорокъ, Конго замѣтилъ про-
свѣчившее сквозь тайгу пламя и игриво взлетавшіе
вверхъ надъ лѣсомъ клубы дыма, охваченные свѣтомъ
яркаго огня.

— Гляди-гляди! — крикнулъ Унекану, — это чего же такое? . . .

— Это чего же такое? — и тотъ сказалъ, соска-
кивая съ оленя.

— Однако, Борька горитъ . . .

— Кому болѣ-то . . . Онъ, поди . . .

Постояли, посмотрѣли, вынули трубки, закурили и пощелкали отъ удивленія языками.

— Машка подожгла . . . — сказалъ жалобнымъ го-
лосомъ Конго.

А Унеканъ твердо отвѣтилъ:

— Ты еще молодой, чего знаешь . . . Не Машка, а самъ начальникъ.

Конго, цѣпенѣя отъ удивленія, протяжно посвистѣ-
тель и тронулъ оленя. За нимъ поѣхалъ и старикъ.

Перейдя въ бродъ двѣ рѣки и выбравшись на ровную тропинку, они окончательно пришли въ себя.

Унеканъ ўдетъ-ўдетъ, да захихикаетъ, а самъ ничего не говоритъ. Конго ўдетъ рядомъ, молча, и тоже улыбается, подражая старику.

Унекану нипочемъ, что забылъ тамъ, у дружка, серебряный для Чочакъ поясъ, что потерялъ двѣ дорожія лисьи шкуры: «Богъ опять дастъ». Подвигается впередъ и не знаетъ, куда несетъ его олень, ночь ли, день ли теперь, не чувствуетъ, хотя въ тайгѣ темно. Гдѣ онъ, кто съ нимъ ўдетъ и что-то говорить, кто онъ самъ, живъ или умеръ, сидѣть у костра или видѣть сонъ, — не понимаетъ: весь погрузился въ только что пережитое, такое страшное и необычное, большое и угловатое, которое никакъ не можетъ умѣститься разомъ въ его тунгусской душѣ, чистой и праведной, какъ душа ребенка.

Ўдетъ Унеканъ, глаза закрыты, губы улыбаются и что-то шепчутъ.

Словно осенний листопадъ, подхваченный порывомъ вѣтра, скачутъ и крутятся передъ нимъ и здоровенный, весь обросший шерстью, кулачище судьи, и дикий Гришка съ высунутымъ краснымъ языкомъ, и кувыркомъ летящій къ стѣнѣ озорникъ Борька, и семеро рабочихъ, и дѣвка Машка, — весь этотъ кавардакъ то вихремъ вѣтается передъ смѣющимися закрытыми глазами старого Унекана, то стелется поизу, сучить локтями, мечется изъ угла въ уголь и натыкается на этотъ страшный, какого еще бѣлый свѣтъ не родилъ, кулачище.

Унекану любо:

— Такъ, судья-батюшка, такъ . . . лупи пуще . . . —

шепчутъ, кривясь улыбкой, его губы, душа играетъ у него и вдругъ, будто глухой ударъ въ шаманскій бубень, рокочеть далекимъ громомъ чей-то голосъ: «Будешь тунгусовъ обирать?.. А?..»

Старикъ открываетъ глаза, озирается, ищетъ скрывшагося за поворотомъ Конго, кричитъ ему:

— Конго, имиткаль... Имиткалё-ё-о-о!.. Дожида-а-й!..

Подъѣзжаетъ къ нему вплотную и, весь наполненный восторгомъ, глядить въ улыбающіеся, лучистые глаза своего молодого друга, потомъ, наслаждаясь смысломъ своихъ словъ и хитро прищелкивая языкомъ, по-русски говоритъ:

— Справедливо обсуждать начальникъ-та... Борони Богъ, какъ... шибка правильна...

— Обсуждать ладна... — вторить, захлебываясь отъ удовольствія, Конго.

И оба раскатываются гортаннымъ хохотомъ.

1914 г. Мартъ.

КРАЛЯ.

I.

Стоялъ октябрь. Погода направилась свѣжая, тихая. Солнце такъ же ярко свѣтило, но уже не было въ лучахъ его прежней ласки. Бодрящимъ, трезвымъ окомъ созерцало оно слегка застывшую землю. Посѣдѣли травы. Подернулись лужи и болота тонкимъ стекломъ молодого ледка. Опалъ листъ на кустахъ и деревьяхъ. Разсвѣты стали туманны, задумчивы утра, тревожно-чутки дни, угрюмы ночи.

А вверху, по поднебесью, лишь выглядятъ солнце, тянулись къ югу длинными колеблющимися углами запоздавшіе журавли, торопясь отъ грядущихъ бурь и непогоды въ теплыхъ страны, туда, гдѣ солнце еще не состарилось, гдѣ сверкаютъ тихія рѣки да зеленѣютъ мягкие, бархатистые луга. Летятъ, курлыкаютъ тоскующими голосами. Скорбѣй, скорбѣй . . .

Грустятъ ли, покидая сѣверъ, радуются ли, стремясь въ невѣдомыя страны, какъ угадать?

Лишь человѣкъ, прикованный неволей къ землѣ, провожаетъ ихъ благословляющимъ взоромъ; только щемящая тоска вдругъ схватить его за сердце, а глаза нѣтъ-нѣтъ да и заволокутся слезой.

И загруститъ человѣкъ, что нѣтъ у него крыльевъ.

Темнымъ вечеромъ, по шершавой, съ глубокими, застывшими колеями, дорогѣ ѿхали купецъ Аршининъ да еще докторъ Шеръ.

Торопились скорѣй добраться до города, опасаясь, какъ бы не вспыхнуло вновь въ небѣ солнце и не растворило подстывшую грязь.

Сибирскія дороги длинныя — ѿдѣшь сутки, ѿдѣшь другія, — третыи, а конца пути все не видать.

Купецъ былъ тучный, разсудительный, видавшій виды, съ большебородымъ ликомъ и веселыми, чуть-чуть наглыми глазами. Докторъ, худощавый, подвижной и нервный, съ разсѣяннымъ взглядомъ большихъ черныхъ глазъ, безбородый.

— Скоро? — рявкнулъ купецъ.

Ямщикъ пощупалъ глазами тьму и хрюпло отвѣтилъ:

— Кажись, надо быть скоро... Быдто недалече...

И быстро вскинувъ вверхъ руку, онъ браво зыкнулъ:

— Дѣла-а-й!!.

Лошаденки боязливо покосились на кнутъ, проворнѣй засѣменили, и тарантасъ заскакалъ по замерзшимъ комьямъ грязи.

Темень висѣла кругомъ; но вотъ мигнулъ и опять погасъ огонекъ, а за нимъ мигнулъ другой, мигнулъ третій...

— Деревня? ..

— Она самая...

Всѣмъ вдругъ стало весело.

Докторъ закурилъ папиросу, а купецъ сказалъ:

— Жарь на земскую ...

Когда лошади поплелись тише, ямщикъ обернулся къ сѣдокамъ:

— Охъ, тамъ и краля есть... Солдаточка...

Докторъ торопливо затянулся папироской, улыбнулся самому себѣ и переспросилъ:

— Краля?...

— И-и-и... прямо медъ...

Купецъ икнулъ на ухабѣ и сказалъ чуть-чуть на смѣшилово, обратясь къ доктору:

— Вотъ бы вамъ, Федоръ Федорычъ, въ экономочки кралю-то подсортовать... А?.. Хе-хе-хе... Вы вотъ все ищете подходящаго резону, да на путную натакаться не можете...

Докторъ не отвѣтилъ.

— Вѣдь жениться на барышнѣ не думаешь? — спросилъ купецъ, — переходя вдругъ на «ты»: съ нимъ случалось это часто.

— Ну, вотъ... Да оно и лучше... Возьми-ка, братъ, крестьяночку... На подходящую натакаешься — какъ собака, привязется... Чего тебѣ — кровь здоровая, щеки румяныя... Хе-хе-хе... Слышишь?

И дѣловито добавилъ:

— Только надо поприглядѣться — какъ бы не тово... не этово...

Опять не отвѣтилъ докторъ.

— А звать ее Авдокея Ивановна, — сказалъ ямщикъ, видимо, прислушиваясь однимъ ухомъ къ разговору и, ошпаривъ тройку кнутомъ, вновь гикнулъ не своимъ голосомъ:

— Дѣ-ѣ-лай!!!.

Лошади птицами взлетѣли на пригорокъ, спустились, опять взлетѣли и, врѣзавшись въ улицу села, по-

неслись по гладкой, словно выстланной дорогѣ. У церкви сиротливо мерцалъ одинокій фонарь, да еще зданіе школы свѣтилось огнями. Было часовъ восемь вечера.

— А вотъ и земская...

Къ подъѣхавшей тройкѣ подбѣжалъ дежурный десятскій съ фонаремъ въ рукахъ и, снявъ шапку, спросилъ:

— Лошадокъ прикажете, али какъ?..

Фонарь бросаль дрожащіе снопы свѣта на переко-сившееся крыльцо земской, на курившіхся паромъ лошадей. Подошли два-три мужика да собачонка.

— Вноси въ избу всю стремлюндію, — сказалъ ку-лецъ, — куда въ этаку поруѣхать?..

— Куды тутъ, — радостно, всѣ въ разъ, загово-рили мужики: — ишь, кака темень... Ха!.. ты ушу-тиль?..

И весело засуетились возлѣ тройки.

II.

Въ земской было тепло, пахло кислой капустой, печенымъ хлѣбомъ и сыростью отъ недомытаго еще пола. Пламя сальнаго огарка, стоявшаго на лавкѣ, всколыхнулось, когда Аршининъ крякнулъ, хлопнувъ дверью, и заиграло мутнымъ колеблющимся свѣтомъ по оголеннымъ до колѣнъ ногамъ ползавшихъ на че-

тверенькахъ двухъ женщинъ, по ихъ розовымъ рубахамъ и мокрымъ юбкамъ, по сваленнымъ въ кучу половикамъ, столамъ и стульямъ и стоявшимъ на полу цвѣтамъ герани.

Женщины поднялись съ полу, бросили мочалки и одернули торопливо подолы.

Купецъ размашисто перекрестился на образа:

— Ну, здравствуйте-ка...

— Здрасте, здрасте... — вразъ отвѣтили обѣ.

А одна, постатнѣй да поповорнѣй, привѣтливо метнула карими глазами и молвила пѣвучимъ, серебристымъ голосомъ, отъ звуковъ котораго чуть дрогнуло сердце доктора, а пламя свѣчи на смѣшливо колыхнулось.

— Вотъ пожалуйте въ ту половину, тамъ прибрано...

И стояла молча, играя глазами.

Купецъ прошелъ какъ-то бокомъ, на цыпочкахъ неся въ рукахъ чемоданъ, а докторъ стоялъ столбомъ и мѣрялъ съ ногъ до головы женщину.

— Вы не Евдокія Ивановна? — спросиль онъ.

— Да... Она самая... А вы откуль знаете?...

Купецъ высунулъ изъ двери бороду:

— Тебя-то? Авдокею-то Ивановну не знать?... Да про тебя въ Москвѣ въ лапти звонять... Ха-хъ ты, милая моя...

— Милая, да не твоя...

— Ну, ладно... Давай-ка, Дунюшка, самоварчикъ... Сваргань, братъ, душеньку чайкомъ ополоснуть...

— Чичасъ...

И пошла, ступая твердо и игриво, къ двери.

Босая, съ еле прикрытой грудью, съ двумя большими, черными косами, смуглая и зардѣвшаяся, — вся она, вся свѣжая и радостная, казалось, опьяняла избу тревожнымъ желаніемъ, зажигала кровь и дурманила сердце.

Купецъ посмотрѣлъ ей вслѣдъ плотоядными, масляными глазами:

— Охъ, навожденіе... Ишь, толстопятая, вся ходуномъ ходитъ...

И пошелъ къ чемодану, бубня себѣ въ бороду:

— Охъ и я-а-адѣ баба... Ядъ!..

Доктора бросило въ жарь.

Толстая, вся заплывшая жиромъ, баба летала проворно по избѣ, разставляя столы и стулья.

— Подь въ ту комнату, я половики раскину...

Докторъ очнулся и пошелъ на улицу вслѣдъ за Дуней, а тетка полѣзла на печку.

Купецъ, утративъ на время благочестивый обликъ, подползъ къ ней сзади и, ради первого знакомства, хлопнуль по широкой спинѣ ладонью.

Зардѣлась баба, улыбнулась и, погрозивъ кулакомъ, сказала, скаля бѣлые, какъ сахаръ, зубы:

— А ты проворенъ, Богъ съ тобой... Ерзокъ на руку-то.

Купецъ хихикнулъ, тряхнуль бородой и, почесавъ за ухомъ, сокрушенno отвѣтилъ:

— Есть тотъ грѣхъ, кума... Есть!...

Онъ, крадучись, щипнуль ее за ногу и, прищелкнувъ языкомъ, прошепталъ:

— Кума, ей кума... Слыши-ка...

— Ну, чо надо? — сбрасывая половики, задорно спросила баба.

— Слышь-ка, что шепну тебе.

Она неуклюже повернулась к нему, свъсивъ голову. Онъ обняль ее за шею и шепнуль.

Вырвалась, плонула, захочотала.

— Чтобы те борода отсохла... Тыфу!..

— Вотъ те и борода... Стой-ка ужо...

Вошель докторъ, весь радостный. Купецъ отскочилъ быстро прочь, степенно прошелся по комнатѣ, єзглянуль украдкой на иконы и тяжело вздохнуль. Лицо опять сдѣлалось постнымъ, набожнымъ.

А баба слѣзла съ печи и пошла, почесывая за пазухой, къ двери, брюзжа на ходу притворно-строгимъ голосомъ:

— Ишь, долгобородый, оха-а-льникъ какой...
Право...

Докторъ быстро, взадъ-впередъ, бѣгаль по комнатѣ, улыбался, выхватываль изъ жилета часы, открываль крышку, безцѣльно скользиль по нимъ взглядомъ, совать въ карманъ, чтобы чрезъ минуту вытащить вновь. И никакъ не могъ сообразить, который теперь часъ.

Купецъ, сидя подъ образами, въ углу, наблюдалъ доктора, а потомъ плутовато подмигнулъ ему и, раскатившись чуть слышнимъ смѣшкомъ, долго грозиль скрюченнымъ пальцемъ.

— Докторъ, а докторъ, знаешь что?

— Ну?

Купецъ еще плутоватѣй подмигнуль:

— А вѣдь у тебя на ликѣ-то... хе-хе... выраженіе...

— Вотъ это мнѣ нравится... Ну, а дальше?..

И опять забѣгалъ, то и дѣло выхватывая изъ жилета часы и улыбаясь сладкимъ мечтамъ.

III.

Когда на столъ появился большой самоваръ, миска меду и шаньги, купецъ съ докторомъ усѣлись пить чай. Оба они частенько прикладывались къ бутылкѣ съ коньякомъ.

Отворилась дверь, и легкой поступью, поскрипывая новыми полусапожками, вошла Дуня.

— Дунюшка-а-а... родименькая-а-а... иди-ка выпей чайку съ лимончикомъ, — обрадовался купецъ.

— Кушайте... Куды намъ съ лимономъ: мы и морщиться-то путемъ не умѣемъ...

И прошла въ маленькую комнатку, гдѣ лежали вещи проѣзжающихъ.

Въ комнаткѣ былъ полумракъ. Дуня что-то передвигала тамъ съ мѣста на мѣсто, лазила въ шкапъ, бренчала посудой.

Чувствовалось, что она томится ожиданіемъ.

Купецъ шепнуль, хлопая доктора по плечу:

— Иди-ка, иди... Потолкуй...

И опять подмигнулъ смѣющимся глазомъ.

Тотъ улыбнулся и, поднявшись, пошелъ въ комнату, гдѣ Дуня звякнула замкомъ сундука.

Купецъ пилъ рюмку за рюмкой, заѣдая шаньгами и солеными огурцами.

До слуха его долетали обрывки фразъ:

— Евдокія Ивановна... — говориль докторъ, и го-
лосъ его дрожаль.

— Вы не цѣните красоту свою... Ваши глаза...
брови...

— А какой толкъ въ нихъ?.. ,

— Вы любите мужа, солдата?

— А гдѣ онъ?.. Нѣтъ, не шибко люблю... Не
скучаю...

А потомъ раздался тихій вздохъ, за нимъ другой,
и тихій-тихій шопотъ...

— Пусти... такъ не хорошо... не на-а-до, не
надо...

— Дуня, милая...

Купецъ выразительно крякнулъ, и прохрипѣлъ пья-
нымъ голосомъ:

— Такъ-такъ-такъ... Хи-хи...!

Докторъ вышелъ, весь встревоженный, опустился
возлѣ купца и сидѣлъ молча, закрывъ лицо руками.

— Вотъ что, господа проѣзжающіе, — сказала
вдругъ появившаяся Дуня и, поправляя волосы, добавила:

— Вы, тово... лучше бы выбрались изъ той гор-
ницы вотъ сюда. Кажись, нонѣ урядникъ долженъ при-
быть со старшиной...

— Урядникъ?.. Ха-ха... Эка невидалъ... Уряд-
никъ... Подумаешь... — брюзжалъ купецъ и, пода-
вая рюмку, сказалъ:

— На-ка, красавица, выпей... Окати сердечуш-
ко... Садись-ка вотъ такъ... Вотъ чайку пожа-
луйте...

Жеманясь, выпила она вино и утерла губы краемъ
голубой, свободной кофточки, изъ-подъ которой блес-
нула свѣжая рубаха. А потомъ сѣла и заиграла глазами.

Докторъ, овладѣвъ собой, тихо сросиль:

— Такъ поѣдешь, Дуня?

У нея чуть дрогнула тонкая лѣвая бровь.

— Пустое вы все толкуете... Развѣ вы можете насъ, мужичекъ, полюбить?..

Она сложила малиновыя губы въ насыщливую гримасу и молчала.

— Овдотья, эй, Овдотья! иди, слышь, въ баню, штоль!.. — проскрипѣлъ изъ сѣней старушечій голосъ.

— Иду, бабушка, иду, — торопливо отвѣтила Дуня.

И, обратясь къ доктору, сказала тихо, словно пѣсню запѣла:

— И поѣхала бы къ тебѣ, и полюбила бы, да боюсь, бросишь... .

Купецъ отвѣтилъ за доктора:

— Мы не изъ такихъ, чтобы... . Наше слово — олово... . Обману нѣть... .

— И вѣрной бы была тебѣ по гробъ, да вижу, смеешься ты... .

Докторъ потянулся къ Дунѣ съ лаской:

— Милая ты моя, чистая... .

Та встрепенулась, вскочила:

— Не трогъ... . не твоя еще, — и сверкнула огоньками своихъ лучистыхъ карихъ глазъ.

Купецъ уставился удивленно въ чуть насыщливое лицо Дуни, стараясь понять, что у нея въ сердцѣ.

Дуня пошла легкой поступью къ двери, а докторъ, — видно, хмѣль въ головѣ заходилъ, — нахмурилъ вдругъ брови и тяжело оперся о край стола:

— Постой!.. Слушай, Дуня... . А любовникъ есть?.. Любишь кого?..

Та вздрогнула, повернулась и, держась за скобку, гневно крикнула:

— А тебе какое дѣло!.. Ты кто мнѣ — мужъ?..

Она вышла, хлопнувъ дверью. Чрезъ мгновеніе чуть пріоткрыла дверь и голосомъ мягкимъ, съ оттѣнкомъ грусти, сказала:

— Кабы былъ кто у меня, неужели стала бы языкомъ трепать? Ни сномъ, ни духомъ не виновата.

IV.

Когда купецъ былъ совершенно пьянъ, а докторъ въ полугарѣ, въ комнату быстро вкатилась толстая баба: — Урядникъ... — она влетѣла въ сосѣднюю каморку и стала выносить вещи путниковъ: — Ужъ вы здѣсь, ужъ здѣсь, господа проѣзжающіе... Я вотъ тутъ постелю... Ужъ, извините....

Купецъ, ничего не понимая, мычалъ, а докторъ разсѣянно поглядывалъ на носившуюся изъ комнаты въ комнату, какъ угорѣлую, бабу.

Но вотъ распахнулись сѣни, и сначала вѣжаль безъ шапки рыжій мужиченко съ испуганнымъ лицомъ и бляхой на сѣромъ зипунѣ, а за нимъ ввалилось какое-то чудище необъятныхъ размѣровъ, съ пьянымъ, одутловатымъ, лохматымъ лицомъ, съ мутными, косыми, на выкатѣ, глазами.

Впереди, семеня ногами, суетился десятской:

— Ваше благородие, вотъ сюда...

За нимъ — осанистый чернобородый крестьянинъ, со строгимъ, хмурымъ лицомъ.

— Ннда... нда-а-а... Ха-ха! тоже птица ничего себѣ... Урядникъ... — заплетающимся языкомъ бормоталь купецъ — Эй, ты, докторъ, понимаешь?.. Уррядникъ... Можешь ты своей ученой башкой понять? А?

Урядникъ, услыхавъ купца, появился въ дверяхъ своей комнаты и, держась за косяки, обиженно сказалъ:

— У меня, господа, дѣло, примите къ свѣдѣнію: убийство въ волости; надо допросъ снимать... такъ что... маленькую комнату мнѣ. Покорнѣйше прошу...

У купца, когда онъ выпивалъ лишнее, голось становился пискливымъ, а временами срывался на низкія ноты. Исподлобья посматривая на урядника и требя себѣ бороду, онъ задирчиво сказалъ:

— Бери-бери-бери!.. получай на здоровье... свою комнату... съ периной... съ двуспальной... Хе-хе... Ннда-а... Ты человѣкъ козырный... А мы что... мы — людишки маленькие, тварь проѣзжающая разная... Докторишка какой-то, да купчишка паршиный, соборный староста, напримѣръ, съ позволенія сказать... Хе-хе... Эка невидаль...

— Что-съ?

— Я тебѣ дамъ — что-съ! — стукнуль купецъ кулакомъ въ столъ и, грузно шевельнувшись, какъ куль, шлепнулся на поль.

— Ого! вотъ какъ... — бормоталь онъ, барахтаясь межъ столомъ и лавкой, — господинъ докторъ...

врачъ... Эй, гдѣ ты? Подсоби ка... А на Дуньку плюнь. Плюнь, не подходяще. Чи-и-стая... Солдатка-то, Дунька-то? Она те оплететь, какъ пить дастъ. Дурракъ.

Урядникъ крякнулъ, покосился свирѣпо на доктора и съ трескомъ захлопнулъ дверь.

Купецъ доползъ до брошенного въ уголъ постельника, а докторъ забѣгалъ — руки въ карманъ — по комнатѣ и, остановившись возлѣ лежавшаго пластомъ купца, прошипѣль:

— Я вамъ не дуракъ! Вы пьяны! О Дунѣ же прошу такъ не выражаться... Слышите?.. — и опять забѣгалъ.

А купецъ, пріоткрывъ одинъ глазъ, засыпая, мямлилъ:

— Дурракъ... Семь разовъ дуракъ...

V.

Купецъ спалъ, задравъ вверхъ бороду и посвистывая носомъ.

Въ переднемъ углу, на полочкѣ, стоялъ большой мѣдный крестъ да два мѣдныхъ складня, поддѣланыхъ подъ старину, съ безобразно отлитыми фигурами святыхъ. Тутъ же, на гвоздикѣ, висѣли ременные лѣстовки, а на полкѣ, возлѣ креста и складней, стояла мѣдная, въ видѣ жадила, посуда для ладана.

«Народъ набожный», — подумалъ, разсматривая, докторъ, и ему было пріятно, что Дуня живеть въ такой строгой, религіозной обстановкѣ.

— Должно быть, кержаки.

По комнатѣ то и дѣло проходили къ уряднику и обратно какія-то фигуры не то мужиковъ, не то бабъ — докторъ не обращалъ вниманія, — а изъ полуоткрытыхъ дверей доносилось:

— Онъ к-э-экъ его таaraхнетъ... Да кѣкъ надастъ...

— Трезвый?...

— Како тверёзый... Кабы тверёзый быль, нешто саданулъ бы ножомъ въ божъ...

Затѣмъ слышался старческій кашель и глубокій вздохъ:

— Охъ, грѣхъ-грѣхъ...

Докторъ взглянулъ въ зеркало и не узналь себя: лицо было красное, возбужденное, а мускуль надъ правымъ глазомъ подергивался, что бывало каждый разъ, когда онъ волновался.

— Ты у меня не финти, сукинъ сынъ!... — вдругъ заревѣль урядникъ.

— Ваше благородіе, Господи... Да неужто жъ я смѣль бы?... Что ты, что ты... Пожалѣй старика... Ба-а-т-ю-ю-шка-а...

— Я тебя пожалѣю... Вотъ, я тебя пожалѣю...

Шель судъ и расправа, а купецъ хралъ на всю избу и охаль, да тоскливо попискивалъ самоваръ.

Докторъ надѣль пальто и вышелъ на улицу. Въ вискахъ его стучало. На душѣ ползало что-то, похожее на тревогу, и кралась къ сердцу грусть.

Вотъ онъ тутъ сядеть и подождетъ Дуню. Онъ

скажетъ ей много хорошихъ словъ, ласковыхъ и сердечныхъ. Можетъ — пойметъ его, можетъ — дастъ ему счастье, надежду на хорошую, радостную жизнь.

Онъ сѣлъ на приступкахъ покосившагося крыльца и, обхвативъ колѣни, вглядывался въ тьму звѣздной ночи.

Ночь была тихая, ядреная.

На горѣ, за селомъ, колыхалось пожарище. Видно было, какъ клубились космы изжелта-сѣраго дыма, а искры вились и уносились къ темнымъ небесамъ.

Гдѣ-то далеко-далеко заревѣли коровы да прогоркотала по мерзлой дорогѣ телѣга. И опять тишина.

За воротами слышался чей-то разговоръ.

Выйдя на улицу, докторъ увидаль трехъ мужиковъ.

— Что, пожаръ?

— Да.. — отвѣтили всѣ вдругъ: — рига у крестьянина горитъ...

— Не опасно?

— Нѣтъ... далече... такъ что за селомъ... А окромя того — тихо.

Еще что-то говорили, спрашивали его. Онъ отвѣчать и самъ какъ будто спрашивалъ. Но все это: и разговоры, и зарево пожара — плыло мимо его сознанія.

Онъ пошелъ во дворъ и опустился на приступки крыльца. Тоскливо стало.

— А что, Евдокія Ивановна не вернулась изъ бани?

— Поди, нѣтъ еще... А тебѣ пошто?

Докторъ не зналъ, что отвѣтить старухѣ.

— Да я такъ, собственно... Хотѣлъ самоварчикъ попросить...

— Ну-къ, я чичасъ.

Онъ куриль папиросу за папиросой, и думаль:
Чортъ знаетъ... Какъ это такъ, сразу... Стра-а-
нно... Это водка... все водка надѣлала. Пьянь...
«Водка?» прозвучало въ ушахъ. «Водка ли?»

Вдругъ выплыли изъ тьмы чы-то родные, ласко-
вые глаза, поманили, усмѣхнулись, прильнули вплот-
ную, смотрять

«Что, любишь?»

Отмахнулся рукою. Замолкло, спряталось, при-
таилось.

Волна за волной шли мысли, то робкія и расплыв-
чатыя, то дерзкія и неотразимо влекущія.

Вотъ возьметъ Дуню, красавицу, какихъ нѣтъ
въ городѣ. Привяжетъ ее къ себѣ лаской, умомъ.
Привѣтъ ей любовь къ знанію, и заживеть тихой-
тихой, хорошей жизнью. Можетъ быть, уйдетъ въ
деревню.

— Да, да... въ деревню, — думаль онъ вслухъ... —
Понесу туда свѣтъ, знаніе... помощь... А ес-
ли... А вдругъ...

Онъ не кончиль, не хотѣль кончать: боялся.

Пожаръ на горѣ затихалъ.

— Дуня, дорогая моя...

Вотъ скатилась съ неба звѣзда и, вспыхнувъ, ис-
чезла въ синемъ мракѣ неба.

— Сорвалась звѣздочка... А я пьянь... И не
идеть Дуня... Краля?.. Ты говоришь краля?.. До-
пу-стимъ... — бормоталь, потягиваясь, докторъ.

Подошла собака, поласкалась, лизнула въ лицо и
ушла.

Выплывали откуда-то звуки гармошки и пѣсня.
Прислушался докторъ:

— Должно быть, рекрутъ...

Голосъ выводилъ, а ему подъ визгъ гармошки, подгавкивали два, либо три другихъ голоса:

Какъ во нашемъ во бору,
Тамъ горить лампадка:
Неполюбить-ли меня
Здѣшия солдатка...

Залаяли собаки, набрасываясь съ остервенѣніемъ. Хлопнули ворота. Раздались ругань и крикъ. А затѣмъ большой камень, очевидно, пущенный въ собаку, ударилъ въ заплотъ. И опять ругань. И опять пьяная пѣсня да лай собакъ.

— Что пригорюнился? спать пора...

— Дуня!.. — встрепенулся докторъ. И, приподнявшись, обнялъ ее, теплую, пахнущую свѣжимъ вѣникомъ.

— Сядь... посидимъ...

— Да некогда... право... Пусти.

— Сядь, поговоримъ...

— Нѣтъ, пусти... некогда...

Однако, сѣла, склонила голову къ его плечу и заглянула въ глаза.

— Вотъ я хотѣль сказать тебѣ, — началъ докторъ, чувствуя, какъ дрожь овладѣла имъ, и какъ стучать отъ волненія зубы. — Хотѣль сказать, что полюбиль тебя горячо...

— Горячо-о-о?.. Не обожги, смотри...

Она засмѣялась тихимъ серебристымъ смѣхомъ...

— Хочешь ли, я возьму тебя съ собой? Ты будешь моей подругой. Я покажу тебѣ хорошую жизнь... Хочешь?

— Охъ, мутишь ты меня, баринъ... И зачѣмъ тебя нелѣгкая принесла сюда?..

— Я тебя люблю... Приворожила, что ль, ты меня?

— Въ куфарки зовешь, али какъ? Поди, жена, али зазноба есть?

— Нѣту, Дуня, нѣту... Никогда, никто...

Докторъ опустилъ голову.

— Ахъ, бѣдный ты мой, бѣдный... Дай пожалѣю. — Она высвободила руку изъ-подъ накинутой на плечи шубы и стала нѣжно гладить его лицо.

— Одинъ... какъ сыръ... столько лѣтъ безъ любви, безъ ласки... Ахъ, какъ тяжело...

А Дуня ласково, нараспѣвъ, говорила, обнимая доктора:

— Милый ты мо-о-й... ребеночекъ моо--ой... Дака-сь поцѣлую тебя.

Вдругъ скрипнула дверь: кто-то поставилъ на полъ ведра и сталъ шарить по стѣнѣ.

Дуня шмыгнула на улицу и притаилась, припавъ къ стѣнѣ крыльца.

Докторъ сидѣлъ молча, не двигаясь, словно боясь спугнуть сладостный сонъ.

Опять скрипнула дверь: закрякаль кто-то, икнуль, завозился, а затѣмъ изъ темноты съней раздался струщечій шепелявый окрикъ:

— Ай!.. Кто тутъ!.. Ты што-ито хваташь?!

— Да это я... Саквояжъ ишу... Чемоданъ...

Дуня прыснула, узнавъ голосъ купца, и плотнѣй запахнулась въ шубу.

— Чиквая-а-нѣ?.. Я те такой чикваянъ покажу... Яэви те!.. Ишь, облапилъ...

— Это ты, бабушка?.. — хрипъль купецъ.

— А тебѣ ково?.. Грѣхо-во-о-дникъ...

Дуня давилась отъ смѣха. Купецъ пошелъ къ выходу, а старуха все еще шепелявила ему вдогонку:

— Чикваданъ... ишь ты, чего захотѣлъ... какой такой тутъ чикваданъ про тебя доспѣлся... Тыфу!...

Купецъ наткнулся на доктора:

— Кто тутъ?.. Ахъ, это ты?.. мечтаніямъ предаетесь?.. Ну, ладно, мечтай, мечтай... О чистой... хе-хе.

И онъ полѣзъ по ступенькамъ, держась за поручни.

Дуня скользнула въ сѣни, но докторъ настигъ ее, распахнулъ ей шубу и жарко цѣловаль шею, губы, грудь, угорѣвъ отъ страсти.

— Пусти, — молила его, — пусти...

— Не могу...

— Пусти... ну, пусти.

А уходя, бросила:

— Я приду къ тебѣ...

— Дуня-я-а...

— Родной мой... желанный...

VI.

Самоваръ опять попыхивалъ на столъ, и поставленный на камфорку чайникъ недовольно стучаль крышкой.

Было часовъ десять вечера. Допросъ все еще продолжался:

— По первоначалу онъ его въ зубы съѣздилъ, а опосля того въ зашней, значитъ . . . въ лёнъ.

— Въ лёнъ? . . .

— Въ лёнъ, въ лёнъ . . .

— Та-а-къ . . .

Купецъ, лежа на полу, что-то бредилъ, стональ, ругался.

По избѣ ходила толстая баба, вся красная, лазила на печь, заглядывала въ шкатъ.

Купецъ вдругъ быстро-быстро заработалъ во снѣ ногами, точно стараясь отъ кого убѣжать, потомъ вздрогнулъ, припрыгнулъ на постельникъ всѣмъ тѣломъ, открылъ глаза и гаркнуль:

— Карапуль! . . . Ксы!

Баба кинулась къ нему и, припавъ на колѣни, прошипѣла:

— Тишиш . . . Чтобъ тебя притка задавила. Это котъ . . . Брысь!

— То-ись, какъ котъ? . . .

— А я почемъ знаю, то-ись какъ? . . . котъ да и котъ . . . Спи-ка знай . . .

— Боднуль кто-то . . .

Купецъ сейчасъ же захрапѣлъ, обхвативъ руками голову.

Докторъ цѣлый часъ бродилъ по деревнѣ, погруженный въ думы. Онъ замѣтно охмѣлѣлъ. Ему хотѣлось спать, и глаза его, утомленные, стали слипаться. Онъ, прия въ земскую, сѣлъ къ столу и налилъ стаканъ чернаго, какъ деготь, чаю. Вскорѣ явилась и Дуня.

Она несмѣло подошла къ полуутворенной двери и спросила:

— Вамъ, господинъ урядникъ, чайку не прикажете? . . .

— Убирайся! . . . Некогда! . . . — послышался злой, грубый окрикъ.

Дуня съ омерзѣніемъ взглянула на жирный, ползущій на воротникъ загривокъ, торчащіе изъ за одутловатыхъ щекъ усы и оттопыренныя уши.

— Лѣшій! . . . каторжникъ! . . . — сдвинувъ брови, бросила она шипящимъ, придушеннымъ голосомъ и тихо пошла къ двери.

— Евдокія Ивановна! — ласково позвалъ докторъ.

— Ну, что?

Онъ поманилъ ее и придинулъ табуретку.

Дуня улыбнулась, смахнула слезы, выпрямилась вся и, не подходя къ столу, издали переговаривалась тихо съ докторомъ.

Онъ разъ и другой пытался подойти къ Дунѣ, но она испуганно грозила ему пальцемъ, пятилась къ двери, кивая глазами въ сторону урядника.

— Почему, Дуня? — удивленно шепчетъ докторъ.

— Охъ, боюсь я его, окаяннаго... — ея лицо покрылось страданіемъ, а межъ крутыхъ бровей легла мэрщина. — Звѣрь... Прямо звѣрь...

— Но почему? — еще удивленнѣй шепчетъ докторъ.

Дуня мнется, хрустить пальцами рукъ, взглядывая смущенно на доктора и говорить, всхлипывая и проглатывая слова:

— Охъ! не спрашивай ты меня, Христа ради. Услышитъ — убьетъ...

Докторъ вздохнулъ и выпилъ водки. А Дуня шептала:

— Прямо Иродъ, а не человѣкъ... Всѣхъ заѣздилъ... Всѣхъ слопалъ... Жену, варнакъ, въ гробъ вогналъ; робять изъ дома выгналь... Охъ-ти-мнёшеньки... Змѣй подколодной къ мужикамъ присосался, кровушку-то изъ насъ всю, какъ піявица, выпиль... А куда пойдешь, кому скажешь — неизвѣстно... Охъ, бѣда-бѣда...

Докторъ подозрительно смотрить на Дуню, хмурится.

Но та, какъ солнце изъ-за облака, вдругъ засіяла вся улыбкой, сверкнула радостно глазами, подбоченилась и, тряхнувъ бусами, гордо откинула голову:

— Вотъ бери, коли люба!.. Не гляди, что криво повязана; полюблю — въ глазахъ потемнѣеть...

Докторъ, счастливый и взволнованный, все забылъ: манитъ къ себѣ Дуню, говорить ей:

— Вотъ завтра, любочка моя... вотъ уѣдемъ завтра...

— А не погубишь?.. — она стоитъ, улыбается, того гляди смѣхомъ радостнымъ прыснетъ. — Ну, смотри,

баринъ... — задорно погрозила она пальцемъ, а въ карихъ глазахъ лукавые огоньки забѣгали.

Незамѣтно уходило время, а Дуня все еще говорила съ докторомъ. Давно погасъ самоваръ, кончился допросъ, затихла деревня вмѣстѣ съ собаками, пѣсней, пожарищемъ, только тутъ двое любовно бесѣдовали да строчили протоколы урядникъ.

— Подожди денечекъ... Ну, подожди... — вся въ счастьѣ и радости просить Дуня.

— Что жъ ждать-то?

— Надо, соколикъ мой, надо... Потерпи; навѣки твоя буду... — влагая въ слова всю любовь и нѣжность, шепчетъ она и вдругъ, съ тревогой:

— Ты крѣлко спиши?

— А что?

Лицо ея сдѣлалось серьезнымъ, въ глазахъ мелькнуль страхъ, но чрезъ мгновеніе все прошло.

Еще нѣжнѣе и радостнѣе, издали цѣлуя его, едва слышно сказала:

— Приду... на зорькѣ... милый...

— Что? — какъ камень въ воду, бухнуль внезапно появившійся урядникъ. — Что?!

Дуня побѣлѣла.

Онъ посмотрѣлъ тупымъ, раскосымъ взглядомъ сначала на Дуню, потомъ на доктора.

— Вы огурчиковъ приказывали? — растерянно спросила Дуня доктора. — Чичасъ, — и скрылась.

Докторъ удивленно поглядѣлъ ей вслѣдъ: такимъ обычнымъ и земнымъ показался ему голосъ чародѣйки Дуни.

Урядникъ круто повернулся и пошелъ на свое мѣсто, оставивъ открытой дверь.

Докторъ, посидѣвъ немнога, разулся и сталъ укладываться спать возлѣ купца. Сразу, какъ погасилъ лампу, комнату окутала тьма, но скоро сталъ видимымъ лунный свѣтъ, лившійся черезъ окна съ улицы. Хмельной угарь все еще ходилъ въ головѣ доктора, и, въ предчувствіи чего-то неизвѣданнаго, замирало сердце. Когда онъ ложился, хотѣлось спать, а легъ — ушелъ сонъ, а на смѣну ему явились думы.

Онъ лежитъ, вспоминаетъ и улыбается. Радостно ему, что Дуня стала его подругой, что за солдата выдали ее силой, что никого не любила и не любить она, кроме него: такъ сказала ему Дуня. Лежитъ, удивляется: скоро, какъ въ сказкѣ. И это очень хорошо: такие вопросы надо рѣшать сердцемъ. Вотъ завтра утромъ встанутъ, напьются чаю и уѣдутъ съ ней въ городъ. А потомъ докторъ выпишетъ себѣ изъ деревни старуху-мать, такую же крестьянку, работящую, простую, какъ и его Дуня. И тогда всѣ трое заживутъ вмѣстѣ. Эхъ, хорошо! Онъ лежитъ съ открытыми глазами, спать не хочется, голова идетъ кругомъ.

Изъ комнаты урядника выступила желтая полоса свѣта, и въ ея ласково-сонныхъ лучахъ вдругъ стало оживать висѣвшее на стѣнѣ полотенце. Откуда-то взялись руки, грудь, голова съ черными глазами, все это дрогнуло и зашевелилось.

— Да вѣдь это Дуня! — радостно удивился докторъ и, съ досадой взглянулъ на полуоткрытую къ уряднику дверь.

Перо скрипѣло въ рукахъ урядника. Вотъ оторвался онъ отъ стола, сжалъ кулаки, потянулся всѣмъ жирнымъ тѣломъ, зѣвнулъ и, по-медвѣжьи, рявкнулъ.

Былое видѣніе исчезло, словно испугавшаяся выстрѣла птица.

— Тыфу! — сказалъ докторъ и перевернулся на бокъ.

Было тихо. Только слышалось, какъ, капля по каплѣ, падала въ лоханку вода изъ мѣдного рукомойника.

«Буль... буль... буль...».

Раздались удары въ колоколъ. Плыли они тихо, раздѣленные большими промежутками времени и, казалось, засыпали по дорогѣ тихимъ сномъ.

Просчитавъ пять ударовъ, докторъ забылся, и ему пригрозило, не то во снѣ, не то наяву, какъ урядникъ вскочилъ со стула, подползъ на четверенькахъ къ полотенцу, зацѣпилъ имъ за ввинченный въ потолокъ крюкъ, и, сдѣлавъ на полотенцѣ петлю, повѣсился. Но, вбѣжавшая во всемъ красномъ, Дуня, ахнула и быстро перестригла петлю. Урядникъ всей тушей упалъ на доктора. Тотъ вздрогнулъ и открылъ глаза. Сонъ. Колоколь еще раза три ударила и замолкъ. На доктора лежала тяжелая, отекшая рука купца. Онъ сбросиль съ себя омертвѣвшую руку и отодвинулся на край постельника.

Купецъ завозился, перевернулся на другой бокъ и что-то забормоталъ, а потомъ отчетливо произнесъ:

— Ядъ-баба... Ядъ!..

Запѣль пѣтухъ, гдѣ-то близко, въ сѣнцахъ, за нимъ другой-третій.

— Вотъ приду... Охъ, желанный мой... — сквозь сонъ слышитъ докторъ.

Притаился, слушаетъ, незамѣтно засыпая.

— Охъ, сладко поцѣлую... Обожгу тебя...
О-о-о-хъ...

Онъ слушаетъ, улыбается и засыпаетъ все крѣпче.

VII.

Долго ль проспалъ докторъ, неизвѣстно, но встрепенулся, когда кто-то хватилъ его, словно шиломъ въ бокъ. Вздрогнуль, протеръ глаза.

Дверь въ комнату урядника была почти закрыта, оставалась лишь не широкая, въ ладонь, щель.

Докторъ взглянулъ и обмеръ. Протеръ глаза, смотрить... Опять протеръ, приподнялся. Глядить и не вѣрить тому, что видитъ...

— Неужто?

Онъ ползетъ тихо къ двери, прячется въ тѣнь и широко открытыми глазами впиваются въ жирную копну урядника и сидящую у него на колѣняхъ, въ одной рубашкѣ, Дуню.

— Вотъ это шту-у-ука!.. — тянетъ докторъ и слышитъ, какъ бьется его сердце, да капли, одна за другой, падая въ лохань, булькаютъ и наслѣдственно разсыпаются въ обманчивой тишинѣ ночи.

Дуня обвила оголенной рукой толстую шею урядника, гладить его волосы, что-то шепчетъ и улыбается лукаво и ласково.

Урядникъ хохочетъ неслышно, и его животъ, подпрыгивая, колышется въ тактъ смѣху, а вмѣстѣ съ нимъ колышется и Дуня, вся стройная, свѣжая, въ розовой рубашкѣ.

— Два съ полтиной, два съ полтиной... нѣть, врешь... — бредитъ скороговоркой купецъ и, застонавъ, добавляетъ убѣжденно:

— Еще успѣшь угорѣть-то...

Докторъ испугался, поползъ было назадъ, но раздумалъ.

Дуня встала, заслонивъ собой свѣтъ лампы, и черезъ руаху трепетно сквозило ея красивое тѣло. Закинувъ руки за голову, она потянулась лѣниво-страстнымъ порывомъ, привставъ на носки, а чудище облапило ее лѣвой рукой, притянула къ себѣ, поцѣловать и зашептать хриплымъ голосомъ:

— Чего онъ тебѣ толковалъ-то?

— А ну ихъ къ чертямъ!... — почти крикнула она.

— Тсс... услышать...

— Спятъ... нажрались оба...

Докторъ таращить глаза, дивится. Не во снѣ ли, думаетъ. А они, проклятые, шипятъ гусями:

— Люблю тебя, Павлуша...

— Любишь? Ты чего-то юлишь, по рожѣ вижу, что юлишь... А дѣячокъ-то?

— Не вспоминай... Вѣдь каялась... Чего жъ тебѣ надо? Прости...

Замолчали оба. Онъ краснаго вина подносить, самъ пить, ея плечо лапой гладить, тискаеть.

— Ночевать не будешь?

— Нѣть, ъхать надо.

— Подари колечко. Можетъ, не увидимся...

Уйду.

— Что-о?!

Таящимся, тихимъ смѣхомъ всколыхнулась Дуня, задорно запрокинула съ двумя черными косами голову,

взметнула вверхъ руки, переплела пальцы, хрустнула ими и, покачиваясь гибкимъ станомъ, протянула:

— Испужа-а-лся?.. А ежели уйду? Кто удержить?

— Сма-а-три, Дуня!

Урядникъ поднялъ надъ головой револьверъ, потрясъ имъ въ воздухѣ.

— Со дна моря достану, изъ могилы выкопаю, воскрешу и перерву глотку... Знай!

Она прижала локтями грудь, съежилась, вздрогнула зябко:

— Заколъла я чего-то... Поцѣлуй...

Потемнѣло у доктора въ глазахъ: сонъ или не сонъ? Въ ушахъ шумитъ, во рту пересохло и, какъ въ наковальню молотомъ, бьеть въ груди сердце.

Быстро поднялся съ полу — нѣтъ, не сонъ, быстро подошелъ къ постельнику и, нагнувшись, сталъ шарить спички.

У урядника погасъ огонь, и захлопнулась плотно дверь. Оттуда слышалось не то ругань, не то смѣхъ.

Докторъ зажегъ лампу. Руки его дрожали. Взглядъ сталъ дикимъ, растеряннымъ, а мускуль надъ глазомъ запрыгалъ. Онъ налилъ въ чайный стаканъ коньяку и жадно, залпомъ выпилъ.

— Нѣтъ, не сонъ...

Была глухая ночь. Хмель властно вползалъ въ его голову. Заскакали мысли, перепутались, какъ испуганное стадо барановъ, и бросились вразсыпную, кто куда. Чувствовалъ онъ, какъ уползаетъ изъ-подъ ногъ почва, какъ все горитъ и стонетъ у него въ душѣ. Тяжко сдѣлалось.

Время шло. Лампа давно погасла, и копоть отъ

тлъющаго фитиля висѣла надъ столомъ чернымъ угаромъ, а сквозь стекла оконъ глядѣла луна.

— Эй, ты, господинъ торгующій... купецъ! — говорилъ докторъ пьянымъ голосомъ. — Тарантасъ эта-кій, а?.. Слышишь?.. Храпиши? Ну, чортъ съ тобой, спи... Н-нда-а... Болотина-то, грязь-то ка-кая... Ай-яй-яй-яй-яй... Ай-яй-яй-яй-яй... Бррр... Гдѣ тутъ гармонія, красота?.. Вдругъ урядникъ... и Дуня... Ходячее пузо какое-то... и алый полевой цвѣтокъ... А?.. Нѣть, ты посуди, Аршинъ Иванычъ, правъ я, или не правъ?.. Все поругано, все попрано... перекувырнуто вверхъ дномъ... и дно полѣномъ вы-бито...

Докторъ приподнялся съ лавки, взъерошилъ волосы, вытаращилъ глаза и закричалъ:

— Эй, вы, красивые... двое!.. Заперлись?!

Въ комнатѣ урядника примолкли, притаились, точно умерли.

— За что жъ ты мнѣ въ душу-то харкнула?.. А?.. Вѣдь ты кто?.. Знаешь, ты кто?.. Сказать тебѣ?.. Змѣя!.. — сталъ кричать, топая ногами, докторъ. — Скверная баба, грязная!.. Урядникъ?!.. Э-ге.. Нѣть, погоди... Дѣячокъ?!.. Ха!.. Нѣть, мнѣ такую не надо!.. Слышишь?.. Ты!.. гадина, слышишь?.. Краля!!.. Красивая... Уйди про-о-о-очь!.. Прочь!!..

Во тьмѣ что-то зачавкало, всхлипнуло, зашипѣло, и раздался голосъ купца:

— Вы съ кѣмъ это разсужденіе имѣете?..

Докторъ удивился звуку голоса, но, уяснивъ суть, всталъ, побрель, еле держась на ногахъ, къ купцу и упалъ возлѣ него на колѣни. Цѣловаль его, плакаль горько пьяными слезами и жаловался:

— Гдѣ же правда, гдѣ?.. Вдругъ Дуня, и на колѣняхъ у борова... А?.. Зачѣмъ обѣщать тогда... А вѣдь какъ клялась..

— Д-а-а, вонъ оно что... Хе-хе-хе... Такъ-такъ-такъ... На то и щука въ морѣ... Вотъ-те и чистая... Ха-ха!.. Ловко...

Докторъ, покачиваясь, стоялъ на колѣняхъ, и грозно тряслъ кулакомъ:

— У-ухъ, ты, мнѣ!.. Куроцапъ!.. Убью!..

— Смотри, отскочите... — иронически замѣтилъ купецъ, и продолжалъ, зѣвая. — А ты вотъ лучше вы-smоркайся, да ложись-ка спать съ Богомъ... Ишь ночь...

Онъ еще разъ зѣвнулъ, перекрестилъ ротъ и, перевернувшись, добавилъ:

— Вотъ те и чистая... Она, даромъ, что Авдокея Ивановна, а умная стерва: гдѣ пообѣдаетъ, туда и ужинать идетъ.

Сказаль и чрезъ минуту захрапѣль.

Слышно было, какъ во дворѣ раздавались дѣловитые голоса, бубенцы побрякивали, тяжелые сапоги топали по сѣнцамъ и ступенямъ крыльца, отворялась и затворялась наружная дверь.

Заскрипѣли ворота, рванули кони, колеса затараторили.

— Съ Бого-о-мъ!..

Тявкнула спросонокъ собака, опять заскрипѣли и хлопнули ворота, побродилъ кто-то по двору, и все стихло.

* * *

Часъ прошелъ, томительный и длинный, наполненный вздохами, безсвязнымъ бормотаніемъ и затаеннымъ ночнымъ шорохомъ.

Луна еще не ушла съ неба, но конецъ ночи былъ близокъ.

— Баринъ, а баринъ! — еле слышно позвала неожиданно Дуня.

Она стояла среди комнаты, трепетно-бѣлая, охваченная спопомъ лунныхъ лучей.

— Желанный...

И, крадучись, направилась къ доктору, простирая руки.

Тотъ застональ, открылъ глаза и зло перевернулся лицомъ внизъ.

Дуня стоитъ надъ нимъ, что-то причитаетъ, и вся дрожить, какъ въ непогоду дерево.

— Слушай-ка... Не серчай...—льется нѣжный молящій голосъ.—Ты разбери только, по косточкамъ жизньюто мою разбери, вывѣдай... Не серчай, ради Господа.

— Тебѣ что надо?! . — повернувъ къ ней лишь голову, крикнуль докторъ. — Тебѣ, собственно, что отъ меня требуется?! . — и опять уткнулся въ подушку.

Прошла жуткая минута. Дуня несмѣло опустилась возлѣ него на колѣни.

— Ахъ, милый, разсуди: вѣдь смерть, прямо смерть отъ него, отъ лиходѣя, отъ урядника-то... Мужъ билъ, вотъ какъ билъ, житъя не было; забрали на войну, обрадовалась — хошь отдохну... Тотъ чортъ-то привязался, урядникъ-то... запугаль, загрозился, — убью, кричить, а защитить некому — одна... Ну и

взяль... А я все ждала, сколько свѣчей Богородицѣ переставила: вотъ, думала, найдется человѣкъ, вотъ пожалѣть. Пришелъ ты, приласкалъ, такой хороший... ажъ сердце запрыгало во мнѣ, одурѣла отъ радости... А съ нимъ, съ аспидомъ развязалась, отвела глаза, успокоила, — убиль бы... Поняль?.. Вотъ бери теперича... Возьмешь?

Затаивъ дыханіе, она робко ждала.

— Возьму... Эхъ, ты...

Пала рядомъ съ нимъ; отталкиваль, гналь, корилю обидными словами, а сумѣла остатся возлѣ, впилась дрожащими, теплыми губами въ его лицо, замутила голову, всколыхнула хмельную кровь потерявшаго надъ собою власть человѣка..

— Ахъ, желанный мой!.. Люблю... — восторгомъ и неподдѣльной радостью звучала ея рѣчь: ждала, насторожившись, — вотъ скажеть, вотъ обрадуетъ...

— Убирайся ко всѣмъ чертамъ! — послѣ минутнаго раздумья, презрительно бросиль, волнуясь докторъ. — Маршъ отсюда!

Дуня вскочила:

— Только-то?

— Маршъ!!.

— Стой, кто тутъ? — прохрипѣль купецъ. — Ты, Дуняха? — онъ быстро приподнялся, зашарилъ-замахъ въ полутьмъ руками и, сидя на полу, шутливымъ голосомъ покрикивалъ:

— Давай-жа, давай ее сюда... Хе!

И слышно было, какъ Дуня, поспѣшно удаляясь, ступала босыми ногами, скрипнула дверью и тамъ, за стѣной, не то захохотала, не то заплакала въ голосъ, какъ надъ покойникомъ бабы.

— А ты, докторъ, дуракъ! — сказалъ, опять повалившись, купецъ.

Но докторъ лежалъ, свернувшись клубкомъ, съ головой закрывшись одѣяломъ и, какъ смертельно раненый, мучительно стоналъ.

На разсвѣтѣ для доктора стали запрягать лошадей.

Онъ, заложивъ за спину руки, торопливо ходилъ по двору, хмурый и сосредоточенный, въ сѣромъ, перехваченномъ кушакомъ, бешметѣ и высокой папахѣ.

А кругомъ сутились, закручивали лошадямъ хвосты, подбрасывали въ задокъ сѣно, укрѣпляли веревками веци.

Докторъ проворно вскочилъ въ тарантасъ, забился въ уголъ и закрылъ глаза.

— Трогай со Христомъ! — приказалъ чей-то стариковскій голосъ.

Четко ступая по бревенчатому настилу, шагомъ пошли къ воротамъ кони.

Когда на улицѣ проѣзжали мимо оконъ земской, ямщикъ-подростокъ, вздохнувъ, сказалъ:

— Эка, Дунька-то какъ воетъ... Чу! — и врачебно взглянуль на сѣдока.

Докторъ вѣдрогнуль, открылъ глаза: — Больно, мучительно больно... Мерзко... — высунууль, было, голову, но ямщикъ гикнуль, лошади рванули и понесли.

— Точка, — растерянно прошепталъ докторъ, вновь забился въ уголъ и крѣпко сомкнуль усталые, полные грусти, глаза.

Тихо снѣгъ падаль, первый осенній снѣгъ — гость небесный. Еще дремалъ воздухъ, дремотно падали снѣжинки, все дремало, и бубенцы съ колокольцами тихо звякали, зябко вздрагивая на холодкѣ.

На доктора валился сонъ. Засыпая, онъ грезилъ о томъ, какъ зима придетъ, съ метелями и морозомъ, и все уснетъ въ природѣ подъ бѣлой, теплой шубой. Но пролетитъ на легкихъ крыльяхъ время, и вновь наступить молодая, нарядная весна съ ковромъ цветовъ, ликующимъ хороводомъ птицъ, и опять длинными, колеблющимися трехугольниками, полетятъ съ юга, съ новыми вольными пѣснями, радостно перекликаясь, журавли.

1913, февраль.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
Колдовской цвѣтокъ	—
Чуйскія были	22
Зеркальце	24
Часы	28
Живые мѣшки	32
Гнусъ	38
Помолились	55
Ванька Хлюсть	61
Судъ скорый	100
Краля	146

О Г Н И.

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ СБОРНИКИ.

Книга первая. С. С. КОНДУРУШКИНЪ. *Въ солнечную ночь.* Ц. 1 руб. 25 коп.

Книга вторая. Г. Д. ГРЕБЕНЩИКОВЪ. *Змѣй Горынычъ.* Ц. 1 руб. 25 коп.

Книга третья. ЛАТЫШСКІЙ СБОРНИКЪ современной худож. литературы, подъ редакціей и съ предисловіемъ А. ДЕГЛАВЪ. Содержаніе: Р. БЛАУМАНЪ, *Андрисонъ;* А. Нѣдра, *Петэръ Сална;* В. ПЛУДОНЪ, *Реквіемъ,* стих.; Я. АПСИТЬ, *Дядя Адамъ;* А. ДЕГЛАВЪ, *Самсонъ и Дамила;* А. УПИТЬ, *Кошмаръ;* Я. КЛЯВИНЪ, *Сынъ* — въ переводахъ А. БЛЮМА, Л. СНИКЕРЪ, Я. ГРІЙНСА, Р. ЛАПИНА. Ц. 1 руб. 75 коп.

Книга четвертая. В. Я. ШИШКОВЪ. *Сибирскій сказъ.* Ц. 1 руб. 25 коп.

Книга пятая. М. СПИРИДОНОВЪ. *Райскій садъ.* Ц. 1 руб. 25 коп.

Книга шестая. Г. КАРГРЭМЪ. *На груди природы.* Ц. 1 руб. 25 коп.

Книга седьмая. АРМЯНСКІЙ СБОРНИКЪ совре-
менной худож. литературы, подъ
редакціей и со вступительн. статьей
МАРІЭТТЫ ШАГИНЯНЪ. Ц. 1 р. 50 к.

Книга восьмая. Г. ВЯТКИНЪ. *Золотые листья.*
Ц. 1 руб. 25 коп.

Книга девятая. С. ПОДЪЯЧЕВЪ. *Рассказы.*
Ц. 1 руб. 25 коп.

Книга десятая. Г. Д. ГРЕБЕНЩИКОВЪ. *Степь да небо.* Ц. 1 руб. 25 коп.

95317001 9 7

НА СКЛАДЪ К-ВА „О Г Н И“:

О. ГЕНРИ. *Сердце Запада.* Разсказы. Петроградъ, 1916 г. Ц. 1 р. 50 к.

„Не такъ давно скончавшійся американскій писатель, впервые выступающій передъ русскимъ читателемъ, былъ очень недурнымъ и занятнымъ разсказчикомъ. У него есть наблюдательность, выдумка, юморъ, грубовато-примитивный, но сочный, и свой стиль, правда, немногого смахивающій на газетный... но зато этотъ шумный, кричащій стиль... отражаетъ темпъ американской жизни... не пытаясь возносить О. Генри сравненіями съ „классиками“, просто предложитъ его вниманію читателя, какъ нескучнаго, благодушнаго и неоднообразнаго разсказчика“.

„Рѣчь“, 1916 г., № 79.

З. ГИППІУСЪ. *Зеленое кольцо.* Пьеса въ 4 дѣйствіяхъ съ послѣсловіемъ „Зеленое-Бѣлое-Алое“. Петроградъ, 1916 г. Ц. 1 р. 25 к.

„Вышла отдѣльной книгой пьеса З. Гиппіусъ „Зеленое кольцо“, шедшая на сценѣ Александринскаго театра. Идея пьесы старая: непримиримыя, исключающія другъ друга противорѣчія, лежащія во взглядахъ старого и молодого поколѣній, рознь между „отцами“ и „дѣтьми“, но З. Гиппіусъ пытается взять эту тему глубже. Юные гимназисты и гимназистки, члены общества „Зеленое кольцо“, отрицаютъ все старое устройство, всю психоло-

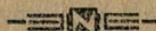
288 43

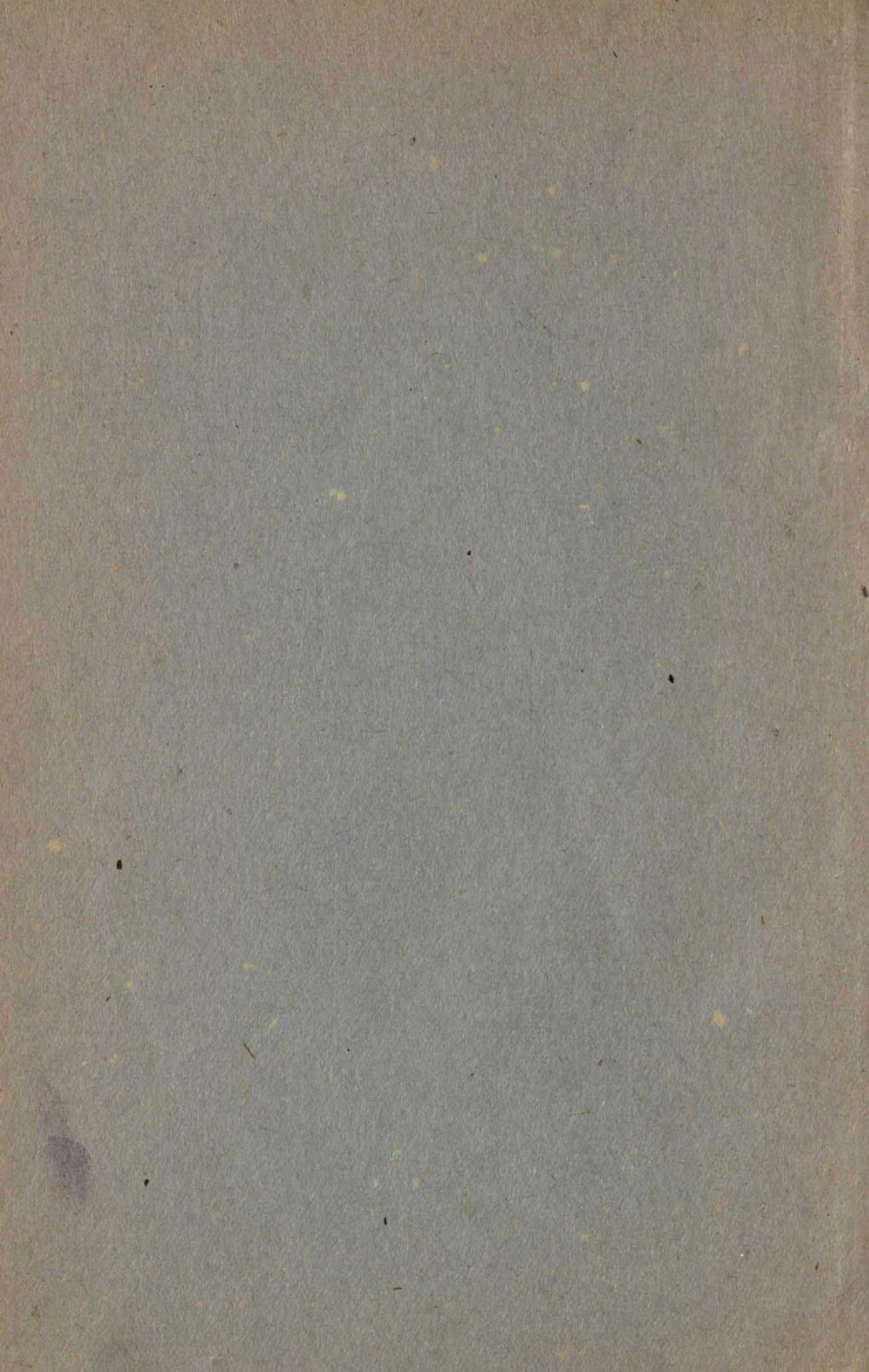
гю старшаго поколѣнія, провозглашають его отжившимъ,
вызывающимъ только снисходительное отношеніе... Страст-
ное желаніе З. Гиппіусъ увидать, на конецъ, молодое
поколѣніе, озаренное инымъ свѣтомъ, чѣмъ наше, ...при-
званное воплотить въ реальныя формы неясныя чаянія
и грэзы отдѣльныхъ единицъ изъ старшаго поколѣнія..."

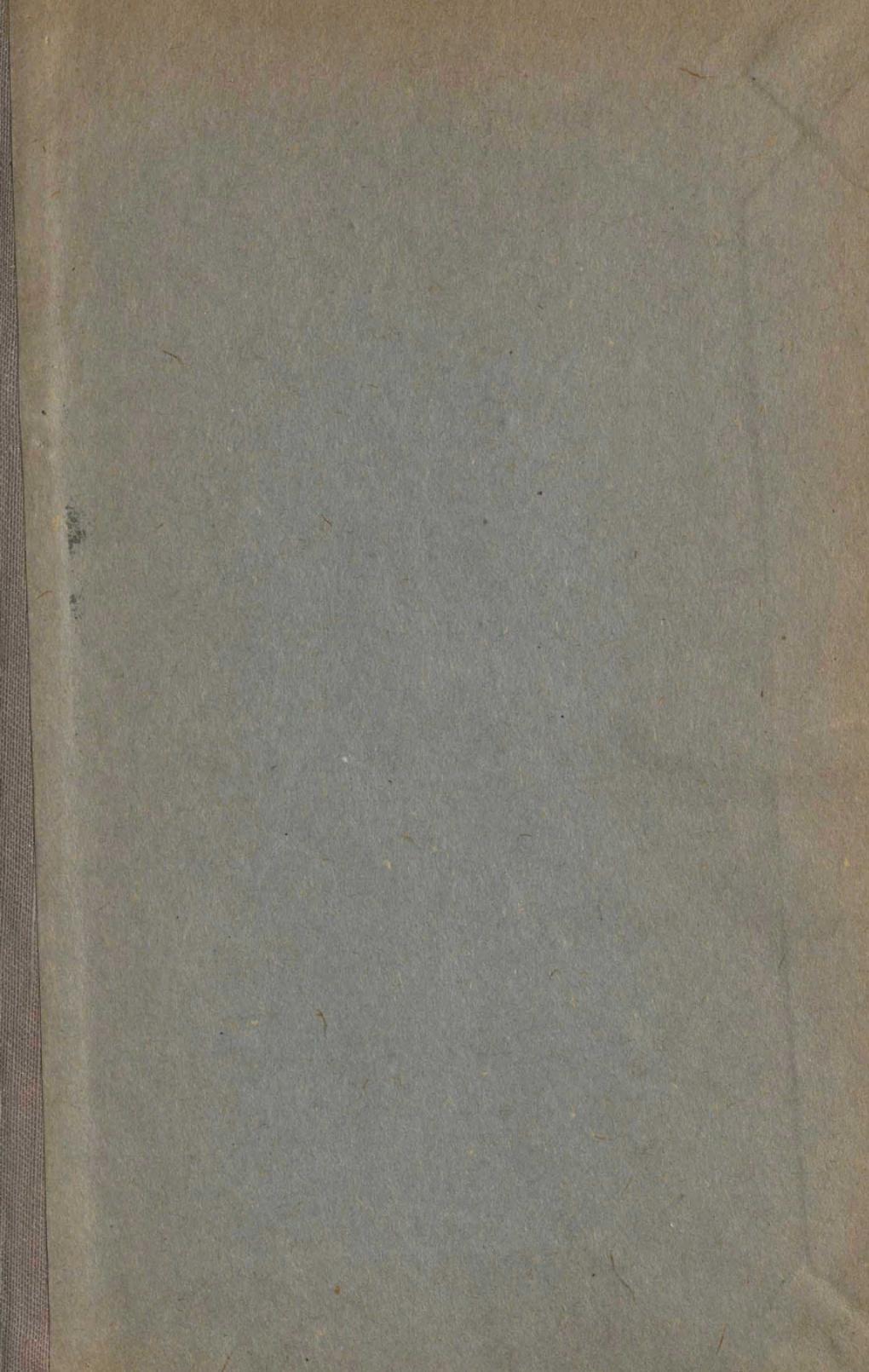
„Уральская Жизнь“, 1916 г., № 183.

ИМЪЮТСЯ НА СКЛАДЪ ВСЪ ИЗДАНІЯ М. В.
АВЕРЬЯНОВА, О. БОГДАНОВОЙ, „ЗАДРУГИ“,
„КОРАБЛЬ“, „НАУКИ“, К. Ф. НЕКРАСОВА,
„ПРИБОЙ“ и др.

Складъ высылаетъ по первому требованію всѣ
книги, имѣющіяся въ продажѣ наложеннымъ плате-
жомъ; каталоги — бесплатно.

2015188335